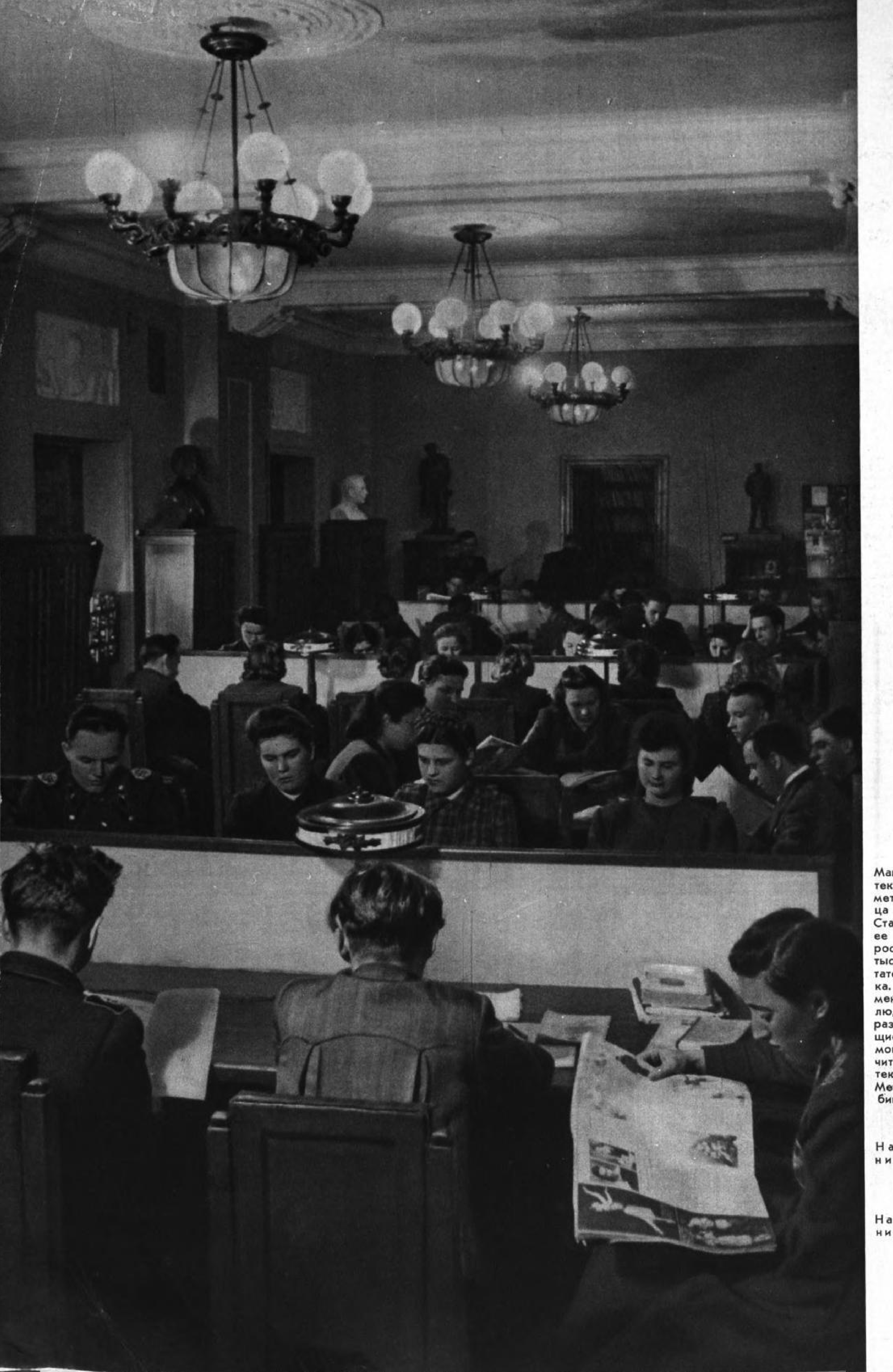

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Магнитогорская библиотека Дворца культуры металлургов — ровесница комбината имени Сталина. Книжный фонд ее за двадцать лет вырос до 220 тысяч томов; тысячи постоянных читателей имеет библиотека. Это сталевары, доменщики, прокатчики — люди самых разнообразных профессий, учащиеся вузов и техникумов. На снимке: в читальном зале библиотеки Дворца культуры Металлургического комбината имени Сталина.

Фото И. Тункеля

На первой странице обложки: Весенний сев.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: Снег тает.

Фотоэтюд Г. Борисова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1296) 6 АПРЕЛЯ 1952 30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Первая в мире

Сборка закончена!

По узкой железной лесенке, точно на корабле, мы поднимаемся на испытательный стенд и оказываемся перед турбиной. Она привлекает блеском металла, свежей окраской. Ее гигантская труба, изгибаясь, уходит под застекленную крышу цеха. Одним взглядом невозможно окинуть всю машину, настолько она громадна. Длина ее — 22 метра.

С площадки стенда, устланной железными листами и обнесенной перилами, из края в край видны просторы паро-турбинного цеха Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина. Еще совсем недавно в его пролетах обрабатывались и собирались детали и узлы уникальной турбины. Сейчас все внимание приковано к стенду — этой сложнейшей испытательной станции.

Мы встретили здесь лауреата Сталинской премии главного инженера завода М. Бушуева. Около трех десятилетий тому назад он, молодой инженер, в этом же цехе испытывал первую паровую турбину. По своей мощности она была в 150 раз меньше нынешней.

— В послевоенное время у нас был сооружен крупнейший испытательный стенд,— рассказывает тов. Бушуев. — Но теперь и его пришлось перестроить, оснастить новейшим оборудованием. Выстроены специальная насосная станция, водопровод, маслопроводное устройство, вмещающее одновременно целую цистерну масла, оборудован пульт автоматического управления. Под землей к стенду проложены многочисленные коммуникации паропроводов, кабелей, а от самой Невы тянется труба для перекачки тысяч кубометров воды.

27 марта. Начальник стенда А. Ф. Ненадович доложил о готовности турбины к испытанию. Инженеры, мастера, испытатели поднялись на стенд.

Раздается команда:

— Включить пар!

Световыми и звуковыми сигналами на пульте автоматически точно отражается работа многочисленных механизмов испытываемой турбины.

400 оборотов ,в минуту!

— Волнуетесь?— спрашивает кто-то у начальника цеха.

— Волнуемся, — сознался он. — Волнуемся, но не боимся.

Волновался весь завод. У входа в цех спрашивали:

— Ну, как идет? Сколько оборотов?

Обороты нарастали. Инженеры с длинными слуховыми трубками прислушивались к дыханию новорожденной машины.

Известные всей стране конструкторы М. И. Гринберг, К. А. Спиридонов, П. С. Гладковский, главный инженер М. А. Бушуев, директор завода В. И. Васильев, начальник сборки А. А. Дьяковский, начальник цеха Э. Д. Долинский — все они осматривают, ощупывают, приглядываются к поведению своего детища.

Каждый ревниво следит за своим узлом: нет ли в нем посторонних шумов, вибрации, как действует регулятор; десятки вопросов беспокоят творцов турбины. Сейчас испытывают не только турбину, но и творческую зрелость тысяч людей.

Вместе с числом оборотов растет напряжение испытателей. 28 марта. Четыре часа утра. 3 тысячи оборотов! Нормальный режим работы достигнут. Турбина ведет себя отлично. Это незабываемые минуты. Люди поздравляют друг друга. Испытания блестяще проведены в течение двух дней.

Ровный, спокойный гул турбины Мира, как назвали ее на заводе, звучит над цехом победно-праздничным гимном.

Это действительно победа. Первенство в мировой технике турбостроения завоевано советскими людьми.

Товарищ Сталин поздравил в свое время коллектив завода с созданием турбины высокого давления в 100 тысяч киловатт. Это было почти шесть лет назад. Слова вождя вдохновили конструкторов на поиски новых путей технического прогресса. Повысить экономичность турбин можно было, создав турбину в 150 тысяч киловатт. И вот она создана. Она будет потреблять топлива на 10 процентов меньше, чем 100-тысячная турбина. Она приводится в движение паром при давлении 170 атмосфер.

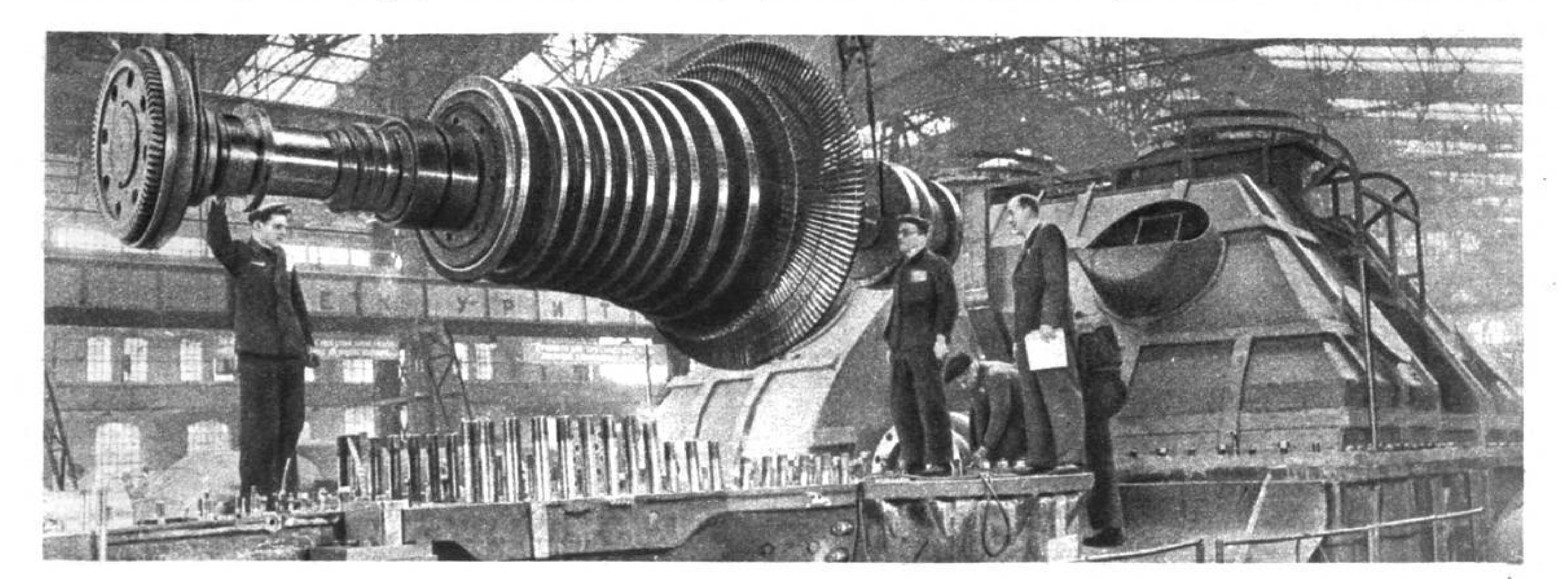
Испытание было еще в самом разгаре, а на завод уже звонили, присылали нарочных с заявками на экскурсии. Всем хотелось взглянуть на эту невиданную машину. К исходу 28 марта в бюро пропусков поступило сто заявок на коллективные экскурсии. Вся страна следила за созданием небывалой машины. Стоило молодой фрезеровщице Рае Липкиной в рекордный срок изготовить детали, как в ее адрес посыпались письма и телеграммы с пожеланием коллективу успешно изготовить турбину.

...Взволнованные строители и испытатели рады сообщить о своей победе тому, кто вдохновил их на создание новой техники, техники коммунистического общества, — великому И. В. Сталину.

Д. ГРАНИН,
К. ЧЕРЕВКОВ

Турбина после сборки на испытательном стенде.

На сборке турбины. Установка ротора среднего давления.

Фото И. Фетисова

БЮДЖЕТ МИРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

На многие тысячи километров, от берегов Балтики до Тихого океана, от Крайнего Севера до Черного моря, протянулась русская земля. На необъятных просторах РСФСР проживает более половины населения многонационального Советского Союза. Три четверти промышленной продукции и около двух третей зерна, производимых в Советском Союзе, дает РСФСР. Три великие стройки коммунизма: Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции — сооружаются на русской земле. Великий русский народ идет в авангарде строителей коммунизма, помогает всем социалистическим нациям одерживать новые победы на фронте мирного строительства.

За истекший год Российская Федерация добилась еще больших успехов в области промышленности, сельского хозяйства, культуры, подъема благосостояния трудящихся. В дни, когда трудящиеся нашей страны развертывают социалистическое соревнование за досрочное выполнение народнохозяйственного плана 1952 года, в Москве, в Большом Кремлевском дворце, собралась 2-я сессия Верховного Совета РСФСР. Избранники народа, выполняя волю своих избирателей, обсудили и утвердили Государственный бюджет РСФСР на 1952 год — бюджет мирного строительства, дальнейшего подъема социалистической экономики, неуклонного повышения благосостояния и культуры народов Российской Федерации.

За цифрами бюджета мы видим новые предприятия, жилые дома, школы, больницы, детские учреждения, клубы, библиотеки, кинотеатры.

Выполняя Государственный бюджет, народы Российской Федерации в дружной семье всех советских народов добьются новых побед на фронте мирного строительства.

→

Заседание Верховного Совета РСФСР 29 марта 1952 года. На снимке — за столом председателя (слева направо): заместители Председателя Верховного Совета РСФСР **А. С. Борисенко, К. М. Абдуллина, Н. А. Муравьева, С. М. Бутузов,** Председатель Верховного Совета РСФСР **Л. Н. Соловьев,** заместители Председателя Верховного Совета РСФСР **М. З. Азизов, Е. И. Третьякова, А. А. Ильюшин, И. В. Окунев.** В ложах — товарищи **И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. Ф. Горкин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко.** На трибуне — секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР **И. Н. Зимин.**

Фото А. Устинова

НА БЛАГО НАРОДА

Первый день торговли по новым сниженным ценам. В 9 часов утра покупатели заполнили магазин Гастроном № 2 (Москва).

Радостными событиями полна жизнь советского человека. Вдохновляющие вести идут с Волго-Дона,— недалек день, когда встретятся великие реки. Подымаются сооружения крупнейших строек в Сталинграде и Куйбышеве; Днепр и Аму-Дарья становятся плацдармами наступления на засуху и суховеи. Вся страна приветствует ленинградских турбостроителей: уникальная турбина мощностью в 150 тысяч киловатт закончена и успешно прошла испытания.

В нашей стране щедро вознаграждается героический труд народа. Партия и правительство проявляют неустанную заботу о его материальном благосостоянии.

Ярким свидетельством этой заботы является опубликованное в начале истекшей недели постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) о новом снижении государственных розничных цен на продовольственные товары.

Это уже пятое по счету снижение цен после окончания войны! Вновь и вновь исполняются слова товарища Сталина. В феврале 1946 года, выступая перед избирателями, товарищ Сталин сказал:

«Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары...».

И каждый в нашей стране воочию видит, как все больше становится предметов широкого потребления, как все выше поднимается жизненный уровень, как последовательно, из года в год, снижаются цены.

Систематическое снижение цен вполне закономерно в условиях социализма, где достигаются все новые успехи в области промышленности и сельского хозяйства,

растет производительность труда и снижается себестоимость продукции.

Новое снижение цен с благодарностью восприняла каждая советская семья. Подешевели самые необходимые продукты: хлеб, крупы, масло, сахар, мясо, молоко, яйца и многие другие. Свидетельством заботы о культурном развитии наших людей является значительное снижение цен — в среднем на 18 процентов — на книги, включая учебники. В результате нового снижения цен население получит чистый выигрыш в размере более 23 миллиардов рублей по государственной розничной торговле. Если же учесть, что снижение цен по госторговле вызовет снижение цен по линии колхозной и кооперативной торговли, то общий выигрыш населения составит 28 миллиардов рублей.

Растущие материальные блага, которые получает советский народ, становятся еще более наглядными, когда их сопоставляешь с положением тружеников в капиталистических странах. Простые люди США и маршаллизированных стран каждое утро могут ожидать, что цены на предметы первой необходимости вновь повысятся. После нападения на Корею дороговизна в странах капитализма достигла невиданных размеров. Так, даже по признаниям фальсифицированной статистики, намного приукрашивающей действительное положение дел, за период с первого полугодия 1950 года по сентябрь 1951 года розничные цены на продукты питания возросли в США — на 15 процентов, в Англии — на 16 процентов, во Франции — на 19 процентов.

По официальным, явно преуменьшенным данным, средний уровень цен на продовольственные товары в США к концу декабря 1951 года составлял 234 процента по сравнению со средним уровнем 1935—1939 годов. Французские домашние хозяйки ощущают на себе «благодеяния» трумэновской Америки, которые привели к тому, что только за июль—сентябрь прошлого года ржаной хлеб вздорожал на 27 процентов, пшеничный — на 29, яйца — на 53 процента.

Да и может ли быть иначе там, где вся экономика переведена на военные рельсы! О каком снижении цен может идти речь во Франции, если военные ассигнования в общей сумме бюджета 1951/52 года составляют 33 процента! Но трумэновским агентам — подлинным хозяевам непрерывно меняющихся французских правительств — и этого кажется мало: ведь в самих Соединенных Штатах военные расходы поглощают 67 процентов бюджета. В эти 67 процентов входит и содержание лабораторий смерти, где выращиваются «солдаты Трумэна» — чумные и иные бактерии, сбрасываемые на корейскую и китайскую земли...

Главными чертами основного экономического закона современного капитализма, учит товарищ Сталин, является обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей.

Товарищ Сталин учит, что существенными чертами основного экономического закона социализма является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Снижение цен в Советской стране — яркое свидетельство роста материального и культурного уровня нашего общества, мирного характера нашей экономики, мирных устремлений народа.

Все счастливее и богаче живет советский человек, все радостней и плодотворней трудится он на благо своего народа.

Письма с Волго-Дона

Николай Никитин ПРИНИМАЕТ КАНАЛ

С. Суслов, Б. Емельянов и Н. Никитин (слева направо) осматривают 122-й канал.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Поезд в Калач прибыл ночью. Из вагонов вышла группа молодых людей. Новенькие черные шинели, золотые погоны, на пуговицах — золотые якоря... Выпускники Ленинградского института инженеров водного транспорта.

Проводы и встречи слились для них в одно большое событие. Кажется, вчера получали они дипломы и назначения на Волго-Дон, ходили, прощаясь, по коридорам и аудиториям своего института, глядели из окон на привычную картину торгового порта, зимующие у Канонерского острова суда и лед Невской губы, а потом... стук колес, гудки паровозов, мелькание станций, встречных эшелонов, и вот Волго-Дон.

Их обрадовал новый город с красивыми каменными зданиями, просторными площадями — оживленный, большой город строителей. Появление приезжих сразу было замечено горожанами.

— Приехали! Скоро пускать Волго-Дон будем!..

Каждый день в Калач прибывают автобусы и поезда из Сталинграда, и все больше появляется тут людей в форменных шинелях: приехали эксплуатационники с Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, с канала имени Москвы, с Волги, Днепра, Камы; выпускники институтов, речных техникумов и училищ. Стоило появиться им, как все здесь остро почувствовали: наступают большие перемены, и то, что вчера называлось «стройкой», сегодня уже становится готовым «гидротехническим объектом».

Выпускники Ленинградского института инженеров водного транспорта явились в Управление Волго-Донского водного пути. На площади, где установлена скульптура И. В. Сталина, увидели они большое здание с колоннами, скопление машин, а в самом доме — людей в белых полушубках, стеганых ватниках, брезентовых плащах: входили и выходили бетонщики, крановщики, экскаваторщики, бульдозеристы. Стучали телетайпы. Звонили по селектору диспетчеры. В коридорах говорили о бетоне, лесопосадках, шпунтах, и с утра до утра доносились сюда далекие взрывы, гул и рев самосвалов, дробный безостановочный стук вибромолотов.

Водники только что въехали в здание, где располагалось другое управление — строительства Волго-Донского судоходного канала. Строители потеснились, отвели прибывшим левое крыло своего здания, и в длинном коридоре на дверях кабинетов появились таблички с наименованиями новых отделов.

Среди только что прибывших эксплуатационников мы повстречали молодых инженеров, о которых сообщалось в четвертом номере «Огонька» в корреспонденции «С дипломом на Волго-Дон!» В коридоре они стояли веселой толпой и читали этот номер журнала.

— Аркадий! Про тебя написано... Маруся! Читай, читай! — слышались возбужденные голоса.

Светловолосый Аркадий Архипов взял номер журнала и углубился в строки, посвященные ему и его дипломной работе. Из рук Архипова журнал перешел к Марии Ивановой, темноглазой энергичной женщине.

— Читай вслух! — сказали ей товарищи.

Так началось наше знакомство с героями одной корреспонденции. Читатель познакомился в ней с учебой, выпускными экзаменами и дипломными работами будущих инженеров. Теперь есть возможность проследить их дальнейшую судьбу, увидеть, как вступает молодежь в самостоятельную жизнь на великой стройке.

Заместитель начальника Управления Волго-Донского водного пути капитан речного флота первого класса Владимир Иванович Тупилин объявил молодым специалистам: сейчас начнет работать комиссия, она даст назначения.

Вошел в кабинет и представился комиссии Аркадий Архипов. Он обстоятельно ответил на вопросы, рассказал о теме дипломного проекта. Потом отвечали на вопросы Мария Иванова, Виктор Степанов, Борис Голубев, Сергей Суслов, Николай Никитин...

Более ста молодых специалистов получили назначения. Аркадий Архипов будет начальником шлюза на «Волжской лестнице»; Мария Иванова остается работать в Управлении Волго-Донского водного пути; Виктор Степанов едет работать на Мариновскую насосную станцию; Сергей Суслов — на Карповскую; Борис Голубев — на тринадцатый шлюз. А Николай Никитин назначен старшим инженером участка пути Донского района.

И вот замелькали на всей трассе канала черные шинели и золотые якоря на фуражках, и всюду, где появлялись они, шли оживленные беседы строителей с будущими хозяевами Волго-Дона.

Николай Никитин явился в Ильевку и представился начальнику Донского строительного района Леониду Александровичу Тарханову. Убеленный сединами, старый инженер, построивший на своем веку немало заводов, шахт, плотин и электростанций, усадил Никитина в кресло и внимательным взглядом окинул его юношескую фигуру, словно изучая: кому же вручается важный участок водного пути, сможет ли оправдать он доверие, принять корабли на большой водной дороге? Сероглазый, светловолосый юноша с широким скуластым лицом выдержал пристальный взгляд и спокойно ждал, что будет дальше.

— Вам повезло, Николай Яковлевич! — дружески заговорил начальник района. — Вы получаете готовый участок канала, уже замощенный камнем и заполненный донской водой. По сто двадцать второму каналу — мы так называем этот участок — еще прошлой осенью ходили суда. Правда, они перевозили только камень, и движение было совсем небольшое, но это уже была навигация — пусть маленькая, но все-таки навигация.

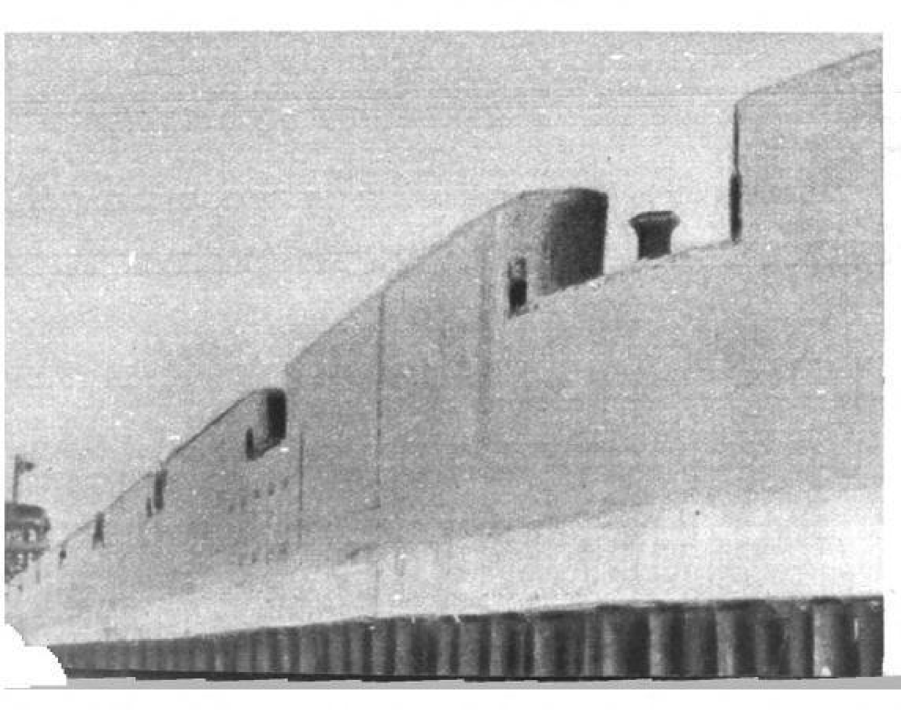
— Приложу все силы, чтобы оправдать доверие,— вставая с места, сказал Никитин.

— Все изучайте и не бойтесь советоваться. — Тарханов вышел из-за стола, подошел к Никитину и обнял его. — Завидую я вам: первый шаг в жизнь — и на великой стройке. Сразу беретесь за очень большое, ответственное дело. Счастливая молодежь!

Начальник района подошел к телефонному коммутатору, нажал кнопку и с кем-то заговорил по телефону. Вскоре в кабинет вошел начальник производственно-технического отдела Николай Евдокимович Соколов.

— Знакомьтесь, — представил ему Тарханов

Готовы причалы...

Никитина. — Этот молодой инженер будет принимать сто двадцать второй канал. Назначен старшим инженером участка.

Николай почувствовал крепкое рукопожатие, и опять на него смотрели внимательные, испытующие глаза.

Тарханов попросил Соколова провести Никитина по сооружениям, познакомить его со схемами, чертежами, отчетами, — одним словом, ввести в курс всех строительных работ. Прощаясь, Леонид Александрович сказал Никитину, что временно он не может предоставить ему отдельный коттедж.

— Придется вам поселиться в комнате, но как только начнут уезжать строители, монтажники и лесоводы, обязательно получите хороший дом с садом и всеми удобствами. Нам ведь пришлось сначала жить в палатках и землянках, когда прибыли в степь, — мягко говорил Тарханов. — Теперь есть город в степи, стоит он на берегу будущего моря, и в этом городе вы будете хорошо жить и работать.

На попутной грузовой машине Никитин и его друг по институту Сергей Суслов поехали на 122-й канал. Они рассматривали прямые улицы, каменные коттеджи, десятки автомобилей, возивших к месту посадки многолетние деревья, высокое здание школы, башню бетонного завода. Слева остался шлюз с поднимающейся к небу еще не законченной триумфальной аркой, и хорошо накатанная дорога вывела в степь. Впереди виднелась цепь холмов; над ними двигались стрелы шагающих экскаваторов.

— Большое у тебя будет хозяйство, — сказал Сергей Суслов. — Потом приглашаю ко мне, на Карповскую насосную станцию, — подивишься. Громадное сооружение! Первыми дадим воду в канал.

— Когда в институте узнают, что нам поручено здесь делать, — ахнут!

Никитин смотрел вперед: «Когда же покажется канал?»

Машина остановилась около бревенчатых и тесовых домиков. Юноши прошли в конторку и через минуту стояли в маленьком кабинете начальника строительства 122-го канала В. Ф. Емельянова.

Валерий Федорович Емельянов радушно принимал гостей:

— Ну, что же, идемте на канал! Наверно, не терпится?

Он накинул на плечи кожаное пальто, нахлобучил шапку и пошел к двери.

Канал был рядом — за холмами вынутой экскаваторами земли. Широкий, прямой, тщательно облицованный камнем, пролег он от Дона к тринадцатому шлюзу. На дне тускло светился голубоватый лед.

Никитин и Суслов остановились: так вот каков этот водный путь к пяти морям!..

Емельянов молча наблюдал за юношами.

Потом пошли по каналу. Валерий Федорович рассказывал, как работали здесь шагающие экскаваторы и рабочие облицовывали берега камнем. На трассе в шесть километров вынули четыре миллиона кубометров земли и уложили в берега десятки тысяч кубометров камня — сотни железнодорожных эшелонов.

— Когда я приехал сюда — это было в 1948 году, — говорил Емельянов, — кругом простиралась голая степь, а вот тут, где пролег канал, тянулась болотистая пойма...

Дошли до строительства двух маяков. Похожие на ленинградские ростральные колонны, они будут освещать путь судам, идущим с Цимлянского моря.

— Осталось посадить аллею тополей и навести порядок, — продолжал Емельянов. — Весной суда пойдут по каналу, как по парку: много тут будет зелени и цветов.

Вернулись в конторку. На столах появились чертежи, планы.

— Вам приходилось когда-нибудь работать на стройках? — осторожно спросил Никитина Валерий Федорович.

Юноша порозовел. Нет, он не строил. Ему 23 года. Окончил в 1946 году среднюю школу в Кунье, поехал в Ленинград, и вот на руках — диплом инженера. На стройке был только во время практики. Что еще сказать о себе? Комсомолец, защитил дипломный проект на тему: «Проект гидроузла Волго-Донского судоходного канала с разработкой водоспуска насосной станцией».

Емельянов тактично расспрашивал будущих хозяев канала о том, как прошла летняя практика, и вышло так, что беседа неожиданно превратилась в настоящий экзамен.

На лбу Никитина выступили бисеринки пота: так тяжело ему не приходилось даже на государственном экзамене.

А между тем Емельянов заставлял молодых инженеров читать сложные чертежи, набрасывать формулы, допытывался, как думают начинать они предстоящую навигацию.

— Молодцы! — неожиданно сказал Валерий Федорович и засветился от радости. — Теперь можно не беспокоиться: канал вручаем в надежные руки. Это ничего, что вы еще молоды. Поможем вам изучить водный путь, передадим опыт: нам дорог тут каждый камень, каждый кубометр бетона...

Хлопнула дверь, вошел Соколов.

— Ну как? — он вопросительно посмотрел на Емельянова и Никитина.

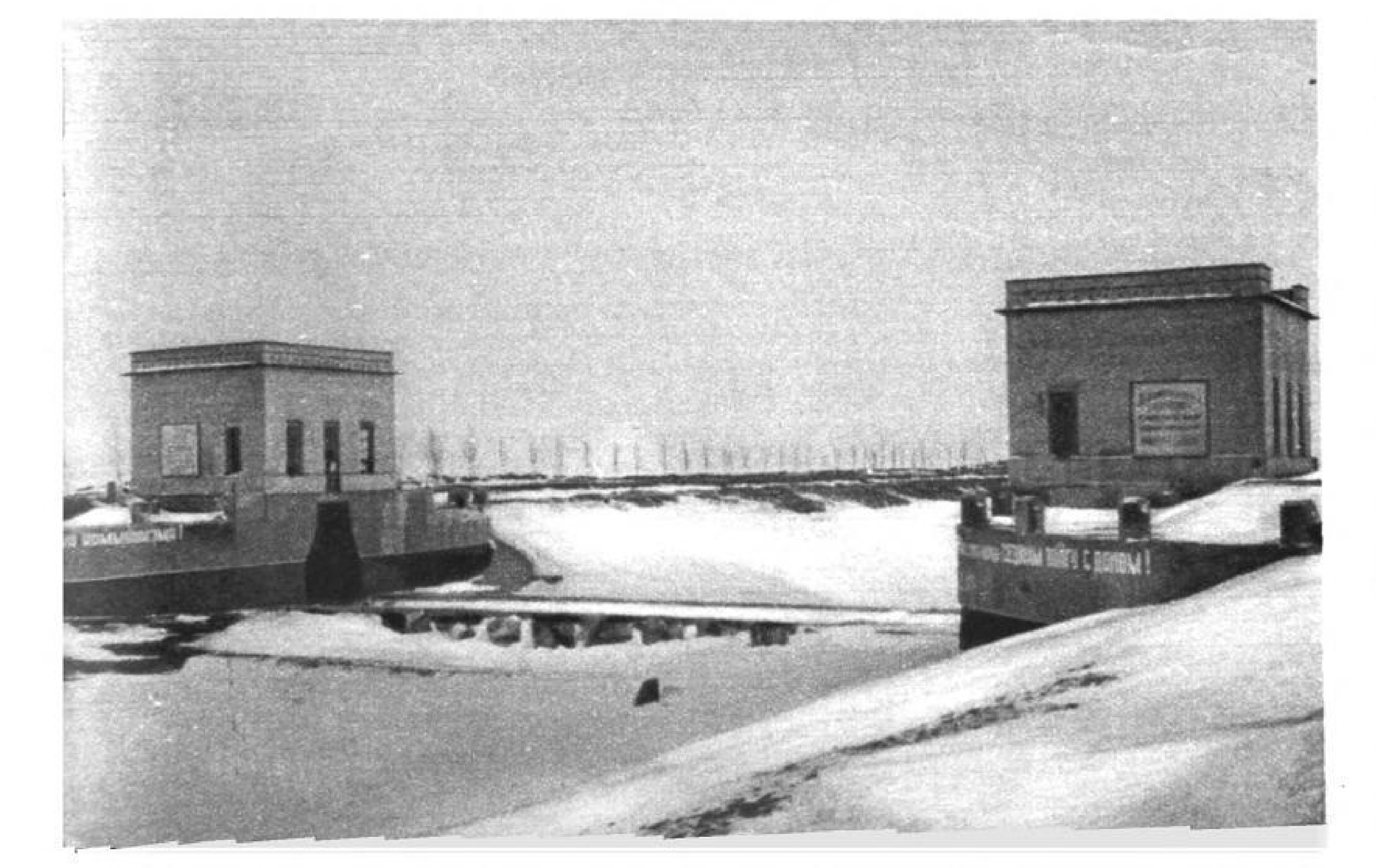
— Охотно передаю «ключи» от канала. Будут эти инженеры настоящими эксплуатационниками. Хоть сейчас готов подписать акт о сдаче сооружения.

— Теперь поехали со мной, — объявил Соколов. — Осмотрим шлюз, проедем по судовому ходу Карповского моря.

Сели в газик-вездеход и отправились в путь.

...Уже близок день, когда мы увидим Николая Никитина открывающим первую навигацию на канале. Вспыхнут алые, зеленые и белые огни. Ярко освещенные суда поплывут мимо новых городов, казачьих станиц, садов и дубрав обновленной степи.

У заградительных ворот.

Невод, не боящийся шторма

Раннею весной к Южному Сахалину, к западному побережью Охотского моря и к берегам Камчатки подходят огромные косяки сельди. Летом и осенью в этих районах с моря в реки устремляются на нерест кета и горбуша. Страдная пора наступает для рыбаков. Если лов идет успешно, каждый день из огромных ставных неводов в прибрежной зоне выгружаются тысячи центнеров рыбы. Но погода в морях Дальнего Востока неустойчива. Штиль внезапно сменяется штормом. Разъяренные волны рвут неводы, и промысел прекращается. Иной раз, если шторм бушует долго, вся путина идет насмарку. Пока рыбаки дождутся тихой погоды и смогут снова установить неводы, косяки отходят от побережья. Бывает порой и так, что разгулявшаяся стихия уничтожает орудия лова. Убытки от штормовых повреждений исчисляются в миллионы рублей.

Ставной невод — сложное инженерное сооружение. О размерах его можно судить хотя бы по общей площади сетей — полтора гектара! Главная часть ставного невода — так называемое «крыло», то есть сетчатая стена, перегораживающая путь рыбе, — имеет высоту двух — трехэтажного дома и длину до километра.

В. С. Калиновский

Как сделать ставной невод устойчивым, не боящимся штормов? Над разрешением этой задачи давно трудятся работники рыбной промышленности Дальнего Востока и ученые. Ценные предложения в этой области внесли инженер В. Б. Долгов и специалист-практик К. Ф. Гавриленко. За окончательную разработку новой конструкции взялся научный сотрудник Тихоокеанского института морского рыбного хозяйства и океанографии кандидат технических наук Владимир Севастьянович Калиновский.

Множество опытов провел он непосредственно на промыслах, немало теоретических вычислений проделал у себя в лаборатории. И пришел к интересному выводу: защиту от разрушительного действия шторма надо искать в глубине моря.

В самом деле, скорость течения, возрастающая под влиянием ветра, а также действие волн на глубине всегда будут меньшими, чем на поверхности. В. С. Калиновский создал такую систему креплений, которая позволяет неводу во время шторма уходить под воду — «прятаться». Когда шторм стихает, невод целый и невредимый всплывает вновь и автоматически принимает рабочее положение.

В сравнении со ставными неводами прежней конструкции новые орудия лова гораздо дешевле в изготовлении и значительно производительнее на промысле. Применение их позволило повысить уловы на 20—25 процентов и сократить обслуживающую рабочую силу на 15 процентов. Общая экономия от внедрения штормоустойчивых неводов только за один прошлый год составила 11 миллионов рублей.

В путину 1952 года в морях Дальнего Востока будет работать более тысячи штормоустойчивых неводов. Их начинают применять и в других рыбопромысловых бассейнах. Об огромных перспективах нового изобретения можно судить хотя бы по тому, что 30 процентов всей рыбы, добываемой в нашей стране, вылавливается ставными неводами.

Конструкторам нового орудия лова В. С. Калиновскому, В. Б. Долгову и К. Ф. Гавриленко присуждена Сталинская премия.

М. САВИЧЕВ

В Таллине на бульварах и скверах много голубей. Их так интересно кормить! На снимке (слева направо): Валя, Паша, Тая, Вера Ивановна Панкова, Рая и Ксения Ивановна Кярк.

СЕСТРЫ ЛАВРЕНОВЫ

Е. ЛАГОВСКАЯ

Фото С. Розенфельда

В теплушке было темно, душно. Орловская колхозница Акулина Лавренова боялась в людской тесноте растерять своих дочерей. Время от времени она протягивала в темноту руку и находила около себя четыре детские головки: Феня, Валя, Рая, Марочка. Акулина немного успокаивалась и сильнее прижимала к груди пятую дочку — годовалую Таечку, спавшую у нее на руках.

— Что-то с ними будет!.. Что будет!..

Уж много дней везли так женщин и детей, а куда, никто в теплушке не знал. Ясно было одно: на чужую сторону, в рабство.

Оказалась Акулина с детьми в фашистском лагере, на оккупированной эстонской земле, близ Таллина, в поселке Клоога.

* * *

Акулина Лавренова умирала. От истощения и голода она уже не могла поднять головы, чтобы посмотреть, тут ли ее дочки. В помутневшем сознании умирающей жила только одна мысль: что будет с ее девочками, беспомощными, голодными, куда разбросает сирот их тяжелая судьба?

Не могла знать тогда Акулина, что на помощь к ее детям уже идут советские солдаты, что оккупанты, спасая свои шкуры, бросили детей на произвол судьбы. Не могла она знать и того, что многие эстонские женщины, желая спасти советских детей и пользуясь паникой гитлеровцев, стали часто бывать в поселке Клоога.

Одними из первых пришли в лагерь работницы таллинской фабрики «Марат» сестры Вера и Мария Панковы. Много наслышались они о тяжелом положении советских детей в лагере, но то, что они увидели, превосходило всякое воображение. Посиневшие от холода, едва прикрытые лохмотьями, дети сидели по трое и четверо в одной кровати. Они были похожи на маленьких старичков.

Сестры Панковы растерялись: кого же взять?

Взгляд Веры Ивановны остановился на маленькой белоголовой плачущей девочке.

— О чем ты?..— осторожно спросила она.

— Мама умерла и братик тоже...

— Хочешь, пойдем ко мне, будешь моей дочкой? — тихо спросила Вера Ивановна и услышала совершенно неожиданное:

— А суп будет?

— Будет, будет,— обрадовалась Вера Ивановна. — Все будет: и суп и кукла,— торопливо говорила она, прижав к себе девочку, словно боялась, что та не поверит и не согласится пойти к ней.

А Мария Ивановна продолжала стоять в каком-то оцепенении, не решаясь подойти к детям, когда услышала, как кто-то из находившихся в комнате сказал:

— На днях здесь умерла мать пятерых дочерей Акулина Лавренова, а вот сейчас умирает ее младшая дочка, Тая...

Мария Ивановна подошла ближе. На грязном тюфяке лежал с закрытыми глазами ребенок. Она нагнулась и не услышала его дыхания. Женщине показалось, что у нее самой остановилось сердце.

— Да она уже...

Бледные веки девочки дрогнули и медленно поднялись. Невидящим взглядом она посмотрела вокруг, потом крепко зажмурилась и отвернулась.

— Я возьму ее...— решила Мария Ивановна.

Когда человек очень торопится, ему кажется, что время идет слишком медленно, что поезд едва ползет. Марии Ивановне, когда она возвращалась домой с умирающей девочкой, казалось, что время остановилось.

— Только бы довезти, только бы довезти...— повторяла она.

Дома сестер Панковых с нетерпением ожидала их мать, Евдокия Васильевна. Бабушка приняла на свои руки девочек и вместе с дочерьми выходила их.

Медленно возвращалась к жизни Таечка. Но через полгода это была уже пухленькая, веселая девочка.

Так у Панковых стали воспитываться две русские девочки, спасенные из лагеря смерти. Четырехлетняя Пашенька Суханова, приемная дочка Веры Ивановны, и маленькая Таечка Лавренова, приемная дочка Марии Ивановны.

Друзья и знакомые Панковых, как бы выполняя последнюю волю Акулины, решили, чтобы сестры Лавреновы не потеряли друг друга, взять их в свои семьи. Эстонская учительница Ксения Ивановна Кярк привезла к себе восьмилетнюю Валю, портниха Юлия Мартыновна Пиллер — семилетнюю Раю, вдова инженера Ольга Никитична Раттур — пятилетнюю Мару. Старшую, Феню, приняла на воспитание одна молодая эстонка. Теперь Феня уже совсем взрослая, живет в деревне и иногда приезжает в Таллин навестить сестер.

* * *

Уютно в небольшой квартирке Ксении Ивановны Кярк. За высоким старинным бюро готовит уроки Валя. В кухне гремит посудой бабушка Адель Ивановна. Ксения Ивановна рассказывает:

— Когда я привезла Валюшу, она сначала дичилась. В памяти девочки свежо еще было воспоминание о матери, и я не решилась предложить ей звать меня мамой. Сказала: «Зови меня, как тебе нравится. Хочешь — тетей Ксеней, хочешь — Ксенией Ивановной». Девочка молчала. Три недели я не могла добиться от нее ни одного слова. Тяжело было. «Неужели,— думала я,— так и останется чужой для меня эта молчаливая девочка?..»

Ксения Ивановна встала и вышла в другую комнату. Через несколько минут она, уже улыбающаяся, возвратилась в столовую.

— Извините меня... нервы,— виновато улыбаясь, сказала Ксения Ивановна. — Понимаете, пережить пришлось немало.

Сбивчиво Ксения Ивановна продолжает:

— А потом... Потом все стало хорошо. Теперь мы с Валюшей большие друзья. Знаете, она у меня отличная хозяйка.

Учится Валя прилежно. Не ладилось у нее с русским языком, но упорная девочка много занималась, чтобы догнать класс. Ведь для нее — это родной язык. Этот год она начала с хороших отметок и не собирается снижать успехов. Год ответственный: нынче Валя кончает семилетку.

* * *

У Мары приемная мать — человек строгих правил. Она не разрешает девочке приносить из школы «тройки», и Мара старается учиться хорошо. Мара очень благодарна матери за заботу — у нее есть все, чтобы хорошо учиться.

Вдова эстонского инженера Ольга Никитична Раттур живет на скромную пенсию. В 1944 году, когда дом, в котором жила Ольга Никитична, разбомбили, она уехала в город Раквере. Но связь Мары с сестрами не оборвалась. Она часто пишет им, а летом обязательно приезжает с матерью к сестрам погостить.

Как-то Ольга Никитична с Марой приехала в Таллин в те дни, когда девочки Панковых собирались в пионерский лагерь.

— Ваши дочки счастливее моей: они едут в пионерский лагерь,— с некоторой обидой сказала Ольга Никитична.— А моя Марочка еще не была в пионерском лагере.

— Подождите, я достану путевку и для Марочки,— сказал брат Панковых, Петр Иванович.— Надо, чтобы девочки непременно поехали все вместе.

И вот ясным летним утром Панковы и Раттур провожали своих дочерей. Радостнее всех была Марочка: она едет с сестрами в пионерский лагерь! Долго потом девочка вспоминала эти веселые дни.

* * *

Легко и беззаботно жила у своей приемной матери Рая. Уроки музыки, занятия в балетном кружке, красивые платья...

Юлия Мартыновна Пиллер, несмотря на больное сердце, долгие часы, не разгибаясь, сидела за швейной машинкой, чтобы предоставить девочке все, что считала для нее необходимым, часто балуя ее. Училась Рая не особенно прилежно.

Ранней весной 1947 года Юлия Мартыновна, совсем больная, пришла к Панковым.

— Что-то мне очень нехорошо, — грустно сказала она. — Неужели не доживу, не выращу Раечку? Уж если что случится, не оставьте мою дочку...

В мае сорок седьмого года Рая потеряла свою вторую мать.

В семье Панковых глубоко переживали горе, постигшее Раю. Паша и Тая стали просить своих приемных родителей взять в их семью и Раю.

Сердечные женщины колебались недолго, и Рая Лавренова-Пиллер стала третьей дочерью в семье Панковых. Бережно старались новые родители залечить свежую рану в сердце девочки.

Рая очень отстала в учебе, надо было наверстать упущенное. И Петр Иванович вечерами, после напряженного рабочего дня, долго сидел с девочкой, помогая ей готовить уроки. Семья прививала Рае трудовые навыки. Сердце ее раскрывалось ко всему хорошему, чем так богата семья Панковых.

* * *

Материнский поцелуй разбудил Таю. Веки девочки дрогнули, она открыла глаза и снова крепко зажмурила их от радости. Вот сейчас мама скажет: «Вставай, лентяйка, в школу пора...»

Тая, не открывая глаз, теплыми руками обнимает склонившуюся над ней Марию Ивановну и шепчет: «Мамочка, ты моя самая родная, самая любимая».

Заботливая Паша уже встала и помогает маме собираться на фабрику. Девочка гордится своей мамой: Вера Ивановна Панкова — стахановка, лучшая швея Эстонии.

— Доброго утра, хорошей работы, мамочка,— говорит Паша.

— Доброго утра, хорошей работы, тетя Вера! — кричит, еще сидя в кровати, Тая.

— Доброго утра, хорошей работы,— вторит младшим сестрам Рая.

Трудовой день начался. Петр Иванович и Вера Ивановна на работе, девочки в школе, а Мария Ивановна хлопочет по хозяйству. После смерти бабушки Евдокии Васильевны Мария Ивановна оставила фабрику — надо кому-то быть с детьми, вести хозяйство.

Вечер. Пришла посидеть к сестрам Валя. Девочки готовят уроки, делятся впечатлениями дня и, как все наши дети, обязательно мечтают о своих будущих больших и малых делах.

Пашенька продолжает какой-то, видно, давно начатый разговор.

— Нет, я передумала. Летчиком теперь не хочу быть. Мне сейчас очень нравится биология. Учительница так интересно рассказывает...

— Верно, я тоже люблю биологию. Вот кончу семилетку, буду учиться на садовода,— соглашается Валя.— В нашем городе много цветов, я буду ухаживать за ними и посажу их еще много, много.

А Тая? Тая пока не знает, кем она будет. Но зато мы твердо знаем: какой бы путь ни избрала младшая дочка Акулины Лавреновой, ничто не помешает ее выбору!

Тая читает сестрам и Вере Ивановне свои любимые стихи. На снимке (слева направо): Тая, Рая, Паша и Вера Ивановна Панкова

Старшие научные сотрудники гидротехнической лаборатории Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации А. С. Дудкин (справа) и И. Я. Орлов проводят исследование моделей Тахиа-Ташского участка русла Аму-Дарьи.

Фото Б. Мазур и В. Лейн

Вода идет по шести руслам...

Монотонный шум бегущей воды слышится под сводами лабораторий института и на открытой испытательной площадке. Этот шум отмечаешь сразу же, как только вступаешь на территорию Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации (САНИИРИ). На площадке сооружены четыре модели русел Аму-Дарьи, воспроизводящие в уменьшенном виде 20-километровый отрезок реки у Тахиа-Таша. Два таких же, только еще меньших размеров, русла повторены в моделях лаборатории.

В этом институте решают сложные проблемы, связанные со строительством Главного Туркменского канала. Тут проводят испытания различных вариантов Тахиа-Ташской плотины, в создании которых приняли участие работники ряда научно-исследовательских и проектирующих организаций.

Научным сотрудникам Среднеазиатского научно-исследовательского института многое дала последняя поездка на Аму-Дарью, в район Тахиа-Таша. Рассказывая об этом, один из участников экспедиции, К. Ф. Артамонов, говорит:

— О «бешеном» нраве Аму сложено немало легенд. Но, как это часто бывает, жизнь вносит поправки в легенды. Так было и здесь. Выше по течению, у Чарджоу, река, что и говорить, вполне оправдывает свою дурную славу: там она мечется от одного берега к другому, непрерывно меняя русло. Но ближе к низовьям, в районе Тахиа-Таша, Аму течет куда спокойнее, без резких бросков. И это несколько облегчает проектировку сооружений гидроузла в голове канала.

На Аму-Дарье немало естественных теснин, являющихся чем-то вроде созданных самой природой плотин. Исследования процессов, происходящих в реке у этих теснин, дали новый материал для одного из вариантов Тахиа-Ташского узла.

— Но Аму-Дарья — самая мутная река в Союзе, и это, к сожалению, не легенда,— замечает руководитель лаборатории гидротехники профессор М. С. Вызго.— Ирригаторам предстоит решить сложную задачу борьбы с наносами реки. Конструкция «песколовки», предложенная сотрудником нашего института И. К. Никитиным, позволяет, как это показали произведенные на модели опыты, отделять наиболее вредные для сооружений частицы крупного песка и выносить их вниз по течению.

Профессор М. С. Вызго показывает листки, на которых графически запечатлены результаты испытаний. На одном листке тонкие карандашные линии изображают широкий водный поток в криволинейном русле, а на другом — такие же линии воссоздают картину образования наносного острова перед плотиной в прямом русле. Характерные очертания напоминают песчаные острова на Аму-Дарье.

В неустанном беге Аму намывает себе все новые препятствия и, бросаясь в их обход, вновь и вновь меняет русло. Если такой остров вырастет перед плотиной, в поисках пути река может размыть дамбы, занести илом поля. Но этого не будет! Исследования, проведенные учеными, помогут инженерам-проектировщикам создать совершенную конструкцию сооружений.

Нелегкое дело — выбрать правильное расположение узла плотины, компоновку его, как говорят ирригаторы. Испытания, проводимые сейчас на шести моделях русла могучей реки, покажут, на каком варианте следует остановиться. Результатов этих испытаний ждут строители Главного Туркменского канала.

Н. СОЛОВЬЕВА

МОЛОДЫЕ ВСХОДЫ

Бад-Франкенхаузен — небольшой городок на севере Тюрингии, известный своим курортом и фабрикой перламутровых пуговиц. Северная часть городка подходит вплотную к горам, заросшим лесом. Одну из окрестных возвышенностей местные жители называют Горой битвы. На ней четыре с четвертью века назад произошло сражение между армией восставших крестьян Тюрингии и Саксонии и войсками феодалов. Крестьяне были разбиты. Глубокую канаву, возле которой феодалы творили расправу, до сих пор называют кровавой: по ней в тот день ручьем текла крестьянская кровь...

С тех пор свыше четырех столетий несли на себе франкенхаузенские крестьяне ярмо помещичьего гнета. За малейшую «провинность», даже за сбор ягод и сухих сучьев в лесу, их судили и наказывали. Но, несмотря на жестокие законы, у крестьян не угасала мечта о земле. В 1918 году, узнав о революции в России, местные батраки стали захватывать и запахивать помещичьи поля. Полиция жестоко расправилась с ними, много людей было брошено в тюрьмы.

Только в 1945 году, когда через Бад-Франкенхаузен прошли на запад советские воины, неся немецкому народу освобождение, мечта крестьян о земле начала сбываться.

...В то время имением владел помещик Георг Кремельц. Он обращался с крестьянами, как со скотом. Батраки у него жили в доме, похожем на тюрьму, куда не заглядывало солнце, питались они впроголодь. Сам же хозяин занимал роскошный особняк. Гитлеровский гаулейтер Тюрингии Заукель и многие нацистские сановники из Берлина частенько приезжали к нему на попойки.

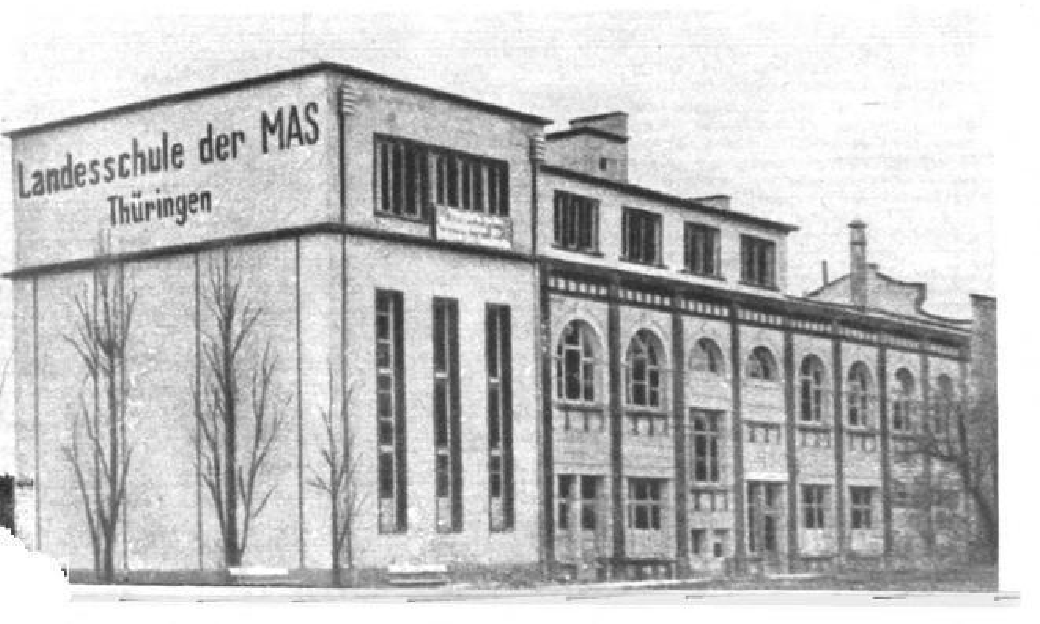
Когда пришли советские войска, Георг Кремельц присмирел. Крестьяне и батраки вначале тоже молчали: все еще грозным казался их помещик. Скоро до Бад-Франкенхаузена дошли слухи, что юнкерские земли в Восточной Германии передают крестьянам. Крестьяне заволновались. Те, кто посмелее, стали открыто требовать раздела поместья. В комиссию по проведению земельной реформы жители избрали несколько человек. В их числе были: старый батрак Карл Шибияк, согнутый тяжелым трудом Фриц Шенау, малоземельный крестьянин Гейнц Гааке. Они пришли к владельцу имения и потребовали, чтобы он отдал им документы на владение землей. Помещик стал рыться в письменном столе и выхватил оттуда пистолет. Но выстрелить ему не дали: скрутили руки и передали народной полиции...

Новое рождалось в борьбе. Когда делили помещичью землю, скот, инвентарь, поползли распускаемые реакционерами слухи: скоро-де придут американцы, и каждый, кто посмеет нарушить «вековые устои», будет строго наказан. Члены комиссии по земельной реформе получали письма с угрозами, у одного из них ночью подожгли дом. Под влиянием вражеской пропаганды некоторые крестьяне стали даже отказываться от своих участков.

Но время шло, и демократические порядки крепли. Когда на общем собрании жителей Бад-Франкенхаузена и окрестных деревень была сожжена старая поземельная книга и крестьянам вручили грамоты на вечное владение своими участками, все окончательно убедились в прочности нового строя.

Заслуженный активист—тракторист Карл Шибияк.

Школа трактористов в Бад-Франкенхаузене. Здесь готовятся кадры трактористов для всех машинопрокатных станций Тюрингии.

В апреле 1946 года несколько сот крестьян Бад-Франкенхаузена впервые сеяли на собственной земле. То была первая настоящая весна в их жизни.

Для помощи крестьянам была создана машинопрокатная станция. Много труда положил старый батрак Карл Шибияк, чтобы пустить в ход трактор, принадлежавший до этого помещику. Скоро вступило в строй еще несколько машин. Однако изношенные части ломались, а промышленность Восточной Германии в то время еще только набирала силы.

На помощь немецким крестьянам пришли те, кто их освободил, — советские люди. Весной 1949 года из СССР для сельского хозяйства Восточной Германии привезли тракторы и автомашины. Девять мощных гусеничных тракторов и грузовик прибыли и в машинопрокатную станцию Бад-Франкенхаузена. Крестьяне почувствовали, что у них есть надежный союзник и друг — великий советский народ.

Недавно нам удалось побывать в Бад-Франкенхаузене. Со времени проведения земельной реформы прошло уже шесть лет. Большие перемены произошли за это время. С помощью правительства Германской Демократической Республики бывшие батраки выстроили новые дома. Вокруг городка выросли целые поселки. Два из них носят имена руководителей крестьянского восстания 1525 года — Томаса Мюнцера и Флориана Гейера.

В помещичьем особняке, куда раньше не смел войти крестьянин, теперь дом для крестьянских детей. Машинопрокатная станция — одна из лучших в Германской Демократической Республике — расположилась в надворных постройках бывшего имения. Кроме девяти тракторов советских марок, МПС имеет теперь 35 тракторов, выпущенных народными предприятиями республики, и много других сельскохозяйственных машин. Здесь проходят практику учащиеся школы трактористов, которая готовит кадры для всех МПС Тюрингии.

А как изменились люди! Не узнать бывших батраков: они стали трактористами, механиками, руководителями бригад. Заместитель директора МПС Фриц Куппер, в прошлом простой рабочий, рассказывает:

— Вот Карл Шибияк, тот самый, что тридцать лет гнул спину на помещика, а потом участвовал в проведении земельной реформы. Теперь он у нас самый почетный человек. Его знают во всей республике.

В это время в комнату вошел сам Карл Шибияк. Он был одет в рабочий комбинезон, на котором сверкал значок заслуженного активиста. Шибияк только что вернулся с поля, он оживленно стал рассказывать, как сегодня он изучал работу лучших трактористов своей бригады, чтобы распространить их опыт по всем машинопрокатным станциям Тюрингии.

Бывшие батраки, которых родовитый барин не считал за людей, делают теперь невиданные для здешних мест дела. Сев и уборка в районе прошли много быстрее и лучше, чем в прежние времена, урожай стал выше довоенного. В прошедшем году трактористы, учитывая опыт советских МТС, вели работу круглые сутки, в три смены.

Соревнование стало бытом на машинопрокатной станции Бад-Франкенхаузена. Здешние трактористы откликнулись на призыв своих товарищей и включились в движение тысячников. Они обязались проработать без капитального ремонта не менее двух тысяч часов, из них тысячу непосредственно в поле. Молодые трактористы Ганс Шибияк, Зигфрид Беме, Хорст Вохлин и Вилли Зелле завоевали звание тысячников.

...Полные впечатлений от знакомства с людьми МПС, мы направились в отстоящий на два километра от Бад-Франкенхаузена новый поселок имени Томаса Мюнцера. Это здесь живут бывшие батраки, получившие землю. Вдоль дороги вытянулись в два ряда каменные дома. У каждого дома скотный двор, сарай, небольшой фруктовый сад с молодыми деревцами.

Мы постучались в крайний дом. Здесь живет крестьянин Вальтер Гербинг. По земельной реформе он получил десять гектаров. После этого государство выдало ему денежную ссуду, материалы для строительства дома. Правда, вначале было трудновато: не было лошади, приходилось одалживаться у кулака за непомерно высокую плату. Только после того, как была организована машинопрокатная станция, жизнь улыбнулась Вальтеру Гербингу. Трактористы во-время и хорошо обрабатывают его поле. У него теперь хороший дом, есть скот. Каждый год Гербинг собирает высокие урожаи, аккуратно рассчитывается с государством по поставкам. Он приобрел для себя и семьи новую одежду, купил мебель, радиоприемник.

С особой гордостью Гербинг рассказывает о своем друге Гейнце Гааке, прежде бедном жителе Франкенхаузена. Более года тому назад правительство за усвоение агробиологических знаний и за высокую урожайность, которой он добился, присвоило ему почетное звание крестьянина-передовика. Вспоминая о прошлом, наш собеседник говорит:

— Было время, когда я хотел отказаться от земли. Очень уж пугали нас тогда помещичьи подголоски: мол, ничего у вас не выйдет, скоро вернутся старые порядки.

— А теперь как? — поинтересовались мы.

— Теперь меня не испугаешь,— ответил крестьянин.— Я знаю, что старые времена не вернутся. А если помещики с помощью американцев и попытаются вновь нас закабалить, то им не сдобровать. Мы будем бороться за свою землю и за своих детей...

Хорошие всходы дает земля! Та земля, которую веками поливали немецкие крестьяне своим потом и кровью и которая впервые принадлежит теперь законным хозяевам.

А. КОРЗНИКОВ

Берлин.

Сделано на «Красной Розе»

Если вы увидите на прилавке магазина переливающиеся всеми цветами радуги шелковые материи, знайте, что многие из них выпущены шелкоткацким комбинатом «Красная Роза».

Многотысячный коллектив этого передового предприятия Москвы — один из главных поставщиков шелковых тканей в нашей стране. Люди, работающие на комбинате, стараются как можно лучше удовлетворить запросы и вкусы советских женщин.

Ткани сорока различных сортов из натурального и искусственного шелка выпускает «Красная Роза».

Чтобы обеспечить магазины страны разнообразным ассортиментом шелковых тканей — шестьсот расцветок, восемьдесят различных рисунков,— необходимо тесное содружество ткачей и художников. В мастерской художников «Красной Розы» работают одна из лучших колористок страны, М. Луговская, опытные художницы В. Склярова, И. Кулакова и другие. На «Красной Розе» есть художественный совет, возглавляемый директором комбината А. Богаевой. Совет рассматривает и утверждает новые рисунки.

Но последнее слово при оценке образцов новых тканей принадлежит торгующим организациям. Их знакомят с этими образцами, к их мнению внимательно прислушиваются художники, руководители предприятия.

Больших производственных успехов добился комбинат. Он досрочно выполнил свой пятилетний план и план 1951 года.

Дать шелк самого высокого качества, с каждым годом увеличивать выпуск тканей — вот к чему направлены усилия большого коллектива «Красной Розы».

Директор комбината «Красная Роза» А. С. Богаева (справа) и художница В. К. Склярова рассматривают ткани новых рисунков и расцветок.

Художественный совет «Красной Розы» обсуждает новые образцы рисунков.

Фото Н. Максимова и В. Носкова

Баян Бухарбаева, молодая работница жестянобаночного цеха Муйнакского мясо-рыбоконсервного комбината (Узбекская ССР), успешно осваивает профессию станкового.

Фото С. Фридлянда

БОРЦЫ ЗА ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

— Здесь нет ничего секретного, — сказал профессор Имшенецкий, приглашая нас в свою лабораторию, где на столах лежали различные препараты, пробирки и колбы с миллиардами бактерий.

Здесь ничего не было и не могло быть секретного потому, что советская микробиология служит миру, борется против болезней и смерти, борется за жизнь!

Недавно президент США Трумэн, выступая в Сан-Франциско, сказал, что США обладают новым секретным оружием «фантастической силы». Американская газета «Санди Компас» в одном из последних номеров, ссылаясь на вашингтонского корреспондента «Фигаро», объяснила, что Трумэн, говоря о новом секретном оружии, имел в виду те самые смертоносные бактерии, которые теперь американские летчики разбрасывают над территорией Кореи и Северо-Восточного Китая. Миллионы людей подняли голос протеста против варварских преступлений американских империалистов.

Блохи, мухи и крысы, зараженные чумными или холерными микробами, — вот они, «солдаты» господина Трумэна!

Советские микробиологи заняты размножением бактерий, которые можно назвать маленькими борцами за жизнь. Они помогают деревьям быстро расти, увеличивают наши урожаи, улучшают структуру почвы. В хлебопекарной, винодельческой, пивоваренной промышленности, на наших кожевенных и витаминных заводах — всюду вы можете увидеть новые формы, новые породы полезных микроорганизмов, выведенных советскими учеными.

В небольшом сером доме расположен центр советской микробиологии. Коллектив научных сотрудников под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Александровича Имшенецкого успешно разрабатывает принципы отбора наиболее активных форм полезных микроорганизмов, необходимых для нашей промышленности и сельского хозяйства. Одновременно институт решает важнейшие теоретические задачи, связанные с изучением неклеточных форм жизни, природой растительных вирусов, и другие проблемы.

...На письменном столе разложены диаграммы, показывающие, как развиваются новые, улучшенные породы полезных микроорганизмов. Они во много раз продуктивней и жизнеспособней. Здесь же фотографии клеток новых форм микробов. В правом углу кабинета мы видим наглухо закрытый квадратный белый ящик. Это термостатприбор, где выращиваются необходимые для опытов полезные микроорганизмы. На химическом столе аналитические весы, микроскоп, флаконы с растворами красок, деревянные штативы для пробирок.

Познакомив нас со своей лабораторией, профессор Имшенецкий говорит о благородных традициях русской микробиологии, о том вкладе, который вносят советские ученые в борьбу за преобразование природы, за здоровье и счастье народа. Он предлагает нам пройти в отделы института.

Перед нами просторная, светлая комната с большим окном. Невысокий, плотный человек в белом халате внимательно осматривает банки с посевами дуба. Это профессор Евгений Николаевич Мишустин. Два года назад в этой лаборатории был поставлен интересный и важный опыт. В металлические банки с землей посеяны жолуди. В часть банок с землей были внесены полезные микроорганизмы. На фотоснимке вы видите, что посевы дуба с полезными микробами значительно крепче и выше обычных посевов, выросших без внесения микроорганизмов. В чем здесь дело?

Профессор Мишустин приводит пример. Для повышения урожайности люцерны и клевера советские ученые вносят в почву клубеньковые бактерии. Эти бактерии поселяются на корнях растений, образуют на них клубеньки и, усваивая азот воздуха, тем самым улучшают питание растений. С клубеньковыми бактериями люцерна и клевер развиваются быстрее.

Профессор Мишустин подходит к столу и берет пробирку с мутноватой жидкостью.

— Здесь микроорганизмы, — говорит он, — обладающие особыми свойствами. Мы их называем антагонистами — они вырабатывают вещества, убивающие болезнетворных микробов. Этими веществами-антибиотиками теперь, как известно, обрабатывают семена и таким образом освобождают их от микробов — возбудителей болезней растений.

Проходим в другие отделы и лаборатории института и в одной из них встречаем профессора Сергея Ивановича Кузнецова. Он занимается микробиологией уже тридцать лет.

На его рабочем столе мы видим микроскоп, различные приборы, препараты, пробирки с культурами бактерий.

В этих пробирках находятся микроорганизмы, которые встречаются на дне моря, в морских отложениях. Другие культуры микробов помогают образованию целебных вод, и их сейчас изучают в институте. Здесь же сосуды с микроорганизмами, которые привезены в институт с Камчатки — там их выделили из горячих источников.

Речь заходит об отчете отряда микробиологов, который только что получил профессор. Этот отряд работал в дельте Волги.

— Какую цель ставил перед собой отряд?

— Цель была одна, — отвечает профессор Кузнецов, — с помощью микроорганизмов создать благоприятные условия для развития мальков рыбы, например, леща.

В начале апреля, — продолжает профессор, — наш отдел выезжает в устье Волги. Мы будем изучать микроорганизмы, которые, развиваясь, создают кормовую базу для рыб.

С помощью микроорганизмов — этих мельчайших живых существ, не видимых простым глазом, — советские микробиологи решают большие задачи. Вместе со всем народом они участвуют в переделке природы — в создании новых морей, посадках новых лесов, освоении новых орошаемых территорий.

Вот почему так гневно звучал голос профессора Имшенецкого на митинге в Академии наук СССР против чудовищных злодеяний американских фабрикантов смерти. От имени советских микробиологов, работающих на лесных полосах, в колхозах, на берегах рек и озер или в своих лабораториях, он обвинял американских империалистов в самом гнусном и подлом преступлении, какое знала история. Он говорил о русских ученых, которые никогда не останавливались ни перед какими жертвами в борьбе с заразными болезнями. Он вспоминал имена профессоров О. О. Мочутковского и Д. К. Заболотного, которые вводили себе возбудителей различных болезней, чтобы найти пути для избавления человечества от заразных заболеваний. Он говорил о находящейся в Ленинграде галерее портретов героев русской науки, заразившихся во время работы с микробами, — галерее, где каждый портрет обрамлен траурными лентами. Немало русских ученых-героев погибло в борьбе за жизнь. Но, умирая, они побеждали холеру, чуму, сап, они побеждали смерть!

Профессор А. А. Имшенецкий.

Мир никогда не забудет бескорыстия и отваги этих людей!

Великий гнев и презрение вызывают те лжеученые, которые достижения науки обратили против человека. В США строят фабрики смерти, изобретают новые методы заражения человека микроорганизмами. Мир никогда не простит этого чудовищного злодеяния!

Советские микробиологи с еще большим упорством и энергией будут выводить новые полезные микроорганизмы — борцов за жизнь, за здоровье и счастье человека.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Профессор Е. Н. Мишустин в своей лаборатории.

Старший научный сотрудник института Н. М. Шемаханова исследует влияние микроорганизмов на рост дуба.

Фото Е. Умнова

ФАКТЫ ИЗОБЛИЧАЮТ

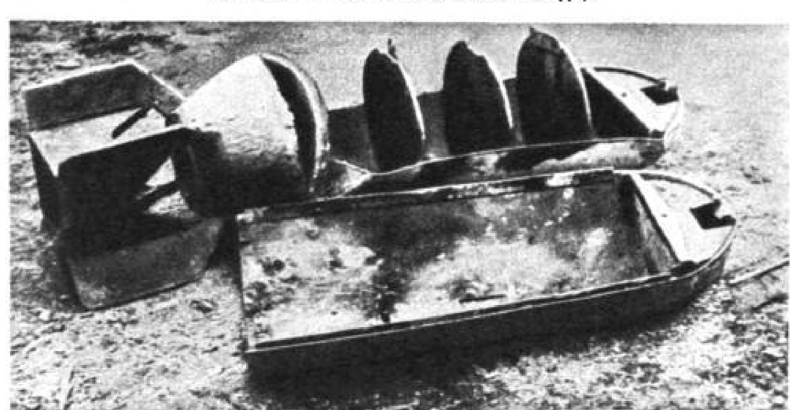
Общий вид бактериологической бомбы, сброшенной американскими агрессорами на деревню Кым Бонри, провинция Южный Пхенан. (снимок сделан после того, как бомба была обезврежена и восстановлена в первоначальном виде).

ФОТОДОКУМЕНТЫ О ПРИМЕНЕНИИ АМЕРИКАНСКИМИ АГРЕССОРАМИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В КОРЕЕ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ

Американские агрессоры, начавшие позорную, бесчеловечную бактериологическую войну против народов Кореи и Китая, пытаются голословно отрицать свое новое чудовищное злодеяние, вызвавшее гнев и возмущение всего прогрессивного человечества. Вслед за Ачесоном выступают другие представители агрессорского ядра ООН, стараясь отвести внимание мирового общественного мнения от международного преступления, совершаемого американскими вооруженными силами в Корее. При этом ни слова в осуждение бактериологической войны не срывалось с уст этих адвокатов правительства США, попирающего общепринятые нормы международного права.

Но факты сильнее лжи, клеветы и увертливых фраз! Эти факты становятся достоянием миллионов миролюбивых людей во всех странах. Они изобличают американских агрессоров и их союзников как сторонников и инициаторов бактериологической войны, с которой не может мириться совесть цивилизованных народов.

Еще в январе этого года американский генерал Кризи цинично хвастался, что бомбы, начиненные веществами массового уничтожения людей, варьируются по весу и разнообразны по форме: имеют вид свечи, гранаты, ракеты и бочки для распыления с самолетов. Теперь эти бомбы сбрасываются на корейскую и китайскую земли.

Та же бомба, распавшаяся после соприкосновения с землей на две части.

Бактериологическая бомба типа М-105. На стенке можно различить надпись на английском языке.

Бактериологическая бомба с парашютом, сброшенная 11 марта 1952 года в Ренсен (Северная Корея).

Лаборантка противоэпидемической лаборатории корейской Народной армии исследует насекомое, зараженное смертоносными бактериями.

Китайский народный доброволец указывает бойцам подвижного противоэпидемического отряда место, где были сброшены с американского самолета жестянки, наполненные зараженными насекомыми.

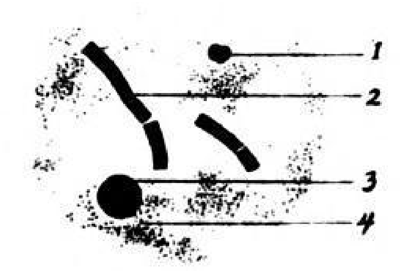
(Фото из брошюры «Остановить американскую бактериологическую войну», изданной Китайским народным комитетом защиты мира и борьбы против американской агрессии.)

Помещаемые ниже фотографии сняты на месте преступления. Они показывают мерзкую «технику» американских сеятелей чумы и холеры. На них можно видеть и носителей заразы, которых с холодным цинизмом палачей воспитывают, размножают и заражают смертоносным ядом в бактериологических лабораториях американского военного министерства.

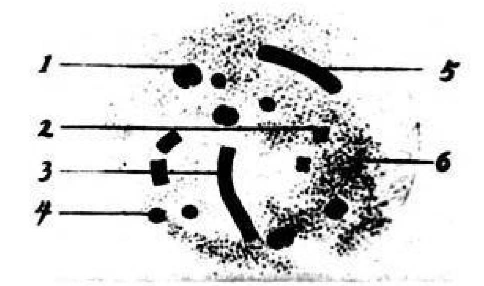
Американским варварам не запугать героические народы Кореи и Китая: мощный всенародный фронт борьбы с последствиями бактериологической войны создан там, в этой борьбе участвуют миллионы патриотов-добровольцев. На их стороне — сочувствие и поддержка всего передового человечества. Гнусная ставка американских империалистов на микробов чумы и холеры будет бита!

美帝空投細菌在顯微鏡下的形態

蟻式蜫蟲帶有菌

蠅式蜫蟲帶有菌

Бактерии, распространяемые американскими оккупантами (вид в микроскоп, увеличение в тысячу раз). Слева — бактерии менингококка (1) и сибирской язвы (2), обнаруженные в теле перепончатокрылого насекомого, похожего на муравья. Справа — те же и другие бактерии (2 — тетракокк, 4 — микрококк), найденные в сброшенном американцами двукрылом насекомом, похожем на домашнюю муху, но не летающем, а могущем только ползать.

Зараженные насекомые, похожие на пауков, были рассеяны с американских самолетов.

Увеличенный снимок отравленного насекомого, сброшенного с американских самолетов над территорией Северо-Восточного Китая.

Мухи вида Caliphora Sp., сброшенные с американских самолетов в Северо-Восточном Китае. В этих местах бывает суровая зима с глубоким снежным покровом. Появление в этих районах большого количества такого вида мух, зараженных микробами, — дело рук американских бактериологических налетчиков.

Международное экономическое совещание

Со всех концов земного шара в Москву съехались делегаты на Международное экономическое совещание. Как известно, это совещание предложил созвать инициативный комитет, созданный в Копенгагене 28 октября прошлого года. В комитет вошли ученые-экономисты, промышленники, финансисты, деятели торговых организаций и представители профсоюзов 20 стран.

Главная цель Международного экономического совещания в Москве, как объявил инициативный комитет,—изыскание путей к развитию международного экономического сотрудничества.

Экономическое совещание в Москве вызвало огромный интерес в самых различных и широких кругах стран всего мира. В совещании принимают участие советская делегация во главе с председателем Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеровым, китайская делегация во главе с Нань Хань-чен — главным директором народного банка Китая, генеральный секретарь подготовительной комиссии Международного инициативного комитета Робер Шамбейрон (Франция), члены инициативного комитета Грета Кунгофф (Германская Демократическая Республика), Пьер Лебрен (Франция), Стюарт Коген (Голландия). Делегацию Бирмы возглавляет профсоюзный деятель Такин Лунн, делегацию Польши — профессор Оскар Ланге, член инициативного комитета, делегацию Румынии — председатель Внешнеторговой палаты Георге Савин. В состав делегации Индии входят: Дж. Ч. Кумараппа, экономист Гьян Чанд, представитель «Сциндиа стим навигейшн компани» Мулрадж Курсондас. Из Франции прибыл финансовый деятель Альфандери Клод, из Бельгии — промышленник Эмиль Франсуа Кавенэль и директор фирмы «Элан» Б. Зельцер. В Москву прибыли делегации Англии, Индонезии, Ирана, Бразилии, Финляндии, Швеции, Дании и многих других стран.

Прибывший в Москву для участия в Международном экономическом совещании глава китайской делегации, главный директор народного банка Китая Нань Хань-чен, отвечая на вопросы корреспондента журнала «Огонек», заявил:

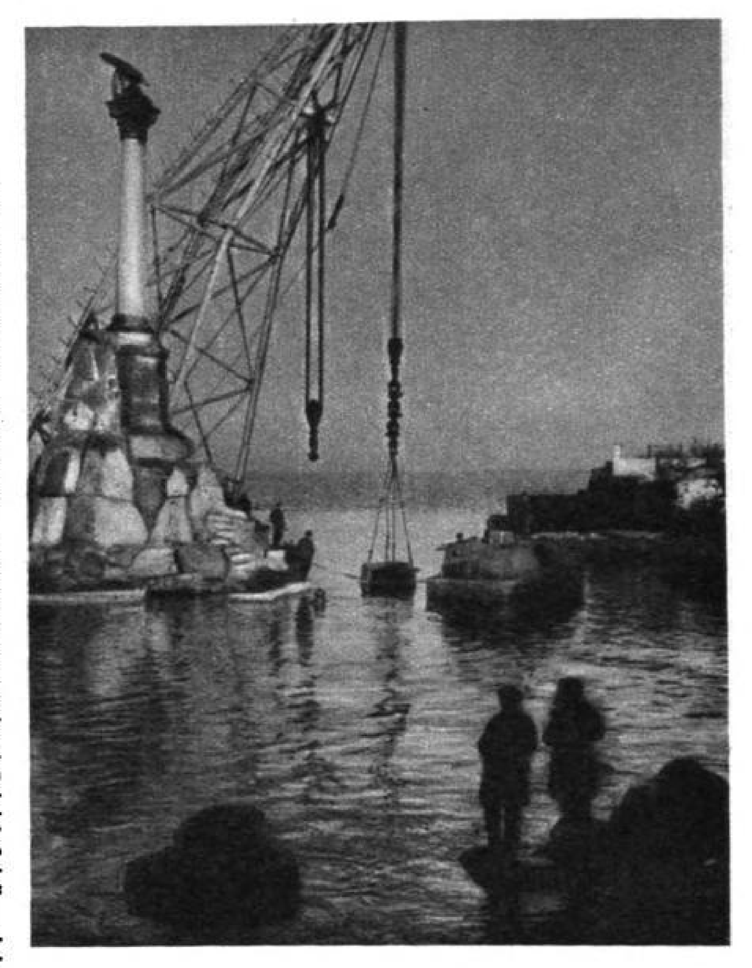
— На Международном экономическом совещании мы широко обменяемся мнениями с представителями промышленности и торговли, сельскохозяйственниками, профсоюзными и кооперативными деятелями и экономистами всех стран. Мы также готовы, на основе равноправия и взаимной выгоды, вести различные торговые переговоры с представителями промышленности и торговли всех стран с тем, чтобы заключить разные торговые контракты и соглашения. Мы хотим установить дружественные связи с представителями разных стран, присутствующими на совещании, чтобы всемерно способствовать установлению и развитию дружественного экономического сотрудничества между народами Китая и других стран, так как это соответствует интересам не только китайского народа, но также и интересам народов всего мира.

Остановившись затем на значении экономического совещания для укрепления и развития экономического сотрудничества, Нань Хань-чен продолжал:

— СССР, Китай и страны народной демократии в данное время ведут мирное экономическое строительство, в котором достигают величайших успехов, между тем как некоторые другие страны в результате гонки вооружений, блокады и эмбарго все глубже погружаются в экономический кризис. Созыв Международного экономического совещания в условиях сохранения мира во всем мире будет способствовать развитию международных экономических связей, снятию блокады и эмбарго, полному развитию международной торговли, а также и развитию промышленности и сельского хозяйства всех стран и этим самым поможет странам, погруженным в экономический кризис, избавиться от него, восстановить свою мирную промышленность и постепенно улучшить бытовые условия для своих народов. Именно поэтому созыв Международного экономического совещания уже получил горячую поддержку народов всего мира, что обещает ему несомненный успех.

Глава китайской делегации на Международном экономическом совещании в Москве Нань Хань-чен.

Памятник русской славы

В Севастопольской бухте, вблизи Приморского бульвара, установлен величественный монумент. Вершина его увенчана бронзовым орлом, распластавшим свои могучие крылья над водами. В клюве венок — символ русской морской славы. Это памятник кораблям, затопленным во время первой героической обороны Севастополя 1854—1855 года. Русские суда были пущены на дно, чтобы не пропустить вражескую эскадру к бухте.

Установленный в 1905 году памятник ни разу не ремонтировался, а морские волны подмыли его основание. К тому же одна из первых бомб, сброшенных гитлеровскими оккупантами на Севастополь в ночь с 21 на 22 июня 1941 года, упала вблизи монумента и повредила его. Водолазы, обследовав подводную часть памятника, установили, что требуется срочный ремонт.

В нынешнем году решили отремонтировать любимый памятник. Под его основание заложены десятки кубометров бетона. Ведутся работы по реставрации надводной части.

На снимке: у памятника затопленным кораблям.

Фото А. Баженова

На закрытых кортах

Н. Озеров и Т. Налимова — победители всесоюзных соревнований

Традиционные состязания мастеров ракетки на закрытых кортах закончились в минувшее воскресенье. Они были словно итоговым смотром зимних усилий теннисистов. На сей раз мы, помимо знакомых нам первоклассных игроков, имели возможность увидеть молодых и, как кажется, даровитых спортсменов. Они еще не могли сказать своего решающего слова, но их энергичное поведение на корте, частые расчетливые выходы к сетке, смелая игра с лёта дают основание видеть в этих молодых теннисистах будущих мастеров.

Это относится к москвичам Ю. Панкову, Л. Маркову, А. Кузьминой, ленинградцу А. Бойцову, таллинцу Х. Каламяэ, ужгородцу И. Гагеру. Все они оказали серьезное сопротивление «старикам» и «сложили оружие» лишь после упорной борьбы.

В актив молодых можно записать смелый поединок Ю. Панкова с чемпионом Грузии В. Ураевским, убедительный выигрыш А. Бойцова у чемпиона ВЦСПС И. Элердашвили, наконец, содержательную встречу И. Гагера с заслуженным мастером спорта Э. Негребецким, когда эксчемпиону страны пришлось мобилизовать все свое мастерство, опыт, изобретательность для того, чтобы с трудом, лишь в пятой, решающей партии добиться положительного для себя итога.

После многодневных боев в полуфинал вышли С. Андреев и Э. Негребецкий, М. Корчагин и Н. Озеров. Зрители знают их давно и имели основание ждать сильной и красивой борьбы. Однако первая пара не оправдала надежд. Состязание протекало вяло, в однообразных посылах длинных мячей с задней линии, причем Э. Негребецкий не делал сколько-нибудь заметных усилий к борьбе и, казалось, сразу же смирился с поражением.

Несколько живее прошла вторая полуфинальная встреча, где Н. Озеров обыграл М. Корчагина со счетом 6 : 3, 6 : 0, 6 : 4.

В прошлое воскресенье на корт вышли «стреляные финалисты» С. Андреев и чемпион Советского Союза Н. Озеров. Еще до того, как определился перевес в ту или иную сторону, было заметно превосходство Озерова. Его сильные подачи, точные удары слева, сокрушительные «драйфы» справа, с лёта, укороченные мячи у сетки показывают, что он находится в хорошей спортивной форме. Андрееву трудно было с ним бороться. И если первая партия прошла в относительной борьбе и закончилась победой Н. Озерова со счетом 6 : 4, то во второй партии он полностью овладел инициативой, вел 5 : 0 и выиграл 6 : 2. С таким же итогом он закончил третью партию и заслуженно стал победителем всесоюзных соревнований, подтвердив свое право называться «первой ракеткой страны».

У женщин финальную встречу выиграла Т. Налимова. Она добилась победы над чемпионкой СССР Е. Чувыриной.

М. М.

Книги Горького в Японии

Первым произведением великого русского писателя, появившимся на японском языке, был рассказ «Каин и Артем», напечатанный 54 года назад журналом «Друг народа» в переводе известного писателя Футабатэя.

С тех пор книги Горького выходили в Японии более 180 раз, а общий тираж их исчисляется миллионами экземпляров.

В 1921 году издательство «Нипон херон-ся» предприняло попытку издать Полное собрание сочинений писателя, но после выпуска нескольких томов издание было прекращено.

Лишь в 1929—1933 годах издательской компании «Кайдзо-ся» удалось «благополучно» (если не считать цензурных купюр) завершить выпуск Полного собрания сочинений Горького в 25 томах.

Популярность Горького в Японии исключительно велика. Простые люди страны любят и хорошо знают его произведения. Примечателен, например, следующий факт. В феврале 1950 года, в день борьбы против колониального режима, газета демократической молодежи «Минсю сейнен» опубликовала письмо молодого рабочего-железнодорожника Мадзаки. От имени своих товарищей по тюрьме, куда их бросили японские реакционеры, молодой патриот напоминал читателям слова Пелагеи Ниловны («Мать»):

«— Морями крови не угасят правды...»

В прошлом году в Японии по решению юбилейного комитета по проведению пятнадцатой годовщины смерти А. М. Горького прогрессивное издательство «Наука-ся» приступило к изданию полного шестнадцатитомного собрания сочинений великого русского писателя.

В настоящее время в свет вышло 8 томов, остальные готовятся к печати.

И. СТАРШИНОВ

Весна в колхозе «Первое мая»

Матрена Ильинична Ковган приходит в школу, когда звенит последний звонок. Уроки закончены, и детвора гурьбой высыпает на сельскую улицу. Но в опустевшей школе Матрену Ильиничну поджидают Маруся Матяш, Лида Дьяченко, Аня Горбань, Нина Рысько.

Сняв пальто, Матрена Ильинична остается в жакете. На темной ткани ярко горят орден Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Матрена Ильинична усаживается рядом со школьницами и говорит с ними о кок-сагызе.

За высокие урожаи кок-сагыза председатель колхоза И. Е. Токарь, бригадир М. И. Ковган и звеньевая А. У. Богуславец удостоены звания Героя Социалистического Труда, большая группа колхозников награждена орденами и медалями. Год от году увеличиваются посевы кок-сагыза в колхозе «Первое мая».

Не без гордости думает об этом Матрена Ильинична Ковган, направляясь из школы на заседание правления колхоза. Растет общественное хозяйство, зажиточней, культурней становится жизнь

Герой Социалистического Труда М. И. Ковган беседует со школьницами.

Фото Е. Умнова

Девочки внимательно слушают. Скоро растает снег на полях, по берегам речки Роменки густыми щеточками взойдут кустики кок-сагыза, посеянного прошлой осенью перед заморозками. Упорно, кропотливо будут работать на своих участках колхозницы бригады М. И. Ковган. А летом, когда поля зацветут пушистыми одуванчиками, выйдет на сбор семян детвора — все школьники села Николаевки. И пойдут тогда впереди юные помощницы Матрены Ильиничны — Маруся, Лида, Аня, Нина, — недаром еще в прошлом году за отличный сбор семян коксагыза Центральный комитет комсомола Украины наградил их почетными грамотами.

Вот уже четвертый год, как колхоз «Первое мая» первым в Роменском районе, Сумской области, начал возделывать эту техническую культуру, дающую сырье для советской резиновой промышленности.

в Николаевке. В центре села поднимаются ввысь кирпичные стены нового школьного здания, скоро подведут их под крышу, а к осени и внутреннюю отделку закончат.

С думами о родном колхозе приходит Матрене Ильиничне на память и собственная ее судьба. Десять лет назад отсюда, из Николаевки, угнали фашисты в рабство украинскую девушку Матрену Ковган. Два с половиной года прожила она за колючей проволокой концлагеря, нося на одежде клеймо «OST». Невыносимо мучительной была жизнь в неволе, смерть казалась единственным избавлением от рабского труда. Но пришло освобождение — Матрена Ильинична вернулась на Родину, и великой радостью новой жизни стал для нее созидательный труд.

С. МЕСЯЦЕВ

НА ДНЕ СТАЛИНГРАДСКОГО МОРЯ

В управлении Сталинградгидростроя есть отдел с любопытным названием: «Отдел подготовки зоны затопления». Здесь можно встретить людей самых различных профессий: агронома и геолога, архитектора и землеустроителя, связиста, железнодорожника, топографа.

Начальник отдела инженер В. Г. Волшаник рассказывает:

— Со дна будущего Сталинградского моря должно быть перенесено на новые места не менее 20 тысяч домов, множество промышленных предприятий, исторические памятники, фруктовые сады, лесопитомники.

В Сталинградской и Саратовской областях на площади в 4,5 миллиона гектаров будут проведены работы по новому землеустройству в колхозах и совхозах.

Перед нами карта-схема Сталинградской области. На север и юг, запад и восток от будущего водохранилища ГЭС идут тонкие стрелы, направленные к селам, колхозам и МТС, которые выносятся из затопляемой зоны. По длине этих стрелок можно судить о дальности «путешествия» того или иного населенного пункта: одно село передвигается на 500 метров, другое — на 25 километров.

Новые города, рабочие поселки, села будут построены по архитектурным проектам, которые сейчас разрабатываются в Сталинграде, Ленинграде, Москве.

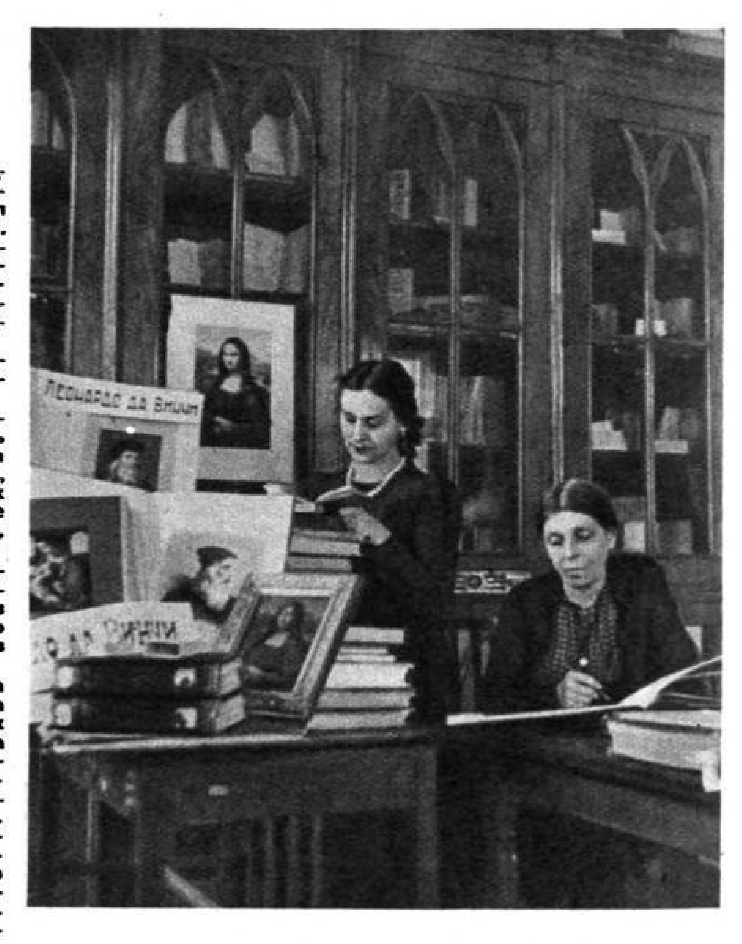
По опыту Волгодонстроя многие здания будут передвигаться в неразобранном виде.

Институт строительной техники разработал для Сталинградгидростроя конструкцию так называемого домовоза. Этот механизм способен передвигать строения летом и зимой по существующим грунтовым дорогам.

Прежде чем воды нового «моря» зальют огромные пространства Сталинградской и Саратовской областей, ученые-археологи стремятся исследовать недра этих земель. В прошлом году во время раскопок в районе строительства гидроузла была обнаружена стоянка человека каменного века. Археологи, работавшие близ реки Еруслана, нашли в древних могильниках вещи из бронзы, кости и глины, относящиеся к племенам, населявшим эти места тысячелетия тому назад.

В зоне затопления Сталинградского моря нужно расчистить от лесов и кустарников территорию, в шесть раз большую, чем дно Цимлянского и других водохранилищ Волго-Дона, вместе взятых.

А. АРКАДЬЕВ

Работники научной библиотеки В. Мазманьянц (слева) и Е. Александрович подбирают материалы для выставки о Леонардо да Винчи.

Памяти Леонардо да Винчи

В ознаменование 500-летия со дня рождения великого итальянского художника Леонардо да Винчи Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета имени Горького организовала большую юбилейную выставку. В экспозицию включены «Трактат о живописи», впервые переведенный на русский язык и выпущенный массовым тиражом в Москве в 1934 году, «Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского», «Механика Леонардо да Винчи».

Большой раздел выставки посвящен литературе о великом сыне итальянского народа. Тут мы находим парижское издание (1745 год) «Очерка жизни наиболее знаменитых художников с их гравированными портретами», венецианское издание книги Вазари «Жизнь наиболее знаменитых художников, скульпторов и архитекторов», итальянский альбом, изданный в Риме в 1773 году. Выставка иллюстрирована редкими русскими, итальянскими, французскими изданиями цветных репродукций с картин Леонардо да Винчи: «Мадонна Литта» (коллекция Эрмитажа), «Мадонна среди скал», «Благовещенье», гелиогравюрами с картины «Монна Лиза Джоконда». Здесь же находится альбом снимков деталей картины «Тайная вечеря».

В эти дни в университете, институтах, клубах, дворцах культуры проводятся вечера, посвященные Леонардо да Винчи. В музее изобразительных искусств открылась выставка репродукций с его бессмертных произведений.

А. КАШТАНЬЕР

НОВЫЙ ВОКЗАЛ В КАУНАСЕ. В Каунасе закончена постройка нового вокзала. На открытии его присутствовали многочисленные делегации трудящихся города. На вокзале имеются три зала ожидания, гостиница, комната матери и ребенка, ресторан. Здание сооружено по проекту архитектора П. А. Ашастина при участии архитектора Б. А. Кикина.

Фото Е. Шишко.

МЕРТВОЕ И ЖИВОЕ

(Из английских впечатлений)

Б. ПОЛЕВОЙ

Когда мы прилетели в Англию, весь Лондон был заклеен крикливыми плакатами, рекламировавшими новый фильм «Яд для другого». Отовсюду со стен и афишных тумб смотрели на нас патологические физиономии героев фильма, искаженные болью, ужасом, безумием.

Друзья объяснили нам, что шумиха, поднятая вокруг новой кинокартины, имеет не столько кассовое, сколько политическое значение. Свое «холодное завоевание» Британских островов Уолл-стрит ведет широким фронтом. Он уже превратил Англию в «непотопляемую авиаматку» Соединенных Штатов. Он теснит английскую торговлю. Американские капиталы все глубже просачиваются в промышленность. Экспансионистские силы янки устремляются в область идеологии, культуры, искусства и особенно киноискусства.

Заокеанские кинодельцы знают, что пока существует английское кино, которое всегда было выше их стандартной стряпни, им британских экранов полностью не захватить. И они стремятся взорвать английскую кинопромышленность изнутри. Для этого создаются смешанные англо-американские фирмы, которые ставят фильмы по американским стандартам, но с участием киноактеров обеих стран. Фильм с многозначительным названием «Яд для другого» явился одним из детищ от подобного смешанного брака. Главные роли в нем отданы голливудским «звездам» — Бетти Девис и ее партнеру Лери Мериллу. Второстепенная роль поручена весьма известному и действительно талантливому английскому актеру Эмили Вильямсу.

Содержание картины трудно пересказать: она, как и большинство американских кинофильмов, лишена всякого содержания. Сюжет же таков: желая развязать себе руки, жена дает яд нелюбимому мужу; едва она успевает расправиться с ним, как в дом врывается друг отравленного, который ищет здесь пристанища, так как сам только что пристукнул полицейского. Убийца и отравительница быстро находят общий язык. Они выбрасывают труп хозяина дома в реку и во время этой операции успевают понравиться друг другу настолько, что очень скоро устраиваются на освободившемся супружеском ложе. Но героиня столь же быстро разочаровывается и в новом сожителе. Не долго думая, она расправляется с ним тем же способом, что и с мужем. В заключение сыщик, идущий по следам убийцы, случайно вместо успокоительных капель подносит яд самой отравительнице, и она, промучившись на глазах зрителей минут десять — пятнадцать и продемонстрировав все виды предсмертных судорог, отправляется вслед за своими жертвами...

Мы смотрели фильм в дни премьеры, в субботний вечер, в одном из самых посещаемых лондонских кино на Пикадилли. Несмотря на рекламную шумиху, в зале — много свободных мест. Надо отдать должное английскому зрителю: импортные заокеанские ужасы не увлекли его. В местах, где создатели фильма мечтали, вероятно, заставить зрителя обливаться от страха холодным потом, слышались преувеличенно громкие зевки и насмешливое цоканье. В патетические же моменты звучал смех, и многие из зрителей покидали зал, не досмотрев, как голливудская кинозвезда корчится на экране в предсмертных конвульсиях.

Примерно так же обстоит дело и с лондонскими театрами, даже теми, которые известны своими хорошими, давними реалистическими традициями. На их подмостки все чаще проникают космополитические пьесы, лишенные всякого национального колорита, проникнутые маразмом пессимизма, проповедующие бессилие человека перед злой судьбой, неизбежность приближающейся войны и даже гибели мира.

В связи с этим хочется рассказать поподробней об одном из очень любопытных уголков английского театрального искусства, куда, несмотря ни на что, нет доступа тлетворной заокеанской стряпне, где стойко охраняются лучшие традиции английского искусства, где рядом с шедеврами классической отечественной и мировой драматургии зритель видит сейчас лучшие произведения прогрессивных английских и зарубежных драматургов и в том числе пьесы советских писателей.

Я говорю о маленьких рабочих театрах Юнити, этом новом, пока еще не очень широко распространенном, но весьма примечательном явлении в английском искусстве.

В крохотной комнатке дирекции, помещавшейся где-то над сценой, режиссер и актеры, только что снявшие грим, рассказали нам любопытную историю своего театра. В тридцатых годах тут, в Лондоне, за Темзой, на закопченной окраине, рабочие организовали группу любителей. Поначалу играли даже без декораций, после митингов и профсоюзных собраний, кочуя с одних временных подмостков на другие. Но так как эти постановки несли зрителю передовое искусство лучших писателей мира, аудитория прощала им и бедность постановок, и условность костюмов, и нехватку на первых порах профессионального мастерства.

В зрителях недостатка не было. Но искренние, дружные аплодисменты были единственной наградой актерам. Билеты продавались за гроши. Весь сбор без остатка уходил на оплату помещения. Тогда руководство театра обратилось с призывом к зрителям: дайте нам постоянную сцену! Зрители откликнулись. По фабрикам, заводам, железнодорожным депо, автобусным паркам пошли сборщики с подписными листами. Из шиллингов и пенсов, брошенных в кепи сборщиков, собралась в общем довольно крупная сумма. Но ее хватило только на закупку строительных материалов.

На помощь пришли профсоюзы. По их призыву каменщики бесплатно, в свободное время, построили здание театра; кровельщики покрыли его; плотники, штукатуры отделали его изнутри; члены профсоюза мебельщиков оборудовали сцену и маленький зал на сто пятьдесят мест; маляры, также безвозмездно, покрасили помещение; швейники сшили занавес. Театр был готов. Он и сейчас существует на чистом энтузиазме любителей, этот крохотный театрик, где все, от ведущих актрис и актеров до билетеров и капельдинеров, работают бесплатно, в свободные от основных занятий часы.

Все, что театр выручает за продажу билетов, идет на костюмы, декорации, уплату налогов и покрытие других расходов по постановкам. Театр дает спектакли несколько раз в неделю и почти каждый месяц ставит новую пьесу. У него уже сложившийся, постоянный коллектив, в котором много даровитых исполнителей. За годы у этого коллектива выработался свой собственный стиль постановок. Энтузиасты театра отдают весь жар сердец своему маленькому театру и большому, прогрессивному искусству, которое они само-

Ливерпульский театр Юнити стал центром прогрессивной культуры. На снимке: Поль Робсон выступает в помещении театра.

отверженно и бескорыстно несут зрителю рабочих окраин.

Я видел в театре Юнити постановку пьесы А. Корнейчука «Калиновая роща». И хотя в украинской хате на сцене горел традиционный английский камин, а музыкальная часть была представлена балалайкой, спектакль шел весело, темпераментно, талантливо, на уровне настоящего искусства. Вместе с английскими зрителями мы от души смеялись и аплодировали актерским удачам, а сидевший рядом режиссер потихоньку рассказывал нам об исполнителях, которые в своей обычной жизни были слесарями, ткачами, автобусными кондукторами. Главную роль в пьесе исполняла фабричная уборщица, а лучший актер-комик оказался полисменом.

Такой же рабочий театр Юнити мы видели в Ливерпуле. Он моложе лондонского, но нисколько от него не отстает ни в актерском мастерстве своей труппы, ни в хорошем подборе очень нелегких для исполнения пьес. Не отстает он от своего лондонского собрата и в той искренней любви, которой его окружает рабочий зритель. В репертуаре театра Шекспир и Горький, Шоу и Симонов, Фридрих Вольф и Говард Фаст. Театр имеет свою своеобразную, весьма острую «живую газету», с помощью которой он быстро откликается на события дня. «Живая газета» выступает на рабочих собраниях, митингах, во время демонстраций. Есть у театра свой молодой драматург Леонард Эрвин, пишущий пьесы и обозрения из жизни рабочих Ливерпуля.

Ливерпульский Юнити стал своеобразным центром прогрессивной культуры. Часто, порой раз и даже два в неделю, он отдает свое помещение под демонстрацию советских кинофильмов и иногда сопровождает их лекцией о той или иной стороне нашей советской жизни.

Их всего три, этих самодеятельных рабочих театра Юнити: в Лондоне, Ливерпуле и Глазго. Это яркая, живая струя в современном английском сценическом искусстве, и кто знает: не суждено ли этим маленьким неостывающим очагам прогрессивной культуры разжечь со временем огонь нового, подлинно народного искусства, которое рано или поздно расцветет и на Британских островах?

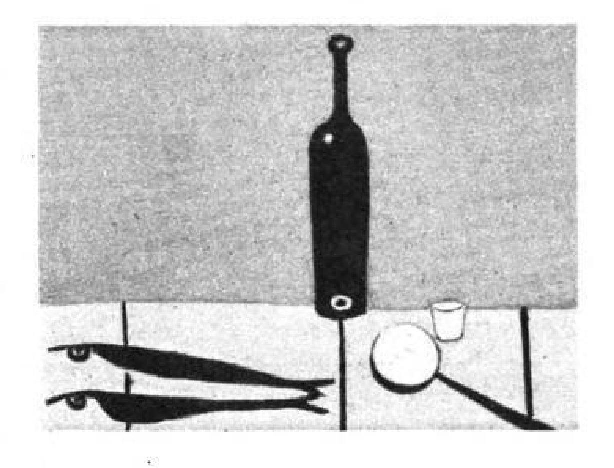
Еще более разительные противоположности можно наблюдать сейчас в Англии в искусстве изобразительном. Именно оно почему-то оказалось наименее устойчивым перед растлевающим заокеанским влиянием.

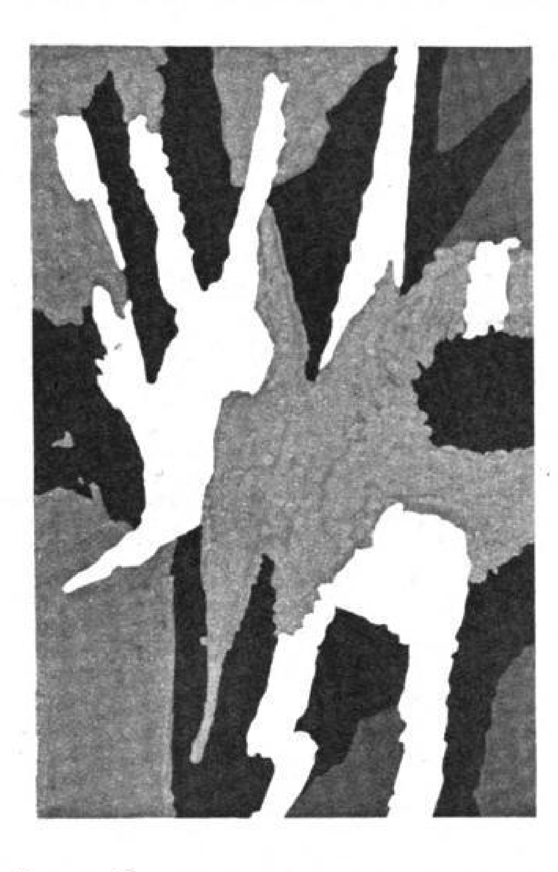
Мы побывали на годичной выставке работ так называемой Лондонской группы художников, которая объединяет большинство наиболее модных и известных живописцев и скульпторов современной Англии. Выставка была расположена в вернисажной галерее, в непосредственном соседстве с королевской Академией художеств. Нам пояснили, что для нее было отобрано все лучшее, что, по мнению устроителей, дали «самые известные современные мастера Англии».

Но каким странным, нелепым и курьезным показалось нам, советским людям, это «самое лучшее», что было развешано и расставлено в больших, просторных, хорошо освещенных залах! Среди массы выставленных картин и скульптур лишь очень немногие по-настоящему привлекали внимание. Это английские пейзажи Фреда Ульмана, четкие, энергичные, смелые по линиям и по колориту. Это выразительные рисунки Джона Монтана, большого и яркого мастера. Но эти немногие работы только подчеркивали вычурность и нелепость большинства картин.

Советским людям трудно себе даже представить, во что превращают сейчас искусство художники, стремящиеся в угоду богатым заокеанским опекунам поскорее отречься от славных национальных традиций в живописи или, как они выражаются, «абстрагироваться». «Абстрагироваться» — это очень емкий термин. В нем — желание отмахнуться от невеселой действительности современной Англии, от наглой оккупации американцами Британских островов, от траурных извещений, получаемых английскими матерями из Кореи, от все уменьшающегося продовольственного пайка и обостряющегося жилищного кризиса.

Особенно бросаются в глаза многие из выставленных, с позволения сказать, скульптур.

Художники, угождающие извращенным вкусам богачей, превращают искусство в безжизненную мазню... Вверху — «Натюрморт» Вильяма Скотта, внизу — «картина», обозначенная в каталоге, как «Весенняя песня» (?) Вильяма Гира.

Я употребил это «с позволения сказать» умышленно: даже при самой предельной терпимости к причудам воображения художника вряд ли можно всерьез назвать скульптурой несколько жестянок и проволочек, прикрепленных к металлическому стержню, которые, как свидетельствовал каталог, носят название «Буря» и принадлежат «резцу» скульптора Елизабеты Эндрюс; или, например, согнутые металлические стержни, насаженные на что-то напоминающее каминные щипцы и долженствующие означать, согласно тому же каталогу, скульптуру «Строительство» Криса Андерсена.

С рисунками и живописью дело обстоит не лучше. Тут «абстрагирование» доходит до того, что многие из полотен можно повесить боком или вверх ногами без всякого ущерба для обозрения. Чтобы понять смысл нарисованного, чаще всего приходится смотреть не на картину, а в каталог. И тут вас ждет масса неожиданностей. Так, например, из каталога с удивлением узнаешь, что бесформенная серая каша с желтыми мазками в углу — это «Принесли фрукты» Сюзанны Бот; сумбур из цветных прямоугольников оказывается «Фигурой в пейзаже», нарисованной Вильямом Скоттом; а неопределенная масса, напоминающая потроха, по которой вкривь и вкось разбросаны человеческие глаза,— это «Толпа» Дениса Вильямса.

Обычных изобразительных средств, которыми пользовались Леонардо да Винчи, Рафаэль, Репин, английские мастера-реалисты, для таких «экспериментов» оказывается уже недостаточно. На помощь краскам художница Вера Спенсер привлекает обрывки газет, куски картонных лент с дырками, употребляемых в рисунчатом ткачестве. Другой художник, Бернгард Медоуз, вовсе уже не доверяя краскам, прилепил к полотну контурные изображения из пластелина. Вылепленный им на полотне барельеф, отдаленно напоминающий обглоданные кости, значится по каталогу как «Петух».

Как редкие, живые островки в этом болоте абстрактной, безжизненной мазни встречаешь отдельные реалистические произведения — «Женский портрет» Елизабеты Мунд, «Мать с ребенком» Нормана Даусона. Они как бы говорят, что в маршаллизуемой Англии есть еще мастера, которые умеют видеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким он представляется воспаленному мозгу в приступе белой горячки...

Ходишь по выставке и думаешь: что же заставляет английских художников, скульпторов, рисовальщиков, среди которых есть, несомненно, одаренные люди, умышленно калечить свои способности, растаптывать хорошие, реалистические традиции английской живописи? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, с исчерпывающей красноречивостью дают красные звездочки, которые по местному обычаю наклеивают на картины, уже кому-нибудь проданные. Этими звездочками отмечали на выставке как раз самые уродливые и бесформенные из «картин» и «скульптур». Покупают эти весьма дорогостоящие предметы фабриканты, дельцы, разбогатевшие маклеры, владельцы преуспевающих адвокатских фирм — люди, социальный заказ которых гласит: чем нелепее, тем лучше!

Впрочем, и в изобразительном искусстве современной Англии сохранились, так сказать, очаги сопротивления. С одним из таких очагов мы не без удовольствия познакомились.

Если художники Лондонской группы заняли для своей выставки одно из лучших помещений столицы, то выставку работ «Современные художники», как назвала себя группа прогрессивных английских мастеров, не сразу и отыщешь. Она помещалась на Лейл-стрит — улице, куда состоятельные англичане и днем стараются не попадать.

Скрипнула дверь с подвешенной на блоке гирей и пропустила нас прямо с улицы в помещение, которое на первый взгляд казалось мелочной лавочкой. И, действительно, здесь когда-то был маленький магазин, теперь его сняли под выставку. Кирпичные стены обтянуты мешковиной. На ней развешаны картины. Но помещение очень тесно, а картин много. И поэтому большинство их стоит на полках, как книги в библиотеке, так что для осмотра их приходится вытаскивать и ставить на пол.

Помещение подвальное, свет проникает сверху, через стекло, вделанное в тротуар. По углам сочится сырость. Небольшие электрические лампы едва рассеивают полумглу. Но здесь можно многое увидеть и понять. Мастера из группы «Современные художники» в отличие от своих более преуспевающих коллег не открещиваются от лучших реалистических традиций национальной живописи, не отрываются от жизни своей страны, как бы безрадостна она ни была, не стремятся изолироваться от народа.

Смотришь их работы и видишь сегодняшнюю Англию. Особенно хороши полотна талантливого живописца Патрика Карпентера, певца лондонской бедноты. Художник смелый, правдивый до беспощадности, любящий свой народ и искренне переживающий его невзгоды, он привлекает и глубиной содержания своих картин, и живостью красок, и суровой правдивостью. Вот написанный сверху уголок рабочего квартала — закопченная каменная щель, старые подслеповатые дома с гребешками каминных труб на крышах. Все, и небо и земля, в бурой копоти. И тут же, за каменным забором, между куч мусора ребятишки играют в мяч. Солнце, прорвавшись в узкие прогалины между крышами, осветило их пестрые рубашки. Картина носит многозначительное название — «Цветы на камнях».

Из хороших, гуманистических полотен Морица Киссельмана особенно запомнилась небольшая картина «Дети в кино». Она очень лаконична. Темный зал, в котором еле угадываются ряды тесно сидящих людей. Луч киноаппарата, устремляющийся на экран, освещает только три детские головки. Каждый из мальчиков по-своему переживает то, что он видит.

и на худеньких лицах детишек, которым, должно быть, нечасто приходится бывать в кино, такая многообразная гамма чувств, что эта картина рассказывает о положении детей бедняков в Англии красноречивее, чем любая уснащенная статистическими выкладками статья.

Хороши пейзажи Эдвина Ладела. Очень самобытны работы Ямаса Безвела, художника, который не только рисует и пишет, но и сам литографирует свои работы. Вот его литография «Футбол на окраине», которую я видел немного раньше в квартире уэльского шахтера, где мы после митинга провели вечер. Серый, осенний день, каких в Англии бывает много, дождь сечет косыми стеклянными струями; край футбольного поля, кромка которого обозначена жидкой промокшей толпой, стоящей под зонтиками на углу. Игра ушла куда-то за пределы картины, и видны только: вдали — мокрый, съежившийся от холода защитник, а на переднем плане, обхватив сам себя руками, стоит вратарь, напряженно следящий за игрой из-под надвинутого козырька кепки, с которого стекает вода. Я спросил тогда шахтера, нравится ли ему эта литография.

— Это наша Англия,— ответил он.

Мы осматривали эти честные, правдивые, порой до жестокости, иногда излишне натуралистичные, но сильные заключенной в них жизненной правдой картины, рисунки и думали: да, это Англия. Немногие электрические лампы с трудом побеждали полутьму. Наверху, за стеклом окна, все время мелькали ботинки и туфли прохожих, но это все не мешало смотреть: это тоже была Англия.

Худенькая большеглазая женщина, художница, она же дежурный директор выставки, она же ее кассир, рассказала нам о мастерах этой группы, не пожелавших кривляться и калечить свой талант в угоду толстосумам. Да, эти картины не так уж часто покупают, но это ничего, художники не вешают носа. Они хотят по мере сил служить своему народу, хотят, чтобы их искусство созерцали не богатые тупицы, а простые люди. Как это достигается? А вот как. Ваши русские «передвижники» возили свои выставки из города в город. В Англии это трудно сделать. Зато содружество «Современные художники» организовало прокат своих картин по очень доступным ценам: пять шиллингов за картину в месяц. Картины и скульптуры берут напрокат школы, университеты, профсоюзные организации, кооперативы.

— И много картин у вас в прокате?

— Около двухсот постоянно путешествует по школам и общественным организациям, а свыше тридцати гостят на частных квартирах,— с гордостью отвечает наша собеседница.

— И много это дает вашей организации?

— Немного, конечно, но мы люди скромные. Разве в прибыли дело? Дело в том, чтобы народ видел настоящее искусство.

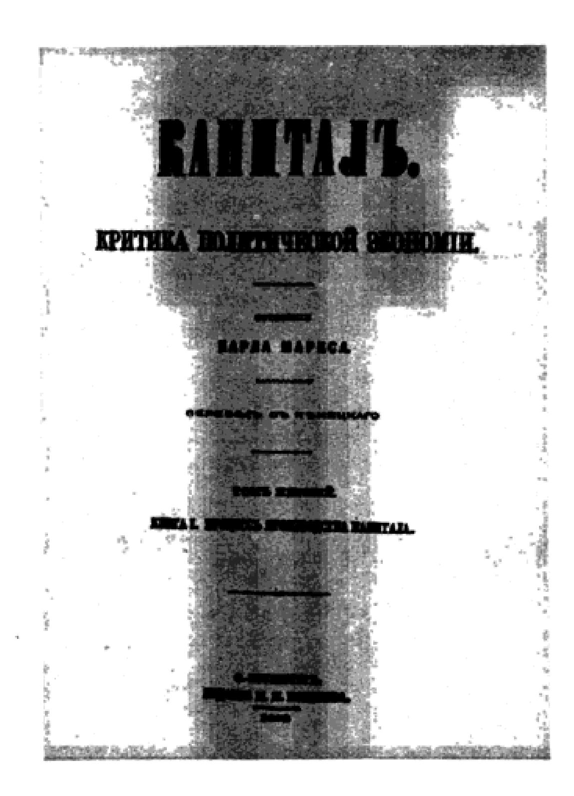
Женщина с большими грустными глазами, обслуживающая эту выставку, без устали достает с полок все новые картины в тяжелых рамах. В кирпичных углах подвала, где хранятся произведения искусства, завелась от сырости замшелая плесень. Ноги прохожих, двигающихся по тротуару, все время кладут на картины зыбкие тени. Все это так. Но тут, в маленьком подвале, настоящего, сильного искусства было больше, чем во всех четырнадцати залах роскошной выставки. Здесь было живое, страстное, человеческое искусство, бесстрашно рассказывающее правду о жизни народа своей страны.

И когда сейчас, месяцы спустя, обдумываешь свои английские впечатления, туманно, расплывчато, как некое цинично выставленное напоказ уродство, вспоминаются и бредовый, поставленный «под Голливуд» фильм с ядом, кровью и предсмертными судорогами, и странные пьесы, герои которых живут, точно бы в тяжелом сне, и подчеркнутое уродство скульптур и живописи на выставке «мастеров» Лондонской группы. Но с дружеской теплотой вспоминаешь горячие, задорные, талантливые спектакли в крохотных театриках Юнити и эту выставку работ талантливых, смелых, непреклонных художников в темном помещении мелочной лавочки на унылой улице Лейл.

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

80 лет назад, 27 марта (8 апреля) 1872 года, на третьей странице газеты «С.-Петербургские ведомости» появилось объявление:

«В книжном магазине Черкесова (Невский пр. № 54) поступила в продажу новая книга: КАПИТАЛ Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого. Том I. Процесс производства капитала. Спб, 1872. Издание Н. П. Полякова. Цена 2 р. 50 к.»

КАПИТАЛЪ.
КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.
КАРЛА МАРКСА.

Титульный лист первого перевода на русский язык «Капитала» К. Маркса.

Это был первый перевод гениального труда К. Маркса с немецкого языка.

Менее чем через год после выхода «Капитала» в Гамбурге, в России началась подготовка к выпуску перевода. Маркс, живший в то время в Лондоне, скоро узнал об этом и 4 октября писал Энгельсу: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге в русском переводе». Через три дня он снова пишет своему другу: «Русский перевод — весьма отрадное явление...» Маркс и в дальнейшем выражал удовлетворение тем, что труд, который он считал «делом своей жизни», переводится в России. Он пишет Кугельману: «Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала»... первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский».

Этим «петербургским издателем» был виднейший представитель прогрессивной печати России конца 60-х и начала 70-х годов Николай Петрович Поляков. Большинство книг, изданных Поляковым, было конфисковано, и сам издатель оказался разоренным.

Первый том «Капитала» был допущен царской цензурой «к обращению в России как в подлиннике, так и в переводе», как произведение «строго научное, тяжелое и мало доступное». Цензор Скуратов — один из двух невежественных царских чиновников, просматривавших перевод гениального произведения Маркса,— нашел, что эту книгу «немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее». Однако печатать портрет автора цензура запретила, объясняя это тем, что «деятельность Маркса, известного социалиста и председателя интернационального общества, весьма двусмысленна, между тем дозволение портрета его при сочинении «Капитала»... можно было бы принять за выражение особого уважения к личности автора».

«Перевод с немецкого» — стоит на титульном листе книги. Переводчиком был один из крупных представителей революционного народничества 70—80-х годов прошлого века — Герман Александрович Лопатин. Знаменательно упоминание о Лопатине В. И. Ленина: «Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте...»

В начале 1870 года Лопатин бежит из очередной ссылки. Он направляется в Париж и вступает в одну из секций Интернационала. Оттуда Лопатин едет в Лондон к Марксу, сближается с ним и обсуждает вопросы, связанные с переводом «Капитала».

Свой перевод Лопатин начал со второй главы, так как Маркс выразил желание первую главу переделать для русского издания (в дальнейшем глава переделана не была). Доведя перевод до пятой главы, Лопатин вынужден был его оставить: в 1871 году он поехал в Сибирь для организации побега Н. Г. Чернышевского из Вилюйской тюрьмы. Перевод был завершен народником Н. Ф. Даниельсоном, писавшим под псевдонимом «Николай — он».

Маркс, получив русский перевод первого тома «Капитала», с благодарностью писал, что «перевод сделан мастерски». Друг Маркса рабочий Фр. Лесснер вспоминает: «Когда готовый экземпляр русского «Капитала» дошел, наконец, из Петербурга, то это событие, как важное знамение времени, превратилось для Маркса, его семьи, друзей в настоящее празднество».

Восторженно встретили перевод «Капитала» в России. За полтора месяца была распродана треть всего тиража — факт, для того времени выдающийся. Члены революционных кружков закупали книгу для распространения ее в провинции. На известном политическом процессе 193-х в 1877—1878 годах «Капитал» Маркса фигурировал как доказательство виновности подсудимых.

Вскоре после выхода книги появились отзывы о ней в нескольких русских газетах. Одна газета даже получила предупреждение от полиции, что если и впредь она будет писать в таком тоне о «Капитале», то ее закроют. Откликнулись на выход перевода «Капитала» и виднейшие русские журналы. В первые же годы по выходе перевода в русской печати было опубликовано свыше 150 рецензий, статей и упоминаний о гениальном труде Маркса. В 1880 году Маркс в письме к Зорге констатировал, что в России «Капитал» «больше читают и ценят, чем где бы то ни было...»

Царская цензура обеспокоилась столь широким распространением учения Маркса. Было дано распоряжение о недопущении нового издания. «Капитал» вносится в списки книг, «не дозволенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». К середине 90-х годов I том «Капитала» считается большой редкостью, немногочисленные экземпляры его переходят из рук в руки.

Только к концу 90-х годов ограничения с «Капитала» были сняты. В 1898 году сразу же выходят три издания I тома, в старом переводе Лопатина-Даниельсона, а затем и в других переводах. В течение 1898—1899 годов общий тираж всех изданий «Капитала» составил 18 тысяч экземпляров.

После Великой Октябрьской социалистической революции произведения Маркса печатаются в нашей стране невиданными тиражами: три тома «Капитала» вышли в СССР в количестве 4 миллионов экземпляров.

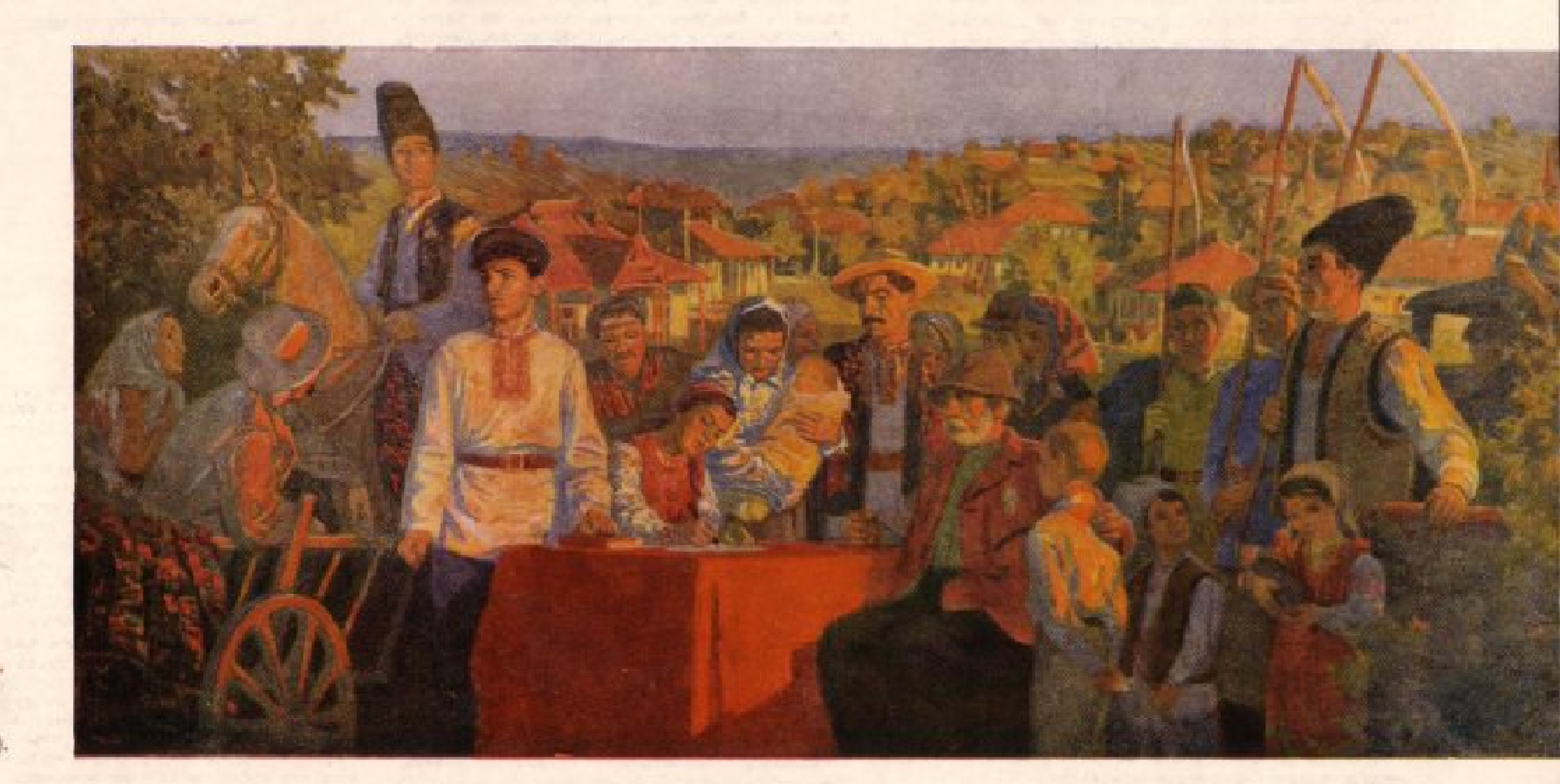
И. ПИККИЕВ

Ю. П. Рейнер.
СОВЕТСКАЯ
МОЛДАВИЯ.
Триптих.

МОЛДОВЕНЯСКА

(левая сторона триптиха).

ЗА МИР!

(центр триптиха).

КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗВЕНО
(правая сторона триптиха).

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Е. И. Табакова. В ЧАС ОТДЫХА. (Новости дня).

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

А. А. Пластов. ВИТЯ ПОДПАСОК.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

В дорогу

Рассказ

Николай ЛЕВЧЕНКО

Рисунки П. Караченцова

Гриша проснулся рано утром. Все его товарищи по комнате еще крепко спали. «Сначала прощусь с Анной Ивановной, а потом разбужу их»,— решил Гриша и стал одеваться.

Ветка клена царапалась о стекло распахнутого настежь окна. Видны были глубокое небо и темная дырка голубятника, в котором громко ворковали любимцы всего детдома — почтовые голуби Заказной и Телеграмма.

Обуваясь, Гриша уронил ботинок. На соседней койке зашевелился Володя, брат. Он подогнул ноги, но сейчас же их выпрямил, словно и во сне помнил детдомовскую примету: кто спит, вытянувшись, тот скорей вырастет. Гриша снисходительно усмехнулся, как и полагается старшему брату, который уже окончил школу-семилетку и сегодня едет поступать в техникум.

Он попытался незаметно выскользнуть на улицу, но в дверях столкнулся с дежурной воспитательницей Ниной Феоктистовной. Воспитательница была доброй, но старалась казаться строгой, любила, когда дети делали вид, что сильно ее боятся, и очень гордилась своим трудным для произношения отчеством.

Чтобы напоследок доставить Нине Феоктистовне удовольствие, Гриша спросил робким голосом:

— Я хочу с учительницей проститься, можно?

Нине Феоктистовне понравилось, что он спрашивает у нее разрешение даже сегодня, в день отъезда. Но по привычке она все-таки нахмурилась, придирчиво посмотрела на гришины ботинки, пожевала губами и сказала сурово:

— Иди, только не опоздай на автобус!

На крыльце Гриша задержался на минуту. Солнце показалось из-за верхушек деревьев школьного сада, и на клумбе перед детдомом зажглись крупные капли августовской росы. За селом курилась желтая степь, уставленная скирдами соломы. На лугу, позади школы, невысоко над землей висел туман. В селе было по-утреннему тихо, лишь возле правления колхоза слышался говор людей и долгими призывными гудками сигналил грузовик: торопил кого-то, запоздавшего на работу.

Анна Ивановна жила в квартире при школе. Гриша тихо постучал в окно.

— Стучи, стучи — все равно без пользы! — сказал сзади ехидный голос.

Гриша обернулся и увидел Нату — десятилетнюю приемную дочь Анны Ивановны, проказницу и забияку. Он никак не мог понять, почему старая учительница взяла к себе именно эту неспокойную девчонку.

Ната сидела верхом на заборе и прикладывала к синяку на лбу большой пятак.

— Мама в школу ушла,— сообщила Ната, показала на свой синяк и похвасталась: — Свежий! Уже сегодня упала! — Потом подбросила и ловко поймала на лету пятак и снова похвасталась: — А у тебя такого пятака нету! Мне директор подарил. Любой синяк в один момент сводит! Старый-престарый, еще при царе Александре Четвертом отлитый...

— Не было такого царя! — сказал Гриша.— Александр Третий был, а Четвертого не было. Истории не знаешь!

— Не было, и не надо,— податливо согласилась Ната.— Я не люблю царей считать: ску-учное это занятие... Да их никто и не знает, один только ты, профессор!

Гришу в школе дразнили профессором за его любовь к чтению.

В школе уборщица сказала, что Анна Ивановна в учительской. По дороге Гриша зашел в свой класс, сел за парту. Ему казалось, что он испытает какое-то особое чувство, если сядет за парту, за которой сидел целых семь лет. Но к новому учебному году парта была перекрашена, Гриша не нашел на ней многих знакомых царапин и трещин и, может быть, поэтому никакого особого чувства не испытал. «Интересно, кому парта достанется в новом году?» — подумал он и пошел разыскивать Анну Ивановну.

В учительской на сдвинутых столах лежал длинный кусок кумача, свисавший до пола. Анна Ивановна стояла лицом к окну и писала красивыми белыми буквами: «Добро пожаловать!»

— Здравствуйте, Анна Ивановна! — громко сказал Гриша.— Пришел с вами попрощаться.

— Уже уезжаешь?

Анна Ивановна отложила кисточку и внимательно посмотрела на своего бывшего ученика.

«Совсем седая стала!» — подумал Гриша.

— Ну, за тебя я спокойна: вступительные экзамены в техникум ты выдержишь,— уверенно сказала Анна Ивановна.— Но на всякий случай повтори правописание глаголов второго спряжения. В последней письменной работе у тебя была ошибка в глаголе, помнишь?

Гриша покраснел. Ему вдруг пришла в голову мысль, что Анна Ивановна, думая о своих учениках, первым делом вспоминает, какие те делали ошибки, а уж потом,— каковы они из себя: высокие или маленькие, рыжие или черные...

— А свою березку в школьном саду кому передашь? — спросила учительница.

— Володе.

— Хорошо, пусть брат примет березку,— тихо сказала Анна Ивановна.

В школе давно существовал обычай: ученик, поступая в первый класс, сажает дерево в школьном саду, растит его и ведет дневник наблюдений до окончания школы. Анна Ивановна хорошо помнила тот день, когда семь лет назад к ней подошел совсем маленький тогда Гриша и сказал шепотом, что он не будет садить ни яблоньки, ни вишни, а посадит березку. И хотя в школьном саду росли только фруктовые деревья, Анна Ивановна разрешила Грише посадить березку: она знала, что мать его, погибшая в первые дни войны, из всех деревьев больше всего любила березу...

— За лето ты сильно вырос,— сказала Анна Ивановна, оглядывая с ног до головы Гришу.— Совсем большой стал! А давно ли залезал на стул, чтобы вытереть доску!

— Разве было такое? — недоверчиво спросил Гриша.

— Было, было! — заверила Анна Ивановна и улыбнулась, вспомнив то далекое для Гриши и такое близкое для нее время.— Ну, желаю тебе счастливого пути! Будет свободная минута — пиши, не забывай нашей школы.

— Я вам обязательно напишу, обязательно! — срывающимся голосом пообещал Гриша.

— Если я не сразу отвечу, ты не обижайся,— предупредила Анна Ивановна.— Мне много писем пишут, и с каждым годом все больше...

И они простились. Впервые в жизни Гриша, как взрослый, пожал руку учительнице.

Анна Ивановна вышла его проводить. На повороте улицы Гриша обернулся. Анна Ивановна, маленькая, седая, стояла на крыльце и глядела ему вслед. Гриша поднял руку и помахал.

Он не видел, как затуманились глаза Анны Ивановны. Каждый год провожала она повзрослевших учеников, а все никак не могла к этому привыкнуть. И каждый год в школу приходили новые ученики, но Анне Ивановне сначала всегда казалось, что новички не смогут заменить ушедших, а потом она убеждалась, что и эти ребята хороши — каждый посвоему. Когда наступало время расставаться с ними, она снова жалела. И так повторялось из года в год...

Анна Ивановна вспомнила, что ею не дописан кумачовый плакат, и заспешила в учительскую.

А Гришу на главной улице села остановил председатель колхоза. Он запомнил ученика с тех пор, как на сборе колосьев Гриша собрал больше, чем другие ребята.

— Ты же смотри,— сказал председатель,— кончишь техникум, просись к нам. Специалисты нам нужны!

Грише было приятно, что председатель колхоза приглашает к себе на работу, и немного смешно оттого, что он делает это так преждевременно, еще до его поступления в техникум.

— Ну это еще когда будет!..— скромно сказал Гриша.— Ведь четыре года!

— Что ж, четыре года? Всего-навсего четыре посевных и три уборочных! Будем ждать!..

Возле детдома он увидел брата.

— Ты где пропадал? — с обидой в голосе спросил Володя.— Скоро ехать, а тебя нету!

Гриша объяснил. Они побежали в школьный сад.

Вдоль решетчатого забора, образуя пушистую зеленую изгородь, росли кусты смородины и крыжовника. На стволах яблонь и вишен виднелись аккуратные фанерные бирки с надписями: кто посадил, дата и кто ухаживает за деревом. Вишни уже стояли без ягод и вид имели спокойный, словно отдыхали после честно выполненной нелегкой работы. А на яблонях тут и там краснели яблоки с горячим румянцем.

Гришина березка росла на обочине дорожки. Володя торопливо отвязал от белого ствола бирку с именем брата, и Грише показалось, что березка сразу осиротела.

Володя не знал, как надо вести себя, когда принимаешь у брата дерево. Он сказал:

— Я принял! — и на всякий случай вытянулся.

— Если уедешь в суворовское училище, сдай березку лучшему товарищу,— строгим баском приказал Гриша и добавил: — Смотри, чтобы Анна Ивановна мне на тебя не жаловалась. Учти: у нас в роду второгодников не было!.. А теперь давай здесь попрощаемся, а то на автобусной стоянке на нас будут все смотреть.

Гриша обнял брата.

На обратном пути он сказал:

— Фотокарточку, где папа с мамой сняты, я возьму, пересниму в городе и пришлю тебе.

Володя молча кивнул головой.

До прихода автобуса оставалось двадцать минут. Гриша быстро позавтракал и стал прощаться с воспитателями и товарищами. Вместе с ним в город уезжал молчаливый Федя Скворцов. Он шел сзади и делал все то, что делал Гриша: пожимал руки, благодарил воспитателей, обещал писать письма.

Гриша еще не решил, что надеть в дорогу: белую рубашку или пиджак. Белая рубашка ему нравилась больше, но она не имела кармана и некуда было положить новую автоматическую ручку.

— Если рядом с комсомольским значком новая авторучка будет, здорово получится, правда? — посоветовался Гриша с товарищами.

— Студенты всегда в костюмах ходят! — авторитетно сообщил Коля Беляев — гармонист.

Двоюродный брат Коли учился в педагогическом институте, и Коля считался специалистом по всем вопросам высшего образования.

Провожать уезжающих на автобусную станцию пошли все их товарищи. Нина Феоктистовна вынесла сверток с пирогами. Федя протянул было руку, но воспитательница отдала сверток Грише. Новые, пахнущие клеенкой чемоданы несли самые сильные воспитанники, а впереди шел Коля Беляев и на ходу играл марш.

На стоянке автобуса сидела молодая толстая женщина с молочным бидоном. Она держала в руке большую головку подсолнуха и грызла семечки. Мальчик лет пяти робко жался к ее коленям.

— Мы первые в очереди, самые первые! — испуганно сказала женщина с подсолнухом: она, видимо, боялась, что ребята полезут в автобус всей оравой, и ей не хватит места.

— Не пугайтесь, тетя,— солидно сказал Коля Беляев,— я вам гарантирую место в автобусе.— Он подмигнул Грише, растянул гармонь и громко запел частушку.

— Вот бедовый! — успокаиваясь, сказала женщина.— И от каких родителей такие бедовые родятся?..

И она с грустью посмотрела на своего маленького сына, который все еще жался к ее ногам.

Автобус прибыл точно по расписанию. Был он большой, красный и блестел свежим лаком. Гриша еще ни разу в жизни не ездил на таком красивом автобусе.

Отъезжающие стали прощаться. Володя хмуро сказал:

— Прощай! — и поправился: — До свидания!..

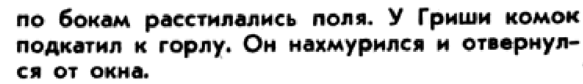
Гриша и Федя сели в автобус.

— Можно трогать? — спросил шофер Нину Феоктистовну.

Нина Феоктистовна кивнула головой. Автобус тронулся. Все провожающие замахали руками. Володя тоже махал. Он стоял впереди всех, маленький, крепко сбитый, очень похожий на отца с фотокарточки.

Выехали из села. Видны были только башенка нового клуба да пожарная каланча. Над каланчой в небе кувыркались голуби. Грише показалось, что он узнает своих любимцев — Заказного и Телеграмму. Дорога нырнула в лощину, и село скрылось из виду. Впереди и сзади автобуса была серая пыльная дорога, а

по бокам расстилались поля. У Гриши комок подкатил к горлу. Он нахмурился и отвернулся от окна.

Федя рядом с ним облегченно вздохнул и сказал:

— Покажи.

— Что тебе? — не понял Гриша.

— Покажи, какой нам пирог дали: с яблоками или со сливами.

Гриша развернул сверток. Пирог оказался с яблоками.

— Я вот этот возьму, он меньше,— проговорил Федя и показал на тот кусок пирога, который был явно больше другого.

Гриша улыбнулся и кивнул головой, соглашаясь.

— Я сейчас возьму! — решительно заявил Федя.— А то от тряски в пирогах начинка портится!

Он взял свой кусок пирога и принялся есть. А Гриша вспомнил, что дальше моста через речку он еще ни разу не был, и решил смотреть в окно, чтобы не пропустить ничего интересного, а пока стал изучать пассажиров. Федя быстро прикончил пирог, надвинул кепку на глаза и задремал.

Впереди сидела маленькая девочка с голубым бантом в косичках и читала толстую книгу. Она слишком часто отрывалась от книги и смотрела по сторонам, словно хотела убедиться, все ли заметили, какую толстую книгу читает она. Гриша прочитал на корешке: «Дети капитана Гранта» — и почувствовал свое превосходство над хвастливой девочкой с голубым бантом.

Некоторые пассажиры, как и Федя, дремали, другие спорили, какой колхоз в районе раньше выполнит план хлебосдачи. Робкий мальчик спал, положив голову на колени матери. Мать отгоняла мух от его лица и осторожно гладила шелковистые светлые волосы сына.

Напротив Гриши сидел большой толстый пассажир и тупым синим карандашом записывал что-то в пухлый блокнот с загнутыми уголками. На ногах этого пассажира красовались странные сандалии: какие-то сплетенные ремни, прикрепленные к подошве. Сандалии живо напомнили Грише обувь, в которой в учебнике древней истории был нарисован Гай Юлий Цезарь.

Незнакомец в римских сандалиях неодобрительно заглянул Грише в лицо, потом перевел глаза на автоматическую ручку, воинственно торчавшую из кармана гришиного пиджака, и уверенно сказал:

— Молодой человек едет в город учиться?

— Да,— ответил Гриша. Ему почему-то было неприятно, что толстый пассажир угадал, куда и зачем он едет.

— В техникум?

— Да,— снова сказал Гриша, и ему вдруг очень не понравился надоедливый пассажир — весь целиком: от соломенной шляпы на голове до римских сандалий на ногах.

— В сельскохозяйственный? — уверенней прежнего спросил незнакомец.

— Нет, в лесомелиоративный! — торжествующе сказал Гриша, радуясь, что человек в римских сандалиях наконец-то ошибся.

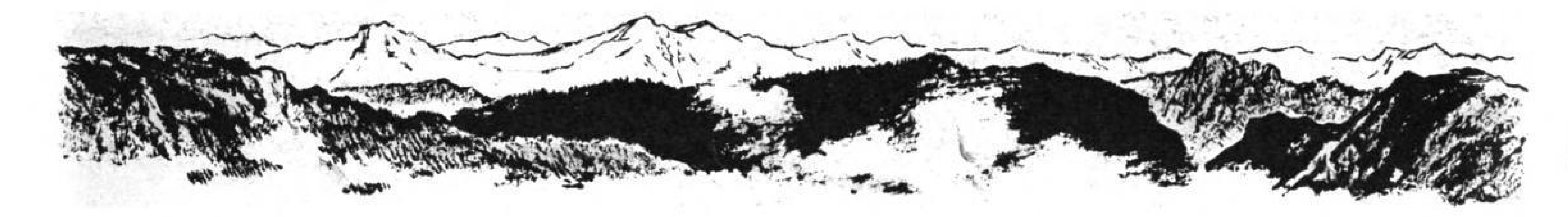
— Что ж, — проговорил пассажир, — где лес,— там урожай!

Грише понравилось, как незнакомец связал лес с урожаем, и он пожалел, что плохо думал о своем попутчике. «В конце концов он не виноват, что ему в магазине продали такие древние сандалии!» — решил Гриша.

Проехали мост, и Гриша стал внимательно смотреть в окно: дальше начинались места, которых он еще ни разу в своей жизни не видел. Здесь тоже молотили хлеб, комбайны докашивали последние узкие полосы. Люди всюду трудились: пахали под озимь, строили дома, ремонтировали школы к новому учебному году, стучали в кузнях тяжелыми молотами, пасли стада.

Автобус шел на восток, и Гриша подумал, что так будет до самого Тихого океана, сколько бы он ни ехал. От мысли, что он живет в такой большой, веселой стране, у Гриши стало тепло на сердце, и горечь расставания с братом, детдомом без остатка растворилась в этом широком чувстве.

Гриша достал из чемодана учебник по грамматике и стал повторять правописание глаголов второго спряжения.

ИЗ КАВКАЗСКИХ СТИХОВ

Николай ГРИБАЧЕВ

Легенда о Тереке

1

Встал Каспий,
Качая на волнах рассвет.
— Где Терек? — он ищет.
А Терека нет...

С разбега
На камни заоблачных скал
Он прыгал
И к морю дорогу искал.

К нему под защиту,
Родством дорожа,
Неслись по ущельям
Ардон и Сунжа.

Ему,
Одеваясь туманом, Дарьял
Легенды
И тайны свои поверял.

Ему
Отдавала на веки веков
Царица Тамара
Своих женихов.

Как конь,
Вылетал он к просторам
степным,
И белая грива
Играла над ним.

Как данник,
Блестя серебром при луне,
Бросался он в ноги
Каспийской волне.

Все так же
Дымится и плещет прибой
На скалах,
На камне,
На гальке рябой.

И мечутся чайки,
И ветер им вслед
Швыряется пеной.
А Терека нет!

Лишь в русле
Могучей когда-то реки
Ручей
Обнаженные лижет пески.

2

И Каспий ярится
И кличет орла:
— Лети
Так, чтоб ветер свистел у крыла!

Спеши на Казбек —
Пусть ответит Казбек,
Где Терек,
Куда он направил свой бег.

Ледник ли истаял,
Упала ль скала,
Лавина ль
В ущелье его заперла,

Иль в Черное море
Средь белого дня
Он темной тесниной
Сбежал от меня?..

Был путь через тучи
Далек и тяжел,
За полдень
Вернулся усталый орел:

— В горах за Дарьялом
Плотина видна,
Ущелье
До дна прорезает она.

Там Терек,
У Дона учась и Днепра,
Турбины
Безропотно крутит с утра.

И снова в Дарьяле
Он пеной кипит
И новой
Плотиной внизу перекрыт.

Закован в бетон
И к труду приучен,
Синея,
В степи разливается он.

Что дальше,
У птицы спроси ты другой:
Я — горный орел,
А не ястреб степной!..

3

Задумался Каспий
И ветер зовет:
— В траве,
Где и ястреб гнезда не совьет,

В полях,
У зеленых садов и бахчей
Бежишь ты весь день
И поешь, как ручей.

Лети у предгорий,
Над степью кружи,
Ищи
И, где Терек пропал, расскажи!..

На волны,
Как горный костер языкат,
Упал
И уже дотлевает закат.

В прибое
Блестят валуны, как слюда,
На траверсе
Свет зажигают суда.

И ветер,
Завьюженный пылью дорог,
Приходит,
Валясь от усталости с ног.

— Я Терек видал...
Он уходит в канал,
На дружбу с людьми
Он тебя променял!

В сетях оросительных
Терек поет,
Пшеница
Струю его чистую пьет.

В арбузе сочится он,
Блещет в зерне,
Он
В дыне и яблоке виделся мне.

В лозе виноградной
По жилам тугим
Струя его
Соком играет хмельным.

Где Терек?
Он в злак превратился и плод.
Он жив,
Но сюда никогда не придет!..

И ночь
Посадила зарю на замок,
И ветер умчался,
И Каспий замолк.

И в травах
Плескались волной голубой
Смирившийся Терек,
Оживший Узбой!

У Кодора

Прохладой ночи тянет с гор,
Мигают звезды над садами,
И шепчет струями Кодор,
Заговорить пытаясь с нами.

О чем? О том, как начал он
Свой путь, не видя тучам края,
Как, словно снегом побелен,
Шумел, ущелье рассекая?

Что с валунами вел он бой,
Что с морем ждет он
скорой встречи?
Но не дано реке седой
Ни теплых чувств,
ни внятной речи.

А нам природа все слова,
Все краски чувства подарила,
Чтобы, пока земля жива,
У сердца сердцу место было.

Так пусть, ясна и глубока,
Дорогой верной и прямою
Моя любовь, как та река,
К твоей любви спешит,
как к морю.

Пускай, сама не зная бед,
Обид и зависти не зная,
Несет друзьям свой добрый
свет,
Любви друзей — сестра родная!

Все глуше ночь. Раскалена,
Как бы поковка в лапах крана,
Через Сванетию луна
Плывет над стенами тумана.

И слушают отроги гор
У беспредельного простора
И сердца с сердцем разговор
И повесть вечную Кодора.

Песня

Течет ветерок по долинам,
Уснула на скалах луна.
На двух языках
Украинец с грузином
Запели, а песня — одна.

И слышно, как мчатся потоки,
И видишь за гребнями скал
Днепровские степи,
И волжские стройки,
И Тахиа-Таш, и Урал.

И в сумерках ночи нагорной
Подтягивать хочется мне
Той песне о нашей
Родной и просторной,
О нашей прекрасной стране.

И горной тропинки изломы
И горы под шапками льда
Так дороги сердцу,
Как будто ты дома
И не уезжал никуда!

Иван Лепехин
СОЛДАТСКИЙ СЫН

(К 150-летию со дня смерти)

Академик Иван Иванович Лепехин (1740 — 1802).

Георгий БЛОК

Огромной, прихотливо изгибающейся петлей, обнявшей тысячи километров, запечатлено на картах знаменитое путешествие Ивана Ивановича Лепехина по российским провинциям. Нервная линия зигзагами протянулась от Балтийского моря до желтой Прикаспийской низменности, прорезала с юга на север Уральский хребет и скачком устремилась к Белому морю. Отсюда она повернула к Петербургу.

Пять раз Лепехин встречал в дороге Новый год. В начале июня 1768 года его кибитка оставила берега Невы и впереди подвод экспедиции помчалась к Москве. Вот позади осталась и белокаменная: потянулись годы, полные беспокойного бодрствования, неусыпных наблюдений, забот и опасностей.

Лепехин — начальник первого, головного отряда академических экспедиций, задуманных еще М. В. Ломоносовым. Великий помор вынашивал свой замысел, намечал трассы будущих маршрутов.

Одним из тех, кто осуществил проект Ломоносова, был его ученик и воспитанник Лепехин. Руководителю оренбургской посылки, как именовался в официальных документах маленький отряд, исполнилось всего 28 лет.

Биография молодого натуралиста необычна. Сын отставного солдата Семеновского полка, он рано проявил интерес к знанию. Старик-отец, свидетель петровских преобразований, привел своего любимца в канцелярию Академии наук.

Принять мальчика там отказались. Это не смутило старого воина, и он понес челобитную в Сенат, где, видимо, отыскал покровителя. Вскоре последовал указ: «Ивана Лепехина, который сказкою показал: от роду ему десять лет, не из дворян, солдатский сын, грамоте российской и писать обучен, крестьян за ним нет, — определить в академию в ученики». Юному воспитаннику положили жалованье—один рубль в месяц.

Десять лет спустя, когда с лучшими отметками он окончил академическую гимназию, ему объявили новый указ: «Быть Ивану Лепехину студентом, дать ему шпагу и привести его к присяге».

Талантливый юноша, несомненно, встречал Ломоносова, присутствовал на его докладах, приходил к нему в лабораторию, беседовал с ним. Непосредственное общение с гением русской науки оставило неизгладимый след в памяти Лепехина, сказалось на его мировоззрении, вдохновляло его творчество. Этому способствовало знакомство Лепехина с ломоносовским трудом «О слоях земных», которым открывался список книг, посланных юноше в Страсбург.

Двадцатидвухлетнего Лепехина командировали туда в 1762 году для усовершенствования в науках. В Страсбургском университете он блестяще защитил диссертацию на степень доктора медицины. А через несколько месяцев он уже в Петербурге, где его избрали адъюнктом Академии.

Не прошло и полугода после возвращения молодого ученого, как его назначили начальником экспедиции. Смысл полученных инструкций сводился к тому, чтобы все осматривать, ничего не пропускать, обо всем посылать рапорты — отчеты, — собирать растения, образцы минералов, делать чучела животных.

Путешественник посетил город Владимир, окруженный вишневыми садами, Арзамас, тихие приволжские городки. В Симбирске, известном рыбными промыслами, он зазимовал: приводил в порядок записи, коллекции, вел подготовку к походу, возобновленному в первых числах мая 1769 года.

Зазеленевшими берегами Волги и степными дорогами Лепехин отправился к югу, в Саранск, Камышин, то и дело сворачивая в сторону. Страстный натуралист, он не считался с расстоянием и тяготами, чтобы наблюдать любопытные явления природы.

Из Царицына Лепехин спустился вниз по течению к Астрахани и совершил по солончаковым равнинам десятидневный переход от Красного Яра до Гурьева. Он первый натуралист, побывавший в этой «никем необитаемой пустыне».

Дальше маршрут поворачивал на север. Лепехин направился к Яицкому городку, миновал Оренбург и в городе Табынске обосновался на зимние квартиры. И когда весной следующего года маленький отряд Лепехина покинул город, в Петербург повезли первую книгу молодого ученого.

«Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» — с таким заглавием его труд увидел свет в 1771 году, когда их автор еще странствовал.

«Дневные записки», ценное и увлекательное произведение, познакомили русское общество с флорой и фауной, разнообразием родной природы. Написанные ярким, красочным языком, «Записки» содержат обильный научный материал. Автор мастерски, порой с художественной выразительностью рисует растительный и животный мир нашей страны. Он говорит о земледелии, рыбной ловле, охоте на хищного зверя. Современники получили важные сведения о рудниках и заводах, об особенностях климата, о быте и нравах, об исторических памятниках нашей Родины.

Свято храня традиции Ломоносова, верный последователь его идей, Лепехин постоянно подчеркивал, что познание «естественных средств, которыми изобилуют недра», надо связывать с практическими потребностями.

Во время скитаний по волжским просторам он заинтересовался рассказами местных жителей о странном, сочившемся из почвы «дегте» — пачкающем, липком, с резким, неприятным запахом. Не откладывая, Лепехин поспешил туда и близ верховьев реки Сока нашел удивительный нефтяной ключ.

Он побывал и у нефтяного озера, неподалеку от реки Сургута. Выводы, сделанные им об общей нефтеносности Заволжья, и его описания месторождений жидкого золота поражают смелостью, проницательностью. Решительно обобщив личные наблюдения и данные бывалых людей, он утверждал, что целый район, ныне известный под именем Второго Баку, богат нефтью и горючими газами.

Лепехин подметил своеобразие геологического строения нефтеносных площадей. Здесь, как и позже на реке Белой, невдалеке от нынешней Туймазы, характеризуя признаки нефтеносности, он советует тщательно изучить залежи этого ископаемого и начать его добычу. Однако призыв ученого не возымел действия, не нашел отклика.

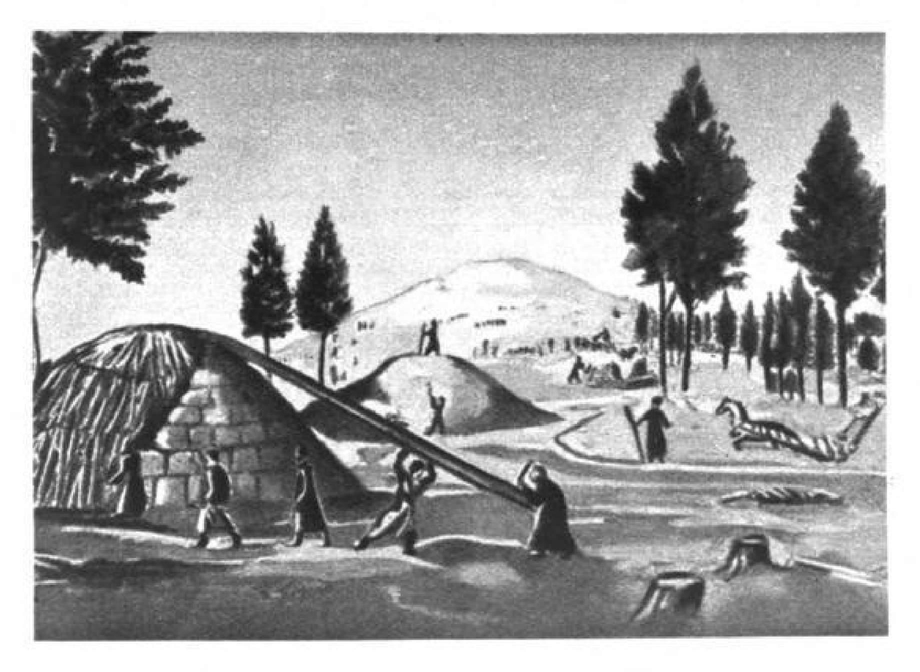
Неисчерпаемые запасы жидкого золота пролежали втуне еще свыше полутораста лет, дожидаясь настоящего хозяина — советского человека. Прогноз Ивана Лепехина подтвердился только в наши дни благодаря трудам академика Ивана Губкина. По указанию великого Сталина в волжских степях, там, где побывали Лепехин и Губкин, началась добыча нефти. Так труды двух русских ученых-патриотов, выходцев из гущи народной, увенчались успехом: огромные запасы нефти поступили на службу народному хозяйству.

Весной 1770 года Лепехин выехал из Табынска. Намеченный маршрут охватывал промышленные предприятия Урала. Он посетил свыше тридцати рудников, поселков, собрал ценный материал. В «Дневных записках» мы находим скупые, но содержательные характеристики окруженных деревянными крепостными стенами заводов: медеплавильных, железоделательных, доменных.

Жадный собеседник, он заносил в дорожную тетрадь рассказы рудознатцев, охотников, бывалых людей. Он изучал непонятные явления природы, стремился найти им правильное, научное истолкование.

Лепехину удалось проникнуть в пещеры Урала, происхождение которых тогда представлялось сплошной загадкой. Он спускался в таинственные подземелья на берегу реки Белой, осматривал великолепные ледяные залы в Кунгуре.

Свои впечатления Лепехин изложил во втором томе «Дневных

Жжение угля на Урале (с гравюры XVIII века).

записок». Его не удовлетворяло простое описание. Занятная «игрушка рождала в нас различные мысли, и мы думали, что такие природы устроения подавали повод в древности ко многим басням и заблуждениям». Даже египетские пирамиды — ничто рядом с грандиозными пещерами. Лепехин понял, что создать под землей такие фантастические залы, украсить их колоннадой чудовищной величины и тончайшими резными занавесями не под силу людям. Это, по его словам, — дело стихии, а не разума.

Отвергает он также широко распространенное представление, что пещеры возникли из-за подземного огня. Развивая ломоносовские взгляды, Лепехин предложил естественное объяснение: «Пещеры происходят от самого малого начала, например, от небольшой на горе впадины, в которой весенняя вода засев, год от году далее в горные проницая недра, делает пустоты и, наконец, самые пещеры производит».

Такое мнение противоречило общепринятому в науке. Но выводы Лепехина опирались на личные наблюдения. Лепехинская точка зрения окончательно восторжествовала, получила все права гражданства десятилетия спустя.

Быть может, самая характерная черта Лепехина-натуралиста, Лепехина-энциклопедиста, роднящая его с гением русской науки Ломоносовым, — это неукротимая забота о пользе народной, стремление вывести на «солнечную ясность» залежи руд, затаенные в недрах земли. Описывая минеральные сокровища Уральского хребта, он неизменно поднимает вопрос, как лучше использовать их, как шире освоить полные до краев закрома природы.

Страницы «Дневных записок» пожелтели от времени, но мысли и чувства исследователя-патриота сохранили свою свежесть и непосредственность. Это был труд, устремленный в грядущее, пронизанный светлой мечтой о переделке природы в интересах народа.

Когда осенью 1770 года Лепехин остановился зимовать в Тюмени, на его карте был обозначен пройденный им длинный путь. Осталось проделать обратный маршрут. Но ученый думал иначе. Его манил север, где не путешествовал ни один натуралист. А между тем, по предсказанию Ломоносова, в недрах полуночного края «пространно и богато царствует натура».

Лепехин решил съездить туда, исправить промах, допущенный при составлении планов экспедиции. «За необходимость почитаю, — писал он, — податься на север». Его проект предусматривал исследование Архангельской губернии и Белого моря.

Все лето двигался вперед Лепехин. Северной Двиной он добрался до Архангельска, откуда вскоре предпринял попытку пуститься в плавание, но начались осенние снежные бури.

Весной 1772 — последнего — года экспедиции Лепехин отправился морем на Соловецкие острова. Он «сам шнякою управляет», добирается до Кандалакшской губы, где осматривает устье быстрой и порожистой реки Нивы. Даже короткое знакомство с побережьем Кольского полуострова убедило его, что в горах таятся полезные минералы.

Главы «Дневных записок», посвященные суровым и безмолвным просторам, подкрепляют прогноз гениального помора. Лепехин в рапортах приводит тому множество убедительных фактов и наблюдений. Он настойчиво призывал уделить внимание далекому краю. «Если ближайшие к северу лежащие земли приняты будут в уважение, — писал он, — то думаю, что Российская Лапландия, изобилующая горными хребтами, откроет любопытному оку свои сокровища».

Прошло свыше полутораста лет, прежде чем осуществилась мечта Лепехина. Только при советской власти нетронутое минеральное сырье приполярных областей неоскудевающим потоком хлынуло в промышленность и сельское хозяйство.

«Дневные записки» обильно насыщены фактами. Ничто не ускользнуло от острого взора ученого. Его книга — энциклопедия. В четырех томах «Записок» мы находим разнообразные сведения о быте крепостного крестьянства, уральского работного люда и национальных меньшинств. Автор с волнением повествует о подъяремной жизни народа, с горечью рассказывает о том, как бились с нуждой хлебопашцы, скотоводы, горщики. Скупые страстные строки свидетельствуют о том, что он не забыл своего происхождения. Симпатии солдатского сына на стороне угнетенного народа.

Лепехин не мог равнодушно пройти мимо страданий простых людей. Заработок уральских рабочих, писал он, столь ничтожен, что часто они не едят ничего другого, кроме лепешек из толченой коры с примесью муки. В «Записках» Лепехина — современника А. Н. Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву», — множество наблюдений, которые впоследствии смело обобщил великий русский революционер-просветитель. Нет сомнения, что Лепехин был среди тех, кто сочувствовал свободолюбивым идеям Радищева.

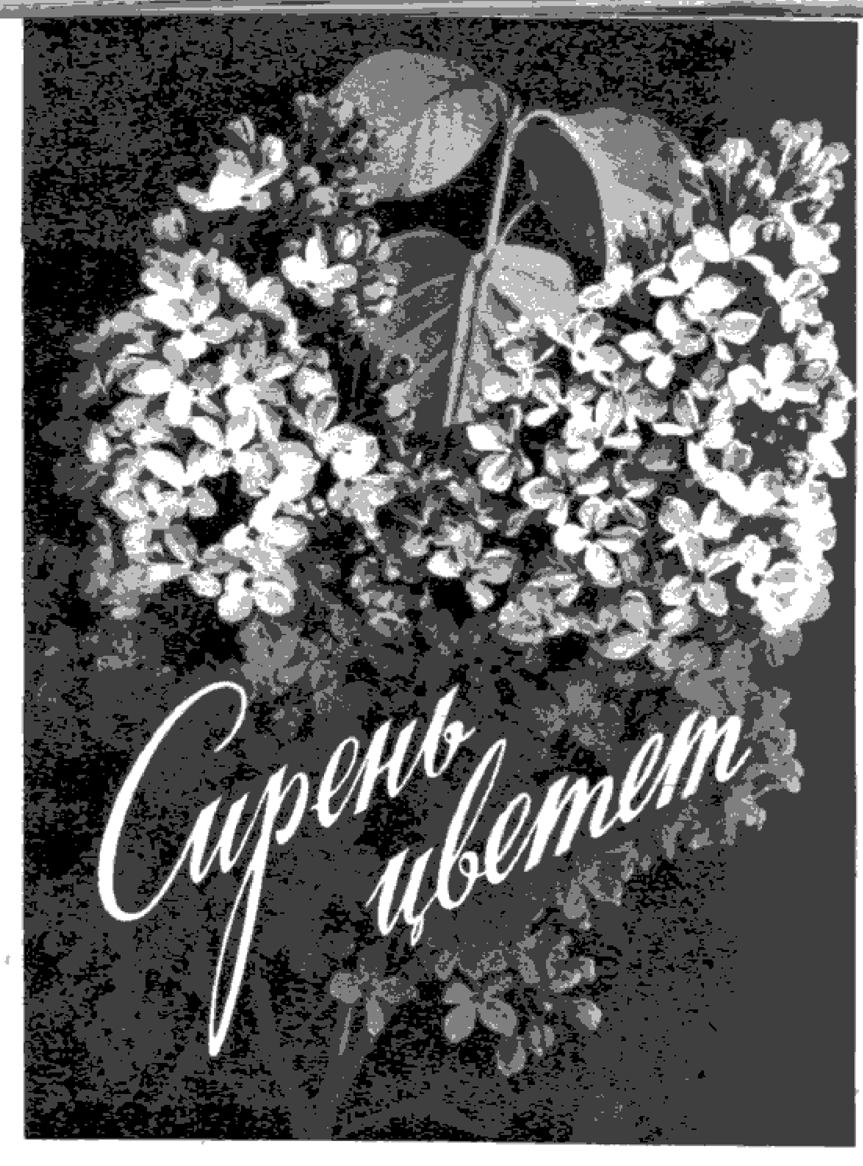
25 декабря 1772 года оренбургский отряд вернулся в Петербург. Лепехин узнал, что он заочно избран академиком «за искусство и известные заслуги». Его назначили смотрителем Ботанического сада; одновременно он управлял академической гимназией, заботился об учениках, не получая за это «ни жалованья, ни другого возмездия».

Лепехин мечтал снова совершить путешествие. Но отправиться в новое странствование ему так и не довелось. Избранный непременным секретарем Российской академии, он почти два десятилетия пробыл на этом посту.

Широко образованный ученый, горячий патриот, он проявил себя во многих отраслях науки. Десятки наименований насчитывает список его работ: по зоологии и ботанике, медицине и экономике, русскому языку и геологии. Однако наибольшей известностью пользуются его четырехтомные «Дневные записки».

Имя исследователя постоянно встречается в трудах и учебниках. Обычно о нем говорят: «еще Лепехин писал», «впервые это отмечал Лепехин», «по наблюдениям Лепехина».

6 (18) апреля 1802 года славный академик скончался. Продолжатель ломоносовских традиций, выдающийся ученый, Иван Иванович Лепехин своими трудами прославил нашу Родину.

В мае раскрывает клейкие ладошки зеленых листьев лапчатый клен, набухают чашечки бутонов жасмина, роняет наземь снег своих лепестков отцветающая черемуха... В мае распускается сирень. Из гущи листвы гордо подымаются ветви, унизанные сотнями цветков.

Каждое летнее утро, когда Москва еще спит, щебечут птицы, разбуженные рассветом, создатель благоухающего сада Леонид Алексеевич Колесников первым приветствует свои цветы. Он склоняется над едва поднявшимися сеянцами — первогодками, над взрослым кустом, осыпанным бутонами. Он дотрагивается до ветки со стройными гроздьями... Как красивы изящные линии изгиба лепестков, заостренных на конце! Они чем-то напоминают гладиолус, уменьшенный во много раз. Леонид Алексеевич достает этикетку и прикрепляет ее к ветке. Он долго ходит меж рядков. Сад занимает всего три тысячи пятьсот квадратных метров, но на этой маленькой площади, в теплице и парниках, живет около двух тысяч кустов сирени и свыше пятнадцати тысяч сеянцев.

...В 1919 году с фронта гражданской войны вернулся солдат Л. Колесников. В ту весну он посадил первые двадцать кустов сирени. Работая на транспорте, а в часы досуга в своем саду, Колесников думал о том, что наступит время, когда советским людям понадобятся цветы, когда украсят они цветами новые дома и новые улицы. И он решил стать садоводом.

Колесникову помогли научные сотрудники Ботанического сада Московского университета и позже — Ботанического сада Академии наук СССР, познакомили его с основами мичуринской селекции, научили получать гибриды и воспитывать их.

Постепенно и он сам вырабатывал свои, применительно к местным условиям, методы агротехники и ухода за сиренью. Так, например, он установил, что прививать лучше подвяленый, а не свежий черенок; что корневую шейку куста при посадке следует не углублять, а, наоборот, подымать на холмик. И вот сеянцы зацвели не на седьмой — восьмой год, как обычно, а на четвертый — пятый.

Садоводу очень хорошо запомнился один опыт — с поздней махровой сиренью, обладавшей лиловато-розовыми султанами правильной формы. Вторым родителем тоже была махровая сирень, только розовая, с белой подкладкой лепестков. Тонкой кисточкой Колесников осторожно перенес пыльцу с тычинок розовой грозди на пестики темнофиолетовой, и пометил искусственно скрещенную ветвь. Осенью он снял с нее три двухстворчатых коробочки с маленькими плоскими семенами — крылатками, легкими, как пылинка, и весной высадил их. Взошли четыре сеянца. Только один из них оказался годным.

Через несколько лет он зацвел. Новая сирень была похожа и непохожа на своих родителей. Ее гроздья приобрели плотную шарообразную форму. Цвела она на десять дней раньше. Каждый цветок ее состоял из 12 и более лепестков и был похож на полиантовую розу нежного сиренево-розового оттенка. Эту сирень Колесников назвал именем своей дочери — Тамарой.

Потом селекционер скрещивал махровые и простые сорта, махровые с махровыми, белую сирень с фиолетовой, голубую с розовой, отбирал из дочерних растений наиболее интересные и высаживал их на отдельных участках. Наконец он получил комбинированные кусты, где уживались самые разные сорта. Все богаче становилась его коллекция, все больше и больше появлялось в ней новых названий: «Гелиотроп», «Джамбул», «Новинка», «Пестрая», «Байкал», «Комсомолка».

Вот гроздья, густо осыпанные сложными цветками. Каждый состоит из трех плотно сидящих ярусов. Нижние лепестки теплорозового оттенка, средние — лиловато-белого, верхние — лиловато-розового. Кажется, что утренний луч солнца попал на этот цветок и застыл на нем, рассыпавшись радостными румяными красками. Это сирень «Утро Москвы».

Сорок девять сортов сирени вывел Колесников. Особенно гордится неутомимый садовод сиренью, рожденной весной 1941 года. Той весной на высоком кустарнике с сочной зеленью листьев первый раз зацвели громадные прямые темноалые гроздья. Они были усеяны сотнями крупных рубиновых цветков до четырех сантиметров в диаметре. Казалось, над их округлыми лепестками трудились руки искусного ювелира.

Замечательные сорта сирени созданы Л. А. Колесниковым в итоге длительных испытаний на основе мичуринского учения. Автор их удостоен Сталинской премии.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Сыновья

Рассказ

Стоян Ц. ДАСКАЛОВ

Рисунки О. Верейского

Бай[1] Трифон с мотыгой на плече шел к кооперативному огороду, когда его окликнул из окна сельсовета председатель ТКЗХ[2].

«Зачем это я понадобился? — подумал бай Трифон, нахмурив темный от загара лоб.— Наверное, опять в какую-нибудь комиссию метят».

В сельсовете было шумно. Вокруг председателя толпились активисты села; они о чем-то возбужденно разговаривали, заглядывая в письмо, которое председатель силился прочесть.

Угрюмое лицо бая Трифона удивленно вытянулось.

— Говорите скорее, зачем позвали, некогда мне! — сказал он, прислонив мотыгу к столу и здороваясь со всеми за руку.

— А вот зачем мы тебя позвали,— председатель снял очки, и его глаза радостно блеснули.— Тебе, бай Трифон, письмо из Кореи...

Всегда словоохотливый председатель, любивший подолгу, обстоятельно потолковать с крестьянами, подал ему письмо и замолчал.

Бай Трифон взял листок не сразу и подозрительно оглядел собравшихся: не вздумали ли они с ним шутку сыграть.

Но все смотрели приветливо, с дружеской улыбкой, словно мысль о далекой стране, народ которой героически отстаивает свою свободу, сделала их добрее и лучше. В наступившей тишине прошуршала бумага — бай Трифон бережно разглаживал письмо. Все видели, как он уставился на конверт со странными марками и штемпелями, как дрожали его руки. Его сухое небритое лицо залилось густым румянцем.

Бай Трифон, конечно, не смог прочитать корейские знаки, но из русского перевода, помещенного внизу письма, он понял: это был ответ на его подарок.

— Где она, Корея, а где мы! На двух концах света, а все же понимают друг друга народы,— объяснял взволнованный председатель.— Три месяца письмо шло. В каких только государствах не побывало и все же дошло до нас. Люди тебе пишут, Трифон, большое спасибо шлют за помощь. А вот смотри, и фотографию прислали того самого мальчика, которому достался тулупчик вашего Митко.— Председатель взял у кого-то из рук маленький нечеткий снимок и отдал его Трифону.— Сирота он, отца и мать американцы убили...

— Так, так,— повторял растерянно бай Трифон.— Когда мы отдавали тулупчик Митко, жинка сказала мне: «Дай-ка положим в карман наш адрес, пусть знают, кто тулупчик шлет». И смотри ты, догадались!.. Написали даже...

Бай Трифон от волнения никак не мог отыскать карман, чтобы спрятать письмо и снимок: руки его без толку шарили по телогрейке и шароварам. Потом он вышел из комнаты.

— И мотыгу свою забыл, бедняга! — сказал задумчиво председатель, но кто-то уже схватил мотыгу и побежал на улицу.

Все столпились у окна и следили, куда бай Трифон теперь пойдет. Он повернул к дому и шел, ощупывая под телогрейкой левую сторону груди, словно у него вдруг заболело сердце.

Когда впервые был организован сбор вещей в помощь Корее и комиссия пришла в дом Трифона, его жена нетерпеливым жестом прервала председателя, пустившегося было объяснять цель своего посещения.

— Нечего нас агитировать! — сказала она.— На своем веку немало горя хлебнули, сами знаем, что делать!

Она взглянула с грустью на маленький снимок в деревянной рамке и медленно, тяжелой поступью пошла в чулан. Там она открыла сундук и вынула тулупчик своего сына, которого незадолго до 9 сентября каратели схватили в овчарне, увели с собой и убили. Уже только после освобождения страны от фашистов нашли тело Митка в овраге, перенесли его в село и похоронили вместе с останками замученных партизан в братской могиле посреди села, где сейчас высится белый памятник с пятиконечной звездой наверху.

Когда бай Трифон с женой отдали комиссии тулупчик сына, словно что-то оторвалось от их сердца. Они хранили этот тулупчик, как дорогую память о единственном сыне. Мать часто вынимала его из старого сундука, прижимала к груди и плакала до тех пор, пока не становилось легче на душе.

Иногда бай Трифон заставал жену в слезах и утешал ее сурово:

— Перестань, мать, нечего убиваться! Слезами не поможешь!..

Но иногда и он поддавался горю, его глаза застилали слезы, голос дрожал и прерывался на полуслове. Тогда бай Трифон убегал из дому, чтобы не выдать себя. Митко был их единственной радостью. И вот пришла свобода, а в доме бая Трифона не слышно было больше мальчишеского голоса. Одинокие, убитые горем, они часто неподвижно сидели, со скорбью глядя друг на друга.

Не будь общественной работы, которую поручали баю Трифону, он жил бы своим горем и состарился бы раньше времени, как его жена. А она все сидела дома и твердила:

— Был бы теперь мой Митко жив, стал бы он звеньевым, послали бы его на конференцию от нашего села, с самим Червенковым потолковать...

Товарищи Митко возмужали, ТКЗХ стало для них и школой и домом. Мать и отец Митко мысленно видели среди них своего сына, и им становилось легче.

Бай Трифон работал в ТКЗХ и за себя и за сына. Именем Митко было названо одно звено молодежи.

...Когда бай Трифон принес жене письмо и снимок мальчика из Кореи, в дом как будто вошел кто-то близкий. Казалось, сын вернулся домой...

Мать впилась глазами в лицо тринадцатилетнего корейского мальчика, который смотрел на нее с фотографии, и дрожащим голосом повторяла:

— Родимый мой, сиротиночка...

— Хватит тебе, довольно!..— успокаивал бай Трифон, незаметно смахивая слезу пальцами.— Давай повесим эту карточку рядом с фотографией Митко.

И он прикрепил снимок к простой деревянной рамке так, что фотографии двух мальчиков поместились рядом, будто мальчики были родные братья.

Мать смотрела на фотографии обоих мальчиков и никак не могла насмотреться... Все яснее и яснее представлялся ей этот худенький корейский парнишка в тулупчике Митко. Ей казалось, что щеки его налились и порозовели, а прямые черные волосы стали буйными и волнистыми, как у Митко. И черты ее родного сына по какому-то волшебству сливались с чертами далекого мальчика.

— Давай посмотрим, как его зовут,— всполошился бай Трифон, пробегая еще раз письмо, и вдруг воскликнул, словно перед ним был сам мальчик: — А, Ли Гван Ван!.. Это по-нашему Иван... Так его и будем звать — Иван! Ли Гван Ван,— повторил медленно и задумчиво бай Трифон.— И у них, выходит, есть три имени, как и у нас.— И он осторожно вложил

[1] Бай соответствует русскому «дядя».
[2] Трудовое кооперативное земледельческое хозяйство.

письмо в покрытый множеством штемпелей конверт.

В доме посветлело. Что-то новое, далекое и в то же время близкое и дорогое принесло им это короткое письмо в две строчки и несколько непонятных черточек.

Отец ушел на работу, думая о Ли Гван Ване и о том, где он может быть сейчас. Может, он живет в каком-нибудь детском доме вместе с сотней таких же сирот, далеко за линией фронта. А может, в этот самый погожий солнечный день американские убийцы высмотрели из ясной синевы еще уцелевший крестьянский домик на земле и сбрасывают бомбы...

Бай Трифон был полон ненависти к убийцам. Он вздрагивал, словно воочию видел, как бомбы рвут тело маленького Ли Гван Вана.

Односельчане смотрели ему вслед; они видели, как он яростно пускал клубы густого табачного дыма, как подпрыгивает у него на плече мотыга, и говорили:

— Опять грызет его тоска по Митко!..

Они не догадывались, что его личное горе превратилось теперь в стремление протянуть руку помощи и спасти жизнь далекого корейского мальчика, — из старого горя родилась великая ненависть к американским убийцам...

Отец и мать зажили мыслями о Ли Гване, как о своем родном сыне. К ним приходили товарищи Митко, сидели допоздна и рассказывали баю Трифону и тетке Марии о Корее.

— Там и дети участвуют в борьбе, как у нас было,— говорили они.— Глядите, Ли Гван вырастет, станет офицером, героем...

Вера в то, что Ли Гван не погибнет от американских бомб, что он станет бойцом, героем, вливала новые силы в тетку Марию, а бай Трифон каждый вечер раскрывал газету «Работническо дело» и прежде всего читал сообщения о военных действиях на корейском фронте.

— Еще пять самолетов сбили... И одного американского генерала в плен захватили наши! — сообщал он.

— Мало,— говорила тетка Мария, подперев голову рукой, заслушавшись.— Если бы можно было всем миром покончить с этими кровопийцами...

А когда бай Трифон читал в газете, что американцы бомбили какое-нибудь село, мать всю ночь не смыкала глаз, тревожась о Ли Гване, как о сыне... Садясь обедать, она говорила с материнской заботой:

— Что он сейчас ест, наш Ли Гван?

— Рис,— отвечал бай Трифон,— они едят рис. Его много в Корее, а север страны богат углем и золотом. На это золото у мистеров глаза и разгорелись... Поперек горла оно им встанет,— покачал головой бай Трифон. — Сталин сказал же им... — и крестьянин предостерегающе погрозил пальцем.

Но тетка Мария не слушала его, не обратила внимания на его жест, она думала о мальчике: «Рис... Да есть ли рис у них? Ты же знаешь, что у нас было в войну! Немец все подчистую грабил...»

И, помешивая в кастрюле, говорила про себя: «Был бы он сейчас с нами, родимый... Подала бы я ему полную миску яхнии [1], отрезала бы краюху хлеба...»

И хоть она не любила жаркое с рисом, часто-часто готовила теперь рис, будто Ли Гван мог разделить их трапезу.

А когда бай Трифон прочел в газете, что в Корею уехала болгарская делегация, тетка Мария совсем расстроилась:

— Как же ты мог прозевать, Трифон! Что же тебе наши коммунисты не сказали? Мы бы посылку собрали для ребенка.

Когда бай Трифон бывал в городе по делам, он все присматривался к детской одежде и думал о Ли Гване. И сам не заметил, как однажды купил шапку с наушниками. Тетка Мария ни о чем его не расспрашивала. Она убрала шапку в сундук. Когда кооперативное хозяйство выдало им шерсти, она принялась что-то вязать. Снова идет зима, а война все не кончилась. Парнишка, может, изорвал уже свой тулупчик, теперь ему новая одежда нужна. Сколько раз Митко возвращался домой в рваных штанишках, а один раз пришел без рукава на рубашке: рукав так и остался висеть на сливе.

И тетка Мария вязала, вязала... К концу года, когда бай Трифон получил от кооперативного хозяйства деньги на трудодни, он пошел в кооперативный магазин, пересмотрел все полученные к праздникам ткани и купил отрез лучшего сукна.

— Решил костюм себе сделать к Новому году? — обрадовался продавец.

Бай Трифон утвердительно кивнул, но думал совсем о другом. Он отнес материю домой только затем, чтобы показать тетке Марии, и тотчас отправился к портному:

— Сшей костюм по мерке нашего Митко, точно такой же, какой ты шил ему.

Портной понял просьбу.

Когда этой зимой члены комиссии снова начали собирать подарки для героической Кореи, бай Трифон встретил гостей в своем доме с особой радостью.

Тетка Мария раскрыла сундук, и все ахнули. Сундук был полон теплой детской одежды. Тут были и фетровые бурки, которые тетка Мария купила в кооперации, и костюмчик, и шапка-эскимоска, и шерстяные носки, и свитер, связанные ею в длинные, тревожные зимние ночи. Даже рукавицы и шарф она не забыла связать. А карманы были набиты орехами и сластями.

— Вот это нашему мальчику,— сказала тетка Мария.

— Все равно,— сказал, улыбаясь, председатель сельсовета.— Если не к нему попадет, кого-нибудь другого согреет. Ведь там тысячи сирот. Но если уж так тебе хочется, Мария, упакуем твои вещи в отдельную посылку и пошлем твоему Ли Гван Вану.

— И вот еще о чем хочу сказать,— перебил председателя бай Трифон.— С тех пор, как мы получили письмо, он нам заместо сына... И жена моя, да и я... решили всю жизнь о нем заботиться... — И бай Трифон облегченно вздохнул, высказав самое сокровенное.

Председатель, который собирался что-то возразить, замолчал, расчувствовавшись.

— Мы будем для него по десять трудодней в месяц отчислять, — продолжал бай Трифон.— А когда Корея будет свободной, тогда, может, приведется с ним...

Бай Трифон не договорил. Тетка Мария всхлипнула. Но это были уже не те слезы, что пролила она, отдавая тулупчик своего сына. Это были счастливые слезы, рожденные новым материнским чувством, верой в то, что она еще доживет и увидит худенького, бледного мальчика сильным, высоким юношей в заломленной шапке с горящей на ней пятиконечной звездой.

Перевели с болгарского
М. КАБАКЧИЕВА и Т. РУЗСКАЯ

[1] Жареное мясо с луком в томатном соусе.

Новый дом

Вл. ЛУГОВСКОЙ

Зорок месяца круглый глаз.
Вечер в легкой ноябрьской стыни.
Лампа первая в доме зажглась,
В новом доме возле пустыни.

Двухэтажный, добротный дом,
Ты спокойно в степи дежуришь,
Ты далеким светишь огнем
В желтом шелковом абажуре.

Городов много видел я,
Сердце долго и жадно билось,—
Что ж так манит меня семья,
Что в квартире той поселилась?

Врач, геолог?..
Не все ли равно!
Жизнь волнует вещами простыми,
И победно горит окно
В первом доме возле пустыни.

Ветер в дикую трубит трубу.
Как Балханские сумрачны горы!..
Но, великую зная судьбу,
Новый город встает, новый город

В блеске клубов, и зал, и кино,
В легком звоне молоденьких веток...
Эту землю я помню давно.
Здесь не знали ни улиц, ни света.

Здесь из дальних примчавшийся мест
Поезд мог отдышаться немного.
Одинокий, пустынный разъезд,
Невеселый свисток—
и дорога.

Это нефть засветила огни
На безлюдном, бесплодном просторе,
И стремятся, как звезды, они
В Красноводск
на Каспийское море.

Нефть томилась в пучине песков,
Зной над нею барханы выжег...
Только воля большевиков
Подняла ее сотнями вышек.

Ветер, рвущий столбы, — не беда!
Жар пустыни смирится, покорен.
Весь пылает в огнях Небит-Даг,
Озаренный вечерним покоем.

И на самой границе песка,
Там, где улица срезана резко,
Золотая от солнца рука
Поправляет в окне занавеску.

В добрый час!
В добрый вечер, друзья!
С новым домом, работой, весельем!
Вам, родным и неведомым, я
От души говорю:
«С новосельем!»

Россыпь лунную некуда деть...
Что же вам пожелать для начала?
За столом вашим будут сидеть
Люди нефти и люди канала.

И склонится над первенцем мать...
Дом украсит деревьев ограда...
Будут тосты за вас поднимать,
Поздравляя с высокой наградой.

Минет срок —
не найдут тебя, дом,
В ночь луны у барханных прибрежий:
Столько ламп загорится кругом,
Столько улиц пустыню прорежет.

А пока только лунная тишь,
Только тени предметов густые.
Новый дом, ты победно глядишь
Прямо в грозное сердце пустыни.

ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ

(1843 — 1902)

Иван РЯБОВ

Пятьдесят лет тому назад скончался Глеб Иванович Успенский. Он сгорел в острой, напряженной борьбе со злом окружавшей жизни, его душа не выдержала напора свинцовых мерзостей старой, царской России.

Литературная деятельность Глеба Успенского проходила на фоне той эпохи русской жизни, которую Ленин назвал эпохой ломки, «когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось...» Нет почти ни одного сколько-нибудь важного явления той эпохи, на которое не откликнулся бы писатель, то ли в форме большого художественного полотна, то ли памфлетом и фельетоном, то ли публицистической статьей. Во всех этих многочисленных откликах на вопросы и проблемы своего времени мы видим Успенского как писателя-демократа, как наследника литературной традиции Гоголя, как ученика великих русских просветителей: Белинского, Добролюбова, Чернышевского. «Бесстрашие правды», критический реализм — они отразились в литературном творчестве художника русского слова.

Писателя-демократа интересовала судьба масс, судьба крестьянства — самой большой социальной группы. Мы, конечно, находим у Успенского те или иные литературные образы, характеры, типы, но очень часто автор оставляет своих героев в середине повествования, предоставляя читателю размышлять о том, как в дальнейшем сложится карьера какого-нибудь хищника на Растеряевой улице, вроде Прохора Порфирыча, или до какой последней черты дойдет деревенский пролетарий Иван Босых, рассказ о котором мы находим во «Власти земли». Сам Успенский не называл свои произведения повестями и романами. Он именовал их очерками, заметками, фельетонами, набросками. Но собранное воедино, литературное наследство Успенского дает яркий художественный образ народа на одном из важнейших перевалов исторического пути.

По книгам Успенского можно узнать, как жили рабочие, крестьяне, интеллигенты в пореформенную пору. По этим книгам можно проследить за процессом развития экономической жизни и за процессом общественной мысли в России. Недаром Плеханов называл Успенского самым талантливым, самым умным, самым наблюдательным из всех беллетристов-народников. Высокую оценку роли писателя в литературе прошлого века мы находим у Ленина. Ленин много раз обращался к образам Успенского для того, чтобы иллюстрировать свои положения. Мы находим у него и образ Мымрецова из рассказа «Будка», и пущенные в ход Успенским крылатые слова вроде «господина Купона», и ссылки на Успенского в классических работах, разоблачавших идеологию народничества 80-х и 90-х годов.

Перу Успенского принадлежат циклы очерков «Нравы Растеряевой улицы» и «Разоренье» (60-е годы). Картины жизни русской провинции даны на страницах этих замечательных книг, выдвинувших их автора на почетное место в отечественной литературе и принесших ему особую популярность в демократических кругах русского общества. Успенский показал жизнь рабочего, мастерового люда в одном из городов империи. Он рассказал о горе этого люда, о всеобщей бедности, «в мамаевом плену у которой с незапамятных времен томится убогая сторона», о «прижимке» и «обдёрке» городской ремесленной бедноты со стороны владельцев фабрик, заводов, мастерских, кабаков. От природы трудолюбивый и талантливый, русский человек задавлен прессом беспощадной эксплуатации, задавлен нищетой, невежеством, пьянством, ибо «нельзя не пить на Растеряевой улице!» Все симпатии Успенского на стороне бедного человека, поставленного в условия физического вымирания. В «Разоренье» нарисован образ мастерового Михаила Ивановича, вынесшего на своих плечах каторжный труд и выступающего со страстным обличением грабежа и разбоя, творимого «хозяевами» и «владельцами» в русской провинции, на ее Растеряевых улицах.

Книги очерков «Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли» посвящены крестьянству, к изучению жизни которого писатель вплотную подошел во второй половине 70-х годов. Он длительное время жил в селе Сколкове, Самарской губернии; он великолепно знал и новгородскую деревню. В своих книгах, посвященных крестьянству, Успенский показал расслоение сельской общины на разные социальные группы и тем самым нанес удар по народнической теории о единстве, стройности, гармоничности мужицкого мира, призванного якобы привести Россию к социализму, минуя такие явления, как «язва пролетариатства», ожесточенную борьбу классов и революционные потрясения. Сам Успенский остро пережил крах своих первоначальных представлений о сельской общине и с предельной искренностью поведал читателям о своих разочарованиях и сомнениях в том, чему он поклонялся раньше.

Нет гармонии земледельческих идеалов и порядков, нет поэзии земледельческого труда,— беспощадная действительность поры капиталистического наступления на деревню, приход в ее жизнь «чумазого», нарождение внутри самой деревни новой группы хищников в лице кулаков с их растленной моралью — все это было показано Успенским. Писатель говорил о том, что крестьянин разорен, бьется, как рыба об лед, из-за куска черного хлеба, находится в зависимости от земли, от стихии природы. Писатель жаловался на то, что нет «коллективной обороны деревни» от ее внутренних врагов, от неурожаев и голодовок. Ему было горько видеть застой мужицкой мысли, ограниченность кругозора деревенского жителя, идиотизм деревенской жизни. Как подлинный друг народа, Успенский писал правду о крестьянине, не закрывая глаз на отрицательные стороны жизни, не идеализируя, не приукрашивая своих героев. Иван Афанасьев, Иван Ермолаевич, Иван Босых — все эти Иваны в деревне изображены Успенским с тем бесстрашием правды, которое было сильной стороной его творчества.

Глеб Иванович Успенский.

Чувство острой ненависти водило пером писателя, изображавшего хищников, мироедов, подлецов и негодяев, наживавшихся на чужом труде, эксплуатировавших мастеровых на Растеряевой улице и богатевших за счет разорения крестьян — самарских и новгородских. Разоблачение отвратительной сущности эксплуататоров дано Успенским на страницах, равных по силе таланта щедринской сатире.

Его не обманула и мишура западноевропейской демократии. Очерки и статьи Успенского, написанные в результате пребывания писателя в Германии, Бельгии, Франции и Англии, полны страстного протеста против буржуазного зверства. Он писал о жестокой расправе версальцев над парижскими коммунарами, о лондонской вопиющей нищете и о лондонском же кричащем богатстве, о страсти буржуа к захвату и грабежу, к разрушению и насилию. Русский писатель заклеймил презрением прусскую военщину с ее культом кровопролитной войны ради захвата и грабежа чужих территорий. Он же с негодованием писал о парижских вояках, мечтавших о воздухоплавательных ящерах, предназначенных для истребления человечества.

Успенского привлекали образы революционеров. С сочувствием писал он о героях парижских баррикад и мечтал создать роман о русском революционере. Писатель глубоко задумывался над явлениями экономической и общественной жизни. Об этом свидетельствуют его заявления о плане книги «Власть капитала». Он читал Маркса. Книга, задуманная им, сблизила бы мысль писателя с передовой мыслью в России последних лет прошлого столетия. Болезнь вывела писателя из строя людей, боровшихся за освобождение русского народа от капиталистического рабства. Успенский умер за три года до событий 1905 года — генеральной репетиции великой социалистической революции в России.

Прошло полвека после трагической смерти выдающегося русского писателя, замечательного публициста. Почти столетие отделяет нас от той поры, когда молодым студентом Московского университета писались первые рассказы и очерки в защиту обездоленных и униженных. Всё коренным образом изменилось за это время. Нет Растеряевой улицы в провинциальном городе. Нет роковой «власти земли» над самарскими и новгородскими мужиками. Социализм вошел в быт городов и селений на великой Руси. Заря коммунистического завтра загорается над нашей землей. И сын этой земли — русский, советский человек — встал во весь богатырский рост свой, давая человечеству благородный пример преобразования жизни, строительства коммунизма.

Глеб Успенский не был и не будет забыт на его родине. Мы чтим его как классика русской литературы, как писателя-гуманиста, как борца за жизнь, достойную человека.

В. И. Куделькин. ПОРТРЕТ КОРЕЙСКОЙ ДЕВУШКИ КИМ ДЕН ОК.

Всесоюзная художественная выставка 1951

К. К. Купецио. Слева: АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.
Внизу: ПЕОНЫ.

Заводская студия

Их дружба началась в 1916 году. Подростками, по вечерам, после работы, устроившись в плохо освещенном холодном цехе, они рисовали друг друга на листах оберточной бумаги. В воскресный день всей группой отправлялись в Саженский лес, Ясную Поляну, на луга и писали с натуры, прерывая работу для жарких бесед и споров об искусстве.

После революции, в 1918 году, молодые рабочие тульского завода решили организовать на заводе изостудию. Ее инициаторами были браковщик инструментальной мастерской Николай Орехов, кладовщик Порфирий Крылов, его братья Анатолий и Владимир, рабочий Алексей Кузнецов и другие. Преподавателем пригласили тульского художника Григория Михайловича Шегаля. Заводской комитет помог получить помещение, оборудование, и в кружке начались серьезные занятия, привлекавшие все новых и новых членов.

Шли годы. Заводская молодежь уходила с завода в школы, на рабфаки, в институты... Уехали учиться и многие студийцы, уступив место другим. А когда в Москву собрался уезжать преподаватель Г. Шегаль, он, не задумываясь, передал руководство студией своему ученику Николаю Орехову.

Более тридцати лет прошло с тех пор. Студия существует и поныне. Она давно переведена с заводской территории во Дворец культуры «Серпа и молота». Ее бессменный руководитель и поныне — бывший рабочий тульского завода художник Н. И. Орехов. Большая часть профессиональных художников Тулы вышла из этой рабочей студии.

* * *

За окнами серое, затянутое тучами небо. В большой, ярко освещенной комнате за мольбертами сидят ученики Николая Ивановича Орехова. Они рисуют огромный букет золотистых, багряно-красных листьев в цветастом украинском кувшине.

На стенах летние работы студийцев: солнечные пейзажи, покрытые сочной зеленью луга, лесные уголки, извилистые тропинки, голубое, в курчавых облаках небо. В комнате как будто светлее и теплее от этих кусочков лета, перенесенных на полотно.

Рядом с работницей Л. Кривоноговой сидят подростки Тамара Полосатова, семиклассник Женя Жидков и другие.

Остановившись за спиной вихрастого мальчика Славы Филимонова, преподаватель долго вглядывается в набросок. Немало хлопот доставлял учителю этот мальчик с живыми, умными глазами То в школе получит плохую отметку — и по установленному порядку приходится лишать его права посещать студию, то расшалится чрезмерно. Опытный педагог видит в одаренном мальчике будущего художника — за такого не жалко бороться.

Три года учился в студии бывший ремесленник Вячеслав Бугай. Он работает на заводе наладчиком, но решил стать художником и настойчиво добивается своей цели. Стоя у его мольберта, учитель думает о том, что юноша подготовлен для вуза и скоро покинет студию.

Есть у Николая Ивановича и немало взрослых учеников — слесарь Н. Селищев, плотник А. Корабельников и другие. Они приходят на занятия после смены и засиживаются здесь до поздней ночи.

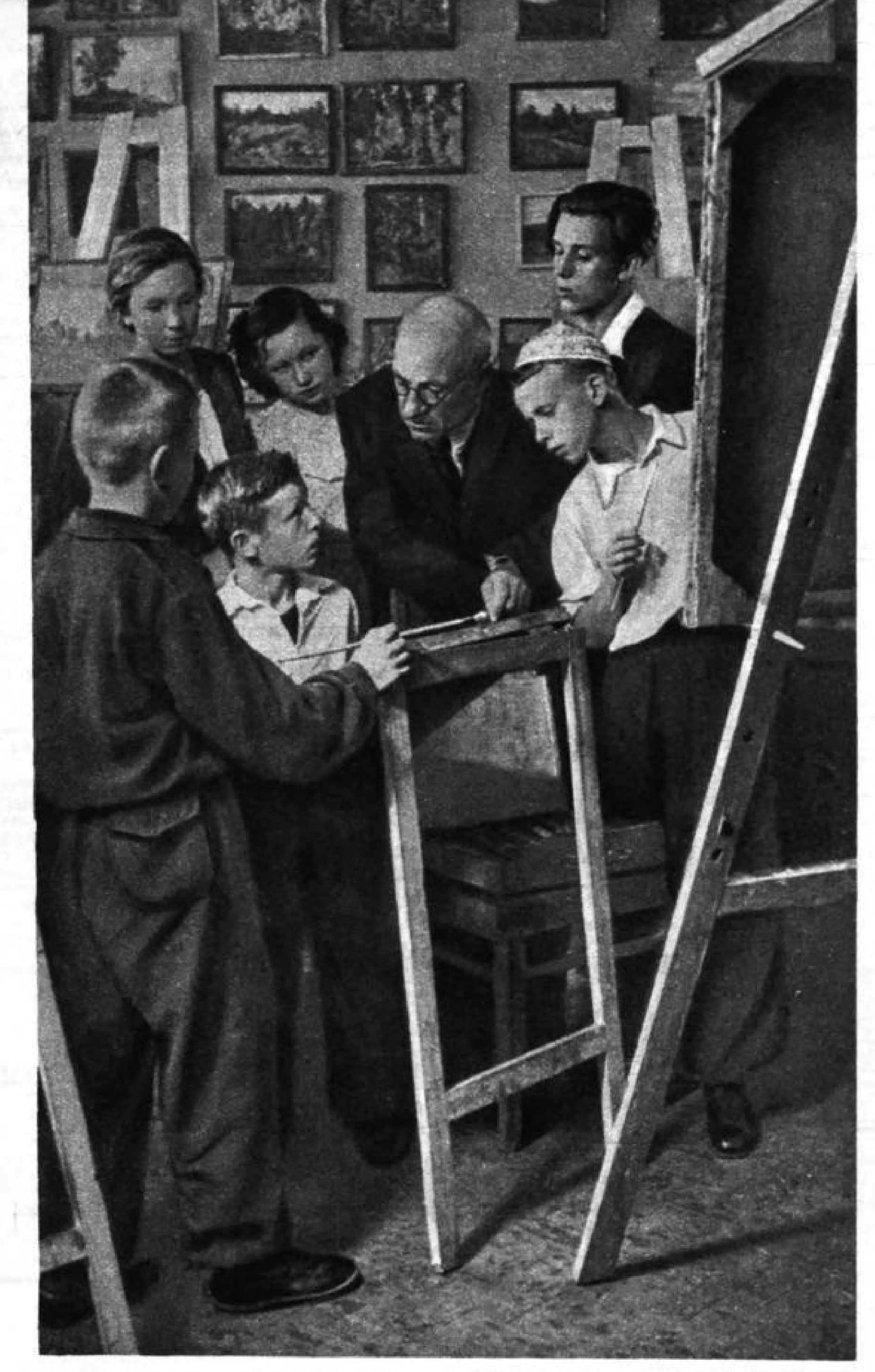
Обучая своих учеников основам изобразительного искусства — рисунку, перспективе, анатомии, технике живописи — и истории искусств, Н. Орехов старается в то же время связать работу студии с повседневной жизнью завода. На вечерах стахановцев во Дворце культуры, в цехах можно встретить студийцев с альбомами, этюдниками. На отчетных выставках кружка зрители видят портреты знатных людей, картины, посвященные жизни завода. Традицией стали обсуждения работ студийцев заводским коллективом.

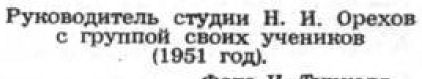
А бывает и так: на ярко освещенной сцене Дворца культуры полукругом устанавливаются пятнадцать мольбертов. Участник драматического кружка читает отрывки из литературных произведений, а студийцы тут же делают рисунки, иллюстрируя текст. С увлечением следят зрители, как на бумаге возникают сцены из «Войны и мира», пушкинской «Полтавы»... К этим вечерам студийцы готовятся долго и тщательно.

С первым весенним солнцем занятия переносятся на воздух. По воскресеньям рано утром отправляется Николай Иванович со своими учениками в те самые излюбленные места, куда тридцать с лишним лет назад хаживала группа молодых рабочих-художников. Нередко случается, что вместе с молодежью выезжают на этюды московские гости. Это Порфирий Никитич Крылов (один из Кукрыниксов), братья А. и М. Серегины (первый из них стал архитектором, другой — художник), а также инженер-химик А. Кузнецов. На всю жизнь сохранили они привязанность к родным местам, к своей студии, созданной ими в далекой юности.

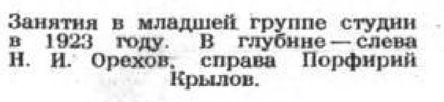
Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Руководитель студии Н. И. Орехов с группой своих учеников (1951 год).

Фото И. Тункеля

Занятия в младшей группе студии в 1923 году. В глубине — слева Н. И. Орехов, справа Порфирий Крылов.

НАРОД, ПОПАВШИЙ В БЕДУ

Заметки о японских кинофильмах

Токийская биржа труда. В очереди стоят изможденные, бедно одетые люди: мужчины, женщины с детьми, привязанными за спиной, старики, подростки. Это безработные. Около двадцати миллионов таких несчастных людей, не имеющих работы совсем или получающих ее очень редко, насчитывается сейчас в Японии, в стране с 80-миллионным населением...

Выдаются наряды на однодневную работу. Сердца людей переполнены тревогой, надежда светится в глазах: хоть на горсточку риса заработать сегодня!.. Здесь и Мори Сюдзо; у него дома жена и двое голодных детей. Еще немного, еще три человека, еще два! Вот оно, заветное окно! И вдруг с резким стуком окно захлопнулось. Нарядов больше нет...

— Сегодня можете отдыхать, — с иронией говорит смотритель.

Вместе с такими же, как и он сам, голодными, обездоленными людьми Мори бредет на окраину Токио, где живет с семьей. Вот и его «дом» — жалкая, убогая лачуга. Его встречает жена Сато. По полному отчаяния, потухшему взгляду мужа она догадывается, что и сегодня рису для детей нет...

Но Мори берет себя в руки. Нет! Рис для детей будет!.. Он идет на свалку, копошится вместе с другими безработными в мусоре, извлекает из него гвозди, металлический лом. Несколько грошей за свои находки он все же добывает у скупщика. Горсточка риса для ребят есть, но для него самого и для Сато не остается ничего.

Так начинается японский фильм «Все-таки живем», выпущенный летом 1951 года. Правдиво, безжалостно правдиво рисует кинокартина жизнь многомиллионного народа, попавшего в беду. Алчные японские монополисты и военщина ввергли народ в бездну войны, а американские оккупанты довели этот трудолюбивый народ до нищеты, поставили его почти в положение колониальных рабов. Фильм воспроизводит на экране полный трагизма, подлинный облик бедствующего японского народа.

Судьба этого замечательного фильма сходна с судьбой всемирно известной итальянской картины «Похитители велосипедов». Японский фильм точно так же был создан группой прогрессивных кинодеятелей и так же поставлен на деньги, собранные народом. В нем отображен сегодняшний, настоящий Токио, настоящие трущобы, где ютится японская беднота.

Создателям японского фильма: режиссеру Тадаси Имаи, сценаристам Иваса и Хирота, актерам театра «Дзэнсидза» — КавараДзаки Тёдзюро, Кавара дзаки Сидзуко, киноактерам Киси Хатае, Кимуро Ко, композитору Оги — всему постановочному коллективу пришлось выдержать жестокую борьбу с цензурой за право своего произведения на существование. Американским оккупантам и угодничающим перед ними чиновникам правительства Иосида очень хотелось подвести «опасную» киноповесть под рубрику «коммунистической пропаганды» и запретить ее показ, но в ней не содержалось ни одного слова, направленного против правительства или оккупантов. Это был сугубо документальный фильм, он говорил: «Вот биржа труда, которую вы хорошо знаете, вот очередь безработных, которых вы видите каждый день, вот известная вам окраина Токио с лачугами бедноты, вот мусорная свалка — ее вы можете увидеть на такой-то улице. Перед вами проходит жизнь самого обыкновенного безработного»... Цензоры резали, кромсали фильм, а он «все-таки жил» и, израненный, изувеченный, предстал наконец перед потрясенными зрителями.

Ныне фильм «Все-таки живем» пробил себе путь в лучшие кинотеатры Японии. Даже буржуазные газеты сквозь зубы должны были признать огромный его успех.

История произведения режиссера Тадаси Имаи — лишь один из эпизодов борьбы прогрессивного японского киноискусства за право на свое существование. Ему приходится бороться не только со свирепой цензурой, но и с растлевающим влиянием кинострянни Голливуда. Перед американской киноэкспансией давно сложила оружие вся японская буржуазная кинематография. Каждую неделю на японские экраны выходят четыре американских фильма и лишь один отечественный. С 1946 по 1949 год в Японию поступило 260 американских фильмов, в 1950 году их прибыло из-за океана уже 244, а в 1951 — более 300. Почти все лучшие кинотеатры Токио и других крупных городов Японии находятся ныне в руках американских кинофирм. Пропаганда войны, подвиги бандитов, смакование убийств, эротики — вот основной круг тем киномакулатуры Голливуда.

Иногда на японские экраны выходят так называемые совместные японо-американские фильмы. К ним относится бесславно провалившаяся антикоммунистическая и антисоветская фальшивка «Дело Токио-112», состряпанная по специальному заданию военного министерства США с целью извращения событий в Корее. Пустые залы кинотеатров заставили американских торгашей изъять фильм, пропагандирующий войну и оправдывающий агрессию в Корее. «Совместно» те же кинодельцы состряпали новый японо-американский фильм, «Ночь в комнате гейши», одно название которого красноречиво говорит, чем именно хотят американские оккупанты отвлечь внимание народа от виновников безработицы, нищеты и полицейского террора. В тех же целях и кинохроника преподносит японским зрителям то военные парады оккупантов, то такие «сенсации», как «Бокс лилипутов» или «Состязание старух по плаванию».

Однако национальная прогрессивная японская кинематография дает бой за боем душителям народного киноискусства и каждый раз, с появлением каждого своего нового фильма, выигрывает эти сражения. Так было с кинокартиной «Все-таки живем» режиссера Тадаси Имаи, с его же антивоенным фильмом «Когда мы встретимся вновь» и с антивоенными фильмами других режиссеров: «Война и мир», «Побег на рассвете», «Слушай шум океана». К прогрессивным работникам японской национальной кинематографии принадлежат, кроме Тадаси Имаи, такие выдающиеся режиссеры, как Хэйноске Годзино, Фудио Камей. В кино работает группа актеров передового театра «Дзэнсидза» (в переводе: «Вперед»). К ним примыкают прогрессивные писатели и журналисты Японии, создающие сценарии для демократических фильмов, и композиторы, пишущие для кино музыку, основанную на народных мелодиях.

В борьбу за национальное киноискусство часто вступают левые профсоюзные организации, призывающие рабочих-зрителей бойкотировать американские фильмы и организовывающие забастовки японских киноработников с целью защиты их прав и интересов.

Японские власти и американские оккупанты душат передовую кинематографию, запрещают производство антивоенных фильмов, все чаще объявляют «чистки кинопромышленности от красных элементов», но подлинно народное искусство задушить невозможно.

Прогрессивные деятели кино Японии не раз заявляли, что они многому научились у советских киноработников. Из советских фильмов они черпают ту жизнеутверждающую силу, которая помогает им в безрадостной доле японского народа увидеть ростки светлого будущего.

Г. ГРЕБНЕВ

Японский кинофильм «Все-таки живем». Семья безработного Мори.

Поденные рабочие во время короткого отдыха.

Ватикан без маски

Есть людские судьбы, подобные факелу. Яркая и смелая жизнь может быть короткой, но вся она до конца — борьба с мраком, волнующий призыв к свету. Такова судьба украинского писателя-большевика Ярослава Галана, павшего от руки наемного убийцы за то, что смело боролся с Ватиканом, этим уродливым чудовищем, «рожденным во тьме средневековья, вскормленным человеческой кровью, паразитирующим на ранах человечества».

Трудно сказать, что больше потрясает при чтении памфлетов Галана: гневный сарказм, с которым автор срывает лицемерные покровы с «гадюк Петровой скалы», «специалистов по сношению с небесами», или та

Ярослав Галан.

убийственная сила сдержанного описания, точного, логичного, достоверного, когда кажется: столько боли человеческой принял на себя автор, столько ненависти народной скопил он, что не выразить этого одним криком, одним возгласом. И потому так страшно спокойна эта речь, от которой корчатся «гадюки Петровой скалы», мечутся, перепуганные и ошалелые...

Мрак и пламя — двумя красками написана книга Галана. История Ватикана — это длинная цепь предательства, подкупа, крови, шантажа, политических интриг, гнусного ограбления души человека. «Детище извечной подлости», Ватикан на протяжении веков выступает как злейший враг прогресса, свободы и независимости народов.

В блестящем памфлете «Отец тьмы и присные» Галан документально, убедительно показывает, как Ватикан опутывал паутиной спекулятивных махинаций Европу и Америку, как Ватикан вскормил фашизм и как укрывал его потом от народного гнева, как он организовывал шпионско-диверсионные акты против СССР и стран народной демократии, как все теснее связывался Ватикан с Уолл-стритом в едином порыве «оживить веру людей в вечные ценности»... доллара, как армия католических попов понемногу «сменила пасторский жезл на маршальский», а имя государственного секретаря США упоминалось чаще, чем имя Иисуса.

Ныне католический Рим ведет злобную пропаганду против единства Германии, поддерживает и палача Франко, и Салазара, и монархо-фашистов Греции, протягивает кровавые лапы к Ближнему Востоку, который, «как известно, пахнет не только... фимиамом гроба господня, но и... нефтью».

Ватикан — давний враг славянства. В памфлетах «Кровь и цепи», «Сумерки чужих богов» Галан повествует о трагической истории насильственной унии с папским Римом, навязанной народу Закарпатья свыше 350 лет тому назад и разорванной лишь в 1946 году.

Ватикан — враг мира, цитадель американского шпионажа, центр диверсий, рупор поджигателей войны, покровитель и поощритель мирового фашизма. «Ватиканские идолы жаждут крови...» — говорит Галан в памфлете «Исшедшие из мрака». Он показывает, что теснее всех других уз связывает Ватикан и лагерь империализма: «...только в Италии непогрешимый владеет более чем 140 банками, в которых сумма депозитов и вкладов... составляет ½ национальных сбережений...» Вот почему папа больше смерти боится мира, боится народа, боится правды! Вот почему «припрятанный на некоторое время фашизм был восстановлен Ватиканом в правах и гласности, а католический крест снова кокетливо выглянул из связки ликторских розог»! Ведь прежние способы влияния на массы верующих явно устарели,— иронизирует Галан.

Все труднее раздувшемуся пауку плести свою липкую от крови паутину. Изолгавшаяся, замаранная подложными векселями, обрызганная праведной кровью, апостольская столица в тупой ненависти к писателю, бросившему ей с веселой дерзостью: «Плюю на папу!» — убила Галана из-за угла. Рука наемного убийцы оборвала эту светлую жизнь. Но скольким открыла глаза книга писателя-борца! Сколько простых людей, могучей стеной вставших сегодня на защиту мира, скажут словами замечательного советского писателя и гражданина:

«Католическая церковь — это не миллионы католиков, а сравнительно небольшая клика титулованных шарлатанов, готовых на любую мерзость ради спасения своей власти, своих капиталов, своих угодий, своих привилегий.

Но время опередило заравшихся могильщиков человеческого счастья: окрепшие руки трудового народа сумеют осадить взбесившихся коней войны, и тина забвения окончательно засосет ватиканское исчадие ада.

Исшедшие из мрака во мрак и снизойдут!»

Владимир ОГНЕВ

Путешествие в мир камня

С незапамятных времен камень прочно вошел в жизнь и быт человека. С течением сотен веков различные камни, а среди них и руды металлов, стали не столько готовыми орудиями труда, сколько материалом, исходным минеральным сырьем для промышленности, сельского хозяйства и строительства.

Мир камня оказался удивительно многообразным и сложным.

Основные знания о камне как полезном ископаемом необходимы каждому советскому человеку, и в особенности нашей молодежи — юным разведчикам недр, будущим химикам и металлургам, создателям городов и замечательных строек коммунизма.

Основы этих знаний читатель найдет в книге профессора А. А. Яковлева «В мире камня», иллюстрированной любовно выполненными рисунками и красочными таблицами художника М. Гетманского.

Удивительно разнообразны камни и минералы! Присущие им свойства, особенности состава и внешние признаки позволяют их различать и определять.

Увлекательна наука, говорящая о том, как образовались камни и минералы, как и где они залегают и что следует делать для того, чтобы их найти.

Эта наука называется геологией, та же часть ее, которая изучает природные минеральные вещества,— минералогией.

В первой части книги профессор А. А. Яковлев последовательно вводит читателя в основы геологии и минералогии, разъясняет, что такое минерал, горная порода, кристаллы, каково строение Земли, как образуются каменные породы, каков химический состав земной коры и как постепенно она образовалась в течение геологических периодов.

Вторая часть книги призывает молодого читателя на разведку недр. В ней автор говорит о первых геологических маршрутах, о снаряжении разведчика земных недр и дает ему необходимые напутствия.

В третьей части рассказано, что и как искать. В ней содержатся сведения о естественных каменных строительных материалах, о горючих и рудных ископаемых, о природных минеральных красках, камнях плодородия (апатит, фосфорит и другие), о разнообразных так называемых нерудных полезных ископаемых.

Так, шаг за шагом, читатель знакомится с чудесным миром камня, с основами геологической науки и с практикой простейшей поисковой работы. Вместе с тем он узнает, как широко используются различные камни и руды в практике социалистического строительства.

Сколько увлекательнейшей работы открывают перед нашей молодежью поиски полезных ископаемых и лабораторное изучение собранного материала и какое огромное удовлетворение даст исследователю недр нашей страны сознание того, что любое новое открытие укрепляет мощь нашей замечательной Родины и улучшает жизненные условия советских людей!

В нашей стране, уверенно идущей к построению коммунизма, потребность в полезных ископаемых, в разных строительных камнях исключительно велика, поэтому хорошая книга, цель которой — научить открывать ископаемые богатства, очень полезна.

Хочется высказать несколько пожеланий, которые профессору Яковлеву стоило бы учесть в дальнейшей работе над книгой.

Говоря о происхождении и внутреннем состоянии Земли, автор развивает старые космогонические представления об ее огненно-жидком состоянии в прошлом. Однако работы академика О. Ю. Шмидта и целого коллектива других советских ученых, начавшиеся в 1943 году, привели к созданию новой, глубоко обоснованной космогонической теории.

В противоположность старым представлениям она приводит к заключению, что планеты образовались в результате сгущения материи, находившейся в пылевидном и метеоритном состоянии, и были первоначально холодными. Это дает совершенно новую основу для разрешения вопросов о строении Земли и о действующих в ней силах и процессах.

Конечно, автору трудно было излагать в популярной книжке основы новой, еще не вполне установившейся научной гипотезы, но все же необходимо было хотя бы кратко упомянуть о ней.

В четвертой части книги молодой читатель знакомится с элементарными приемами определения горных пород и минералов, которые вполне уместны на первых ступенях самостоятельной практической деятельности. Следовало бы, однако, дать понятие и о современных, более совершенных способах определения состава и строения горных пород и минералов, как то: способах, основанных на применении микроскопа, рентгеновских лучей, спектрального анализа, флюоресценции, физико-химического анализа, и других, широко применяемых теперь в наших советских научно-исследовательских учреждениях.

Вместе с тем следовало бы хотя бы в самой общей форме показать, что современные геолого-разведочные партии обладают мощной техникой, позволяющей быстро разрабатывать залежи полезных ископаемых, глубоко проникая в толщи земной коры.

Эти небольшие замечания не умаляют достоинств книги А. А. Яковлева, которая, несомненно, будет встречена молодым читателем с большим интересом и поможет ему не только коротать свой летний досуг, но и выбрать очень нужную и многообещающую специальность геолога или горного инженера.

Член-корреспондент
Академии наук СССР
Д. И. ЩЕРБАКОВ

Проф. А. А. Яковлев. В мире камня. Книга юного геолога. Детгиз. М.-Л. 1951. 271 стр.

«Дружественная» интервенция

Литература об империалистической интервенции в Советском Союзе пополнилась содержательной и в то же время общедоступной книжкой А. И. Мельчина.

Стремление колонизировать Россию — вот что, как справедливо указывает автор, определяло политику США в отношении нашей Родины, в особенности в отношении молодого Советского государства. Ринувшись за добычей, посланцы Уолл-стрита при полном попустительстве своих белогвардейских ставленников шныряли по городам Сибири и Дальнего Востока. Охотники до чужого добра, предшественники гитлеровских захватчиков и сегодняшних американских оккупантов и интервентов, они вывозили золото, серебро, меха и другие ценности, уводили суда, а ввозили... горчицу, иголки, галантерейные товары.

Видя, что белогвардейцы и контрреволюционеры в Сибири и на Дальнем Востоке терпят поражение за поражением, правительство США осенью 1918 года бросило им на подмогу корпус генерала Грэвза и повело открытую вооруженную борьбу против советского народа.

Американские интервенты не только одобряли зверства японцев и русских белогвардейцев, но и сами проливали кровь советских людей! На основании многочисленных документальных данных автор рисует потрясающую картину кровавых злодеяний, совершенных американцами на русском Севере и Дальнем Востоке под вывеской «дружественной интервенции». Как это напоминает политику нынешних американских агрессоров, их кровавые дела в Корее!

* * *

«Этого не забыть!» — так озаглавлен сборник воспоминаний трудящихся Приморского края о том, что творили подчиненные генерала Грэвза во время своего недолгого пребывания на советской земле.

Много безыскусственно рассказанных страшных фактов оживает перед нами на страницах сборника. Облик американских интервентов предстает во всей своей отвратительной наготе. Чего стоит хотя бы упоминание о некоем офицере Керри, который, подобно многим гитлеровским выродкам, фотографировал все подробности пыток!

Несмываемым позором покрыли себя американская военщина и ее уолл-стритовские хозяева в те далекие годы.

Книги, которые напоминают, что несут народам американские оккупанты, способствуют борьбе с поджигателями войны.

А. И. Мельчин. Американская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. Воениздат. М. 1951. 72 стр. Этого не забыть! (Сборник воспоминаний трудящихся Приморского края о кровавых злодеяниях американских интервентов в 1918—1920 гг.). Примиздат. Владивосток. 1951. 111 стр.

ИЗ МОСКВЫ В ОСЛО НА ЛЫЖАХ

А. НЕМУХИН,
заслуженный мастер спорта

Фото Г. Липскерова (ТАСС)

1927 год. Гельсингфорс (Хельсинки). Последние приготовления перед стартом. Путь лежит на финский город Або (Турку).

1927 год. Стокгольм. Дальнейший путь на Осло. В ожидании старта. Слева направо: В. Савин, А. Немухин, Б. Дементьев и Д. Васильев.

На карте нанесен маршрут. Линия начинается от Москвы, идет на север, мимо Клина, Твери, Валдая, Новгорода, до Ленинграда. Далее она идет через Финляндию к портовому городу Або. Ботнический залив прерывает маршрут, и он возобновляется лишь в столице Швеции Стокгольме. Далее путь намечен через Швецию в Норвегию и здесь заканчивается в Осло.

Так выглядел на карте маршрут большого лыжного перехода, совершенного советскими лыжниками в 1927 году. В нем приняли участие Д. Васильев, В. Савин, Б. Дементьев и я.

В Сокольниках был дан старт. Под звуки оркестра четверка тронулась в путь. Видно было, что лыжники идут в далекий путь. У каждого за спиной на широком поясном ремне большая сумка.

Погода встретила нас неприветливо. Сильный встречный ветер, а под вечер вьюга затрудняли движение. В Клин мы пришли поздно. Спать легли в 3 часа ночи. Утром опять пурга. На беду еще потеплело. Лыжи с трудом передвигались по снегу.

Лишь на третий день начались морозные дни. Они позволили нам развить большую скорость.

Беда приходит неожиданно. На пятый день пути заболел Савин. Слабость, слегка повышенная температура: очевидно, грипп. Скорость резко падает. Дневную остановку делаем в Вышнем Волочке, а ночуем в деревне Куженкине. Савину совсем плохо.

Утром все же двинулись. Идем по Валдайской возвышенности. Яркий, солнечный день, ослепительный снег. Куда ни взглянешь, — темные массивы леса. Только кое-где белеют поляны. Но ни красота природы, ни попутный ветер не улучшают настроения. Савин идет с трудом. Вечер застает нас в городе Валдае. Останавливаемся в Доме крестьянина. Савин получает двойную порцию аспирина и хинина. Укутываем его в одеяло.

На следующий день Савину стало лучше. От вчерашнего настроения нет и следа. Сияет солнце, сияют и лица моих товарищей. Скорей, скорей в путь!

Чтобы не утомлять Савина, делаем частые остановки. Все же скорость хорошая. На дороге то и дело слышится: «Счастливого пути, москвичи!» О переходе здесь все знают из новгородской газеты «Крестьянская звезда».

Близ Новгорода начинается раскатанная дорога. Снега мало. Сильный встречный ветер и большой мороз приносят нам много неприятностей. Приходится оттирать то нос, то щеки. Проходим по улицам древнего русского города.

Местные спортсмены устраивают теплую встречу. Дружеская беседа затянулась, и из Новгорода выходим в темноте. Ветер попутный.

Впереди Ленинград. Это радует и бодрит.

У одного из заводов, недалеко от заставы, собралось много народу. Это ленинградские рабочие. Несмотря на позднее время, они встречают нас. Спортивная комиссия делает отметки в наших контрольных журналах. Путь от Москвы до Ленинграда мы прошли за девять с половиной суток. Состояние отличное.

После некоторого отдыха мы снова на старте. На сей раз наш путь к Финляндии. Провожающих много.

К границе подошли засветло. Остановка в пограничном клубе. Идем дальше. Прощаемся. Последние шаги по родной земле! По пограничному мосту через речку Сестру переходим в Финляндию. Провожающие машут руками. Слышится: «Ура!». Помахав в ответ палками, двигаемся в путь.

Все время идем вдоль железной дороги. Ночуем в г. Териоки, в гостинице. На следующий день идем на Выборг. Заметно, что здесь лыжный спорт пользуется любовью. Все встречающиеся — мужчины и женщины — на лыжах, а о ребятишках и говорить нечего.

После Выборга дорога идет вдоль шоссе. Погода благоприятствует нам. Суровая, но своеобразная красота северной природы, разнообразие пересеченной местности скрашивают трудности пути. Вскоре мы узнаем, что навстречу нам вышел известный финский лыжник, бывший чемпион мира Ниска. Он встречает нас, как хороших знакомых, и приглашает к себе. Его дом за 20 километров отсюда. Принимаем приглашение и через полтора часа уже сидим в маленькой чистой комнате небольшого домика. Ниска — столяр. Лыжи, на которых он выступает на соревнованиях, делает своими руками. Вечер проходит незаметно.

Утром мы находим свои лыжи прожженными и намазанными мазью. Трогаемся в путь.

В Гельсингфорсе нас встретили тепло. Мы посетили крупную спортивную фирму. Затем нас подвели к простой оштукатуренной колонне, на которой виднелось множество надписей. Здесь оставили свои автографы все знаменитые спортсмены, когда-либо посетившие их фирму. Среди многих подписей мы нашли фамилии земляков-конькобежцев, братьев Василия и Платона Ипполитовых и Якова Мельникова.

Вся финская печать отмечает выдающийся переход советских лыжников. Восторженным отзывам рабочих газет вторят и буржуазные.

Из последнего города в Финляндии, Або, мы на пароходе переправляемся через Ботнический залив в Стокгольм. Швеция встретила нас стаей репортеров. После молчаливых финнов бесцеремонное любопытство падких на сенсации шведов вызывает удивление. Щупают руками лыжи, ботинки, вещевые мешки. От репортеров нигде нет покоя: ни в комнатах гостиницы, ни в ресторане.

Представители рабочих спортивных организаций отнеслись к нам очень приветливо. Мы стали почётными членами многих спортивных рабочих организаций.

Погода в Швеции замучила нас.

Дорога опять начала петлять. Талый снег выжимает из нас все силы. Когда же утром и вечером немного холодеет, вся дорога превращается в раскатанную, неровную ледяную ленту. Мокрые свитеры образуют на ветру ледяной панцырь, который трещит при каждом движении. В городах нас обступают толпы любопытных.

Идем дальше.

Снова оттепель. Идти можно только по льду. Светит солнце, с гор журчат ручьи. Весна, да и только! До города Арвика 70 километров. Сильно чувствуется утомление предыдущих дней. В город входим почти шагом в час ночи.

На следующий день термометр показывает 6 градусов тепла. На улице слякоть, снега почти нет. Моросит дождь.

Ни дожди, ни почти полное отсутствие снега не мешало нам идти вперед. Каждый день мы проходим 60—70 километров. Стараемся использовать утренний заморозок, и вот мы на границе Швеции и Норвегии.

Процедура проверки паспортов проходит быстро. В первом же городе, Конгсвингере, нас встречают три норвежских лыжника. Они будут провожать нас до конца пути. В городе население устраивает нам горячий прием. Машут руками из окон домов, кричат приветствия.

Утром трогаемся в путь уже всемером. Но наш темп оказался для норвежцев слишком сильным. Они его не выдерживают. С нами остается только один из норвежских лыжников — Амудсен.

Местность гористая. Идем то темными ущельями между скал, заросших соснами, то поднимаемся в гору, где снег падает большими мокрыми хлопьями. Здесь на ветру наша одежда быстро леденеет. Но стоит только спуститься вниз, в долину, как снег сменяется дождем. К вечеру усиливается ветер. Набухшие ремни креплений то и дело рвутся. Истощились последние батарейки карманных фонариков. Темно. С трудом находим дорогу. В конце концов все же заблудились. Потом увидели вдали огонек. Это оказалась сторожка. Старик-сторож разводит в камине сильный огонь. Раздеваемся и сушим одежду; сменное белье в мешках тоже отсырело. До Осло остается двадцать километров, но решаем остаться ночевать здесь. Я устраиваюсь спать на кресле-качалке, товарищи — на полу. Усталость берет свое, и мы быстро засыпаем.

Наконец мы в Осло! Нас встречают представители рабочего спортивного союза Норвегии. Приветственные речи, поздравления. Благодарим всех за теплую встречу.

Переход окончен. 2 150 километров мы прошли за 29 ходовых дней.

С тех пор прошло 25 лет...

1952 год. Москва. Участник лыжного перехода Б. А. Дементьев работает в качестве старшего инженера отдела капитального строительства Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. На снимке: Б. А. Дементьев (крайний справа) беседует с сотрудниками отдела о строительстве стадиона.

1952 год. Город Люблино (под Москвой). Участник лыжного перехода Москва — Осло инженер В. П. Савин (справа) на строительстве жилых домов для рабочих беседует с производителем работ М. Д. Капелькиным.

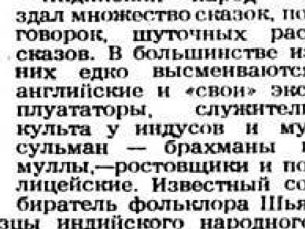

1952 год. Москва. Заслуженный мастер спорта художник А. Н. Немухин в своей мастерской.

1952 год. Москва. Заслуженный мастер спорта инженер-подполковник Д. М. Васильев.

ИНДИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Индийский народ создал множество сказок, поговорок, шуточных рассказов. В большинстве из них едко высмеиваются английские и «свои» эксплуататоры, служители культа у индусов и мусульман — брахманы и муллы,—ростовщики и полицейские. Известный собиратель фольклора Шьяма Шанкар опубликовал образцы индийского народного творчества в книжке, которую он назвал «Остроумие и мудрость индийского народа». Ниже приводятся рассказы из этой книги.

ОДИН ЗАКОН ДЛЯ ТЕБЯ, А ДРУГОЙ ДЛЯ МЕНЯ

Брахманы в Индии обычно налагают эпитимию на тех людей, которые приходят к ним, чтобы покаяться в своих грехах.

Один человек явился к брахману и сказал:

— О брахман, какова должна быть эпитимия за убийство паука?

— Паука? О, это — очень большое преступление! Тот, кто убил паука, должен, во-первых, заплатить денежный штраф. Да... Затем — подожди, дай подумать — меру зерна, бутыль растительного масла, что-нибудь из одежды, ну... и пожертвовать кое-что на бога Вишну.

— Ох, как жаль! — сказал этот человек.— Ведь вам придется понести такие большие расходы!

— Мне? — удивился брахман.— Почему я должен понести эти расходы?

— Потому что это ваш сын убил паука.

— О! Мой сын? Подожди, дай я посмотрю в священных книгах. Я, кажется, спутал. Так и есть! Убийство паука требует уплаты лишь двух пайс. Ну, что ты смотришь? Ты понимаешь: только две пайсы...

...Недаром в народе говорят: «Идолы слушают песнопения, брахманы кушают чужие жертвоприношения».

«СВЯТЫЕ ЛЮДИ»

Четыре муллы молились в мечети. Один из них случайно произнес что-то не относящееся к молитве. Второй мулла немедленно закричал:

— Ты, дурак, ты заговорил во время молитвы! Теперь вся твоя молитва годится только для ишака!

— А твоя, дубина, куда годится? — закричал третий мулла.— Оба вы хороши со своими разговорами!

Четвертый же мулла пробормотал себе под нос:

— Все они болтуны. Слава Аллаху, хоть я молчу!

АНГЛИЙСКИЕ СУДЬИ В ИНДИИ

Дело было в Индии. Один англичанин обвинялся в убийстве индуса. Английский судья спросил его:

— Почему вы убили этого человека?

— О ваша честь, он был так дерзок со мною!

— Будете еще творить беззакония? — спросил судья.

— О нет, ваша честь, никогда!

— Ну то-то, уходите! — удовлетворенно вздохнул судья.

Когда подсудимый ушел, индийский писец заметил судье, что, согласно индийскому уголовному кодексу, убийство карается очень тяжелым наказанием, а иногда даже смертью.

— Да,— ответил английский судья,— но ведь когда этот кодекс составлялся, я еще жил в Англии!

Не зря говорят люди: «Индийский закон не для англичан писан».

Перевел Э. БОРОВИК

Рисунки С. Фикса

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гроссмейстера **М. БОТВИННИКА**

ТРИ ИНТЕРЕСНЫХ ОКОНЧАНИЯ (ИЗ XIX ЧЕМПИОНАТА СССР)

Пожалуй, в каждом шахматном турнире наряду с партиями, в которых шахматисты блеснули интересными творческими достижениями, найдутся и партии, в которых одни участники упустили победу, а другие не использовали шансов на ничью. В шахматной партии можно сделать 39 хороших ходов и затем только один плохой, который и ведет к проигрышу... Неточности, ошибки вызывают иногда совершенно неожиданные результаты. Три таких «невероятных» случая мы и приводим.

Курьезный случай с мастером Таймановым

В партии между мастерами Таймановым и Геллером после острой схватки получилась позиция, изображенная на снимке.

(Белые — Тайманов: Крf1, Фе5, Лf3, g3, п. b3, d4, f4; черные — Геллер: Крh7, Фh4, Лg8, h2, п. b4, d5, e6, f7, f5).

Кажется, что положение белых безнадежно. Так считал и М. Тайманов. Отметим, что никакого цейтнота уже не было, и белые спокойно могли подумать над своим очередным 42-м ходом. Но, повидимому, М. Тайманов мысленно уже сдал эту партию; он торопливо сыграл 42. Фе3, после чего Е. Геллер записал ход 42. . . . Ла8, и белые сдались.

Кончился турнир, наступил новый, 1952 год. В шахматном мире продолжали восторгаться блестящей победой Е. Геллера в этой партии; М. Тайманов перестал «переживать» свое поражение. Ни Тайманов, ни Геллер, никто из участников турнира, ни один гроссмейстер, ни один комментатор не подозревали, что в приведенной позиции белые могли спасти партию.

И вот скромный шахматный любитель тов. Корабельников из города Люберцы прислал сообщение в редакцию журнала «Шахматы в СССР»; он нашел, что белые могли форсировать ничью путем 42. Л : g8 Кр : g8 43. Лg3 +! Ф : g3 44. Фb8 + Крg7 45. Фg8 +! Кр : g8, и белым пат!

Неожиданный ход М. Ботвинника

В 10-м туре чемпионата интересно развернулась борьба в партии Ботвинник — Керес. В сильном цейтноте Ботвинник в хорошей позиции сыграл плохо, и партия была отложена в тяжелом для него положении. При доигрывании Керес играл не лучшим образом, но все же после 47-го хода добился позиции, изображенной на снимке (Белые — Ботвинник: Крh1, Лb1, Се3, п. c4, d5, e4, f4, g3, h2. Черные — Керес: Крg8, Лb8, Кf7, п. b2, d6, e5, f6, g7, h7).

Позиция белых кажется безнадежной, как будто нет возможности успешно бороться с проходной пешкой b2. Все же белые любопытным способом осложняют борьбу! Последовало:

47. . . . Лb8—b3

Напрашивающийся ход. Черные полагали, что теперь белые отступят слоном, после чего последует Кf7—d8—b7—a5 : c4, и белые должны сдаться.

48. c4—c5!

Превосходно! Для П. Кереса этот прорыв оказался совершенно неожиданным. Жертвуя в эндшпиле фигуру, белые перехватывают инициативу.

48. . . .	Лb3 : e3
49. Лb1 : b2	g7—g6

И этот ход черных кажется естественным. Однако именно здесь П. Керес выпускает выигрыш. Только возвращая фигуру путем 49. ...h5 50. Лb8 + Крh7 51. Лf8 dc! 52. Л : f7 Л : e4, он мог надеяться выиграть партию в выгодном ладейном конце.

50. c5—c6	Лe3—c3
51. Лb2—b7	Крg8—g7
52. c6—c7	Лc3—c2
53. Крh1—g1	h7—h5
54. h2—h4	Лc2—c4
55. Крg1—f1	

Получилась забавная позиция: у черных лишняя фигура, но проходная пешка белых настолько сильна, что ничья очевидна. Конь не может двигаться из-за ответа c8Ф (с шахом); если король уходит на h6, то также следует c8Ф с последующим Л : f7. Не годится и 55. ...f5 из-за 56. f : e и затем 57. d6. В итоге через несколько ходов партнеры согласились на ничью.

Почему В. Смыслов не сдался!

(Белые — Аронин: Крf1, Лc8, Кf5, п. b2, b3, c2, e4, f2, g2, h3. Черные — Смыслов: Крh7, Лd7, п. a7, b4, c6, e5, f6, g5, h4.)

Отложенная позиция (см. снимок) из партии Аронин — Смыслов, игранной в последнем туре чемпионата, настолько безрадостна для черных, что все ожидали сдачи гроссмейстера без игры. В. Смыслов все же явился на доигрывание. Неужели он надеялся на «чудо»? Нет, конечно! Последовало:

41. . . .	Крh7—g6
42. Лc8—g8	

Если бы Л. Аронин взял пешку c6, он, конечно, легко выиграл бы партию. Но ему казалось, что проще всего перейти в «совершенно выигранный» пешечный эндшпиль, на это черные как раз и рассчитывали!

42. . . .	Крg6—h7
43. Лg8 : g7 +	Лd7 : g7
44. Кf5 : g7	Крh7 : g7

Теперь на очевидное 45. Кре2 последовало бы 45. . . . Крg6 46. Крd3 g4! и у черных контригра.

45. g2—g4	h4 : g3
46. f2 : g3	g5—g4!
47. h3—h4	. . .

Кажется, что все кончено для черных. У белых защищенная, отдаленная проходная пешка. Теперь белые пойдут королем на c4, и Смыслову останется только сдаться. Но борьба еще не кончена: впереди тонкость, не учтенная Арониным, но предвиденная Смысловым!

47. . . .	c6—c5
48. Крf1—e2	Крg7—h7
49. Кре2—d3	Крh7—h6
50. c2—c3	. . .

Здесь белые надолго задумались: план гроссмейстера уже стал ясен. Оказывается, нельзя играть 50. Крc4 из-за 50. . . . f5!! 51. e : f5 e4! и белые даже проигрывают партию из-за цугцванга.

50. . . .	a7—a5
51. c3 : b4	a5 : b4

Белые опять не могут играть 52. Крc4 из-за указанного выше варианта, и поэтому Л. Аронин вынужден был согласиться на ничью.

Поучительное окончание, которое войдет во все справочники по эндшпилю!

Международный гроссмейстер Сало ФЛОР

Что за звери котики?

Наш катер подходит к острову Тюленьему у Южного Сахалина.

С островка несется какое-то странное блеяние, точно бесчисленное стадо овец проходит поблизости.

— Это ревут котики,— объясняет матрос. — Когда подъезжают к Тюленьему, всегда сначала «слышат», а потом уже видят остров.

Высаживаемся, и на другой день с плато, занимающего центральную часть этого островка, я вижу лежбище котиков. Десятки тысяч котиков! Лишь кое-где виднелись светлые пятна песка. Звери двигались во всех направлениях и ревели. А в воде на широких волнах и в пене прибоя мелькали темные головы, изгибались крутые блестящие, точно лакированные, спины и вздымались черные ласты играющих в море котиков.

Они носились на волнах, вертелись и кувыркались, как акробаты. Уставши, котики начинали качаться на воде, принимая самые разнообразные позы. Звери то ложились на спину и, точно задумавшись, почесывали себе брюхо ластами, то задирали их кверху, то потирали и почесывали ими свой нос...

На камнях около берега сидели старые самцы — секачи. Огромные, сутулые, гривастые и совершенно неподвижные. Их величественные фигуры возвышались над пеной прибоя.

Чем дальше от моря, тем плотнее располагались звери. Некоторые бродили по пляжу, ковыляя на ластах, другие дремали, закинув голову назад и медленно покачиваясь из стороны в сторону. Многие спали в самых разнообразных позах.

Самки, лежа на боку, кормили маленьких котиков. Другие огрызались, отгоняя от себя чужих детенышей.

Кое-где происходили драки. Звери злобно ревели, разевая пасти, и наскакивали один на другого, стараясь укусить.

* * *

Котик — промысловый зверь. Его мех красив и чрезвычайно прочен, уступая в крепости лишь меху бобра и выдры. При выделке котиковых шкур из них выщипывают грубый остевой волос, оставляя лишь густой, нежно-шелковистый подшерсток коричневатого тона.

Для промышленных целей мех красят в черный цвет. Лишь подувши на мех котика, можно увидеть ближе к мездре его естественную окраску.

Забой котиков на острове Тюленьем производится летом. Полагается забивать определенное количество зверей, иначе можно сильно ослабить стадо. Бьют только молодых самцов. Маленьких же черных котиков, самок и секачей строго охраняют. При забое часть стада отгоняют в сторону на так называемые забойные площадки и убивают зверей ударами палок по носу.

В прежнее время котики были широко распространены и водились миллионными стадами как в южном, так и в северном полушариях. Но хищническая погоня капиталистических предпринимателей за прекрасным мехом этих зверей привела к тому, что в настоящее время на земном шаре известны лишь три больших стада котиков, которые держатся в северных водах Тихого океана.

Глубокой осенью котики покидают свои лежбища и уходят на юг на зимовку. Каждое стадо зимует в строго определенных местах, и идут туда звери теми же водными дорогами, которыми они приходят весной на лежбища.

Пустеет осенью остров Тюлений. Уплывают котики; уходят катеры и кунгасы, груженные драгоценным мехом; уезжают люди, прибывшие сюда на промысел; наступает штормовая погода; огромные волны перекатываются через островок.

Весной снова оживет это пристанище котиков.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук,
профессор

Лежбище котиков.

Огромный секач возвышается в центре, окруженный самками и молодыми, похожими на щенят, так называемыми «черными котиками».

Два малыша пригрелись на солнце.

Медленно ковыляют котики по суше на своих ластах. Их гонят на забойную площадку.

Фото И. Квача

«В помощь рядовому англичанину»

Текущий год, год усиленной гонки вооружений, не сулит английскому народу ничего доброго. «Мы не обещаем, — заявил премьер-министр, — никакого облегчения в ближайшем будущем. Некоторые неприятные вещи уже сделаны. Это — только начало того, что ждет нас впереди».

Учитывая этот не очень бодрящий прогноз, газета «Санди диспетч» предлагает в помощь рядовому англичанину некоторые приспособления (см. рисунок), «специально сконструированные для 1952 года, который обещает быть очень трудным». В эту созданную фантазией английского карикатуриста «аппаратуру для облегчения жизни» входят:

1. **ПРИСПОСОБЛЕНИЕ** для того, чтобы не упускать из виду угрозы войны. 2. **АВТОМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ** того, что должно сделать в текущем году (и что было упущено в прошлом!). 3. **ЖЕЛУДОЧНЫЙ АМОРТИЗАТОР** на случай нового сокращения рациона продовольствия. 4. **ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ИСХОДА ФУТБОЛЬНЫХ МАТЧЕЙ** (и шансов на выигрыш нескольких шиллингов, поставленных на команду-фаворита). 5. **РОЛИКОВЫЕ КОНЬКИ** — единственный доступный небогатому англичанину вид дорожающего с каждым днем транспорта. 6. **ФИЛЬТРОВАЛЬНЫЙ АППАРАТ** для отцеживания плохих вестей, т. е. сообщений о росте дороговизны. 7. **АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПОДТАЛКИВАТЕЛЬ** (уставших следовать путем, на который толкают английский народ правящие круги). 8. **ПОРТАТИВНАЯ «ПЕШЕХОДНАЯ ДОРОЖКА»** для предохранения от участившихся несчастных случаев при переходе улиц. 9. **КАРМАННЫЙ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ** от перерасхода денег. 10. **ДОМАШНИЙ ЭЛЕКТРОГЕНЕРАТОР** на случай очередного сокращения подачи электроэнергии. 11. **ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ**, показывающие, сколько времени (десятилетий или столетий!) нужно работать, чтобы получить возможность приобрести автомобиль.

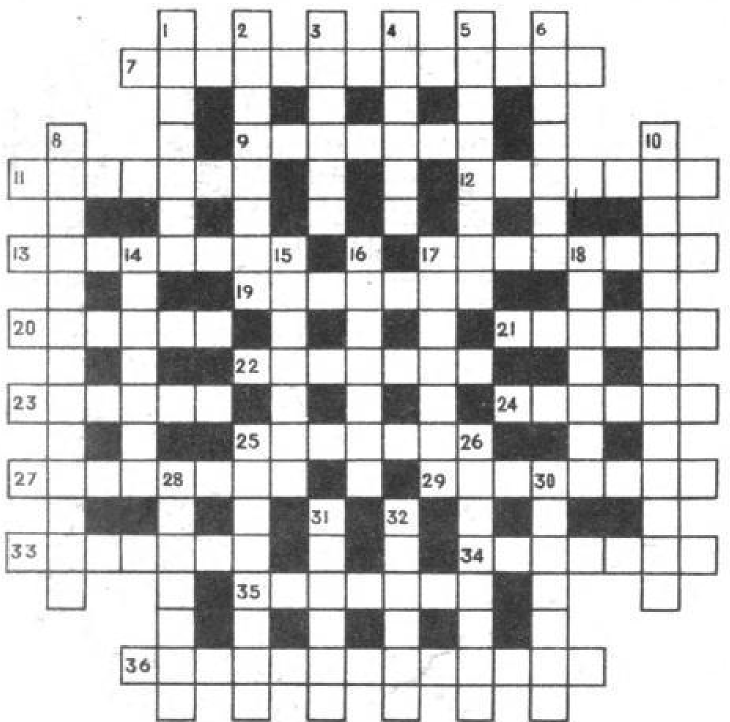
☆ ☆ ☆

«В каждой шутке, — говорит пословица, — есть доля правды». В горькой шутке английской газеты эта «доля» более чем велика!

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Печь для производства генераторного газа. 9. Малая планета. 11. Воинское звание. 12. Книга стихов Т. Шевченко. 13. Совокупность приемов и навыков в работе. 17. Высшая степень окисления вещества. 19. Пешеходная дорожка в населенном пункте. 20. Английский поэт. 21. Город в Китае. 22. Знаменитый русский архитектор. 23. Гениальный итальянский художник. 24. Огородное растение. 25. Китаист. 27. Величина, характеризующая свойство явления. 29. Сорт льна. 33. Блестящая, мягкая материя. 34. Спортсмен. 35. Неурожай. 36. Общественная прослойка.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Предельные внешние очертания предметов. 2. Полный набор. 3. Столица европейского государства. 4. Цветок. 5. Совокупность психических особенностей человека. 6. Денежная помощь. 8. Переустройство, преобразование. 10. Мебельщик, изготовляющий дорогие сорта мебели. 14. Остров в Средиземном море. 15. Город в Краснодарском крае. 16. Русский «землепроходец», открывший Камчатку. 17. Судно. 18. Сумчатое австралийское животное. 25. Продольная связь корпуса судна. 26. Мясо. 28. Складка на коже. 30. Мазь для чистки обуви. 31. Единица счета времени. 32. Песня А. Новикова на слова Л. Ошанина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

1. Пахом. 4. Съезд. 8. Краевед. 10. Перевал. 12. Улита. 14. Рейд. 17. Банк. 18. Поляризатор. 19. Миролюбие. 21. Романтика. 23. Почин. 24. Метка. 27. Пожарский. 29. Холстомер. 33. Циолковский. 34. Юмор. 35. Море. 37. Туфли. 39. Укрытие. 40. Новатор. 41. Дождь. 42. Абзац.

По вертикали:

2. Алей. 3. Модуляция. 4. Сепаратор. 5. Змея. 6. Драйзер. 7. Салазки. 9. Финиш. 11. Грамм. 13. Школа. 15. Коцюбинский. 16. Ковалевский. 20. Опока. 22. Токио. 25. Числитель. 26. Холстинка. 27. Полюс. 28. Желонка. 30. Мотовоз. 31. Резец. 32. Корфу. 36. Лыко. 38. Фаза.

Почему мы так говорим

ЧАСТИ СВЕТА

Финикийские торговые колонии были заложены по берегам Средиземного моря (вплоть до нынешней Испании) еще в глубокой древности. Заморская торговля была возможна только при наличии большого флота, а финикийцы славились как мореходы.

Их суда уже плавали по Средиземному морю более трех тысяч лет назад. Все страны, расположенные к востоку от Средиземного моря, финикийцы называли «асу» — восходом. Из «асу» и родилось слово «Азия». Сторону, противоположащую «асу», то есть страны к северо-западу от моря, они называли «эреб» — закат. И по-гречески «эребос» значило «вечерняя страна». От этого «эреб» и создалось слово «Европа».

Географические названия вообще нередко означают «страна восхода» и «страна захода». Напомним, что, например, «Левант» образовано от итальянского «леваре» — восходить, подниматься,— а «Анатолия» — от греческого слова, означающего «начало».

Греки называли нынешнюю Северо-Восточную Африку Либией по народу либу, или рбу, который они узнали первым. Позже римляне назвали эту часть света по имени народа ауриги, или афарики, с которым они столкнулись. Древние считали, что существует только две части света: Европа и Азия,— а Либию относили то к Европе, то к Азии. Потом за материком закрепилось римское название «Африка», а Ливией стала именоваться только часть Африки.

В свое путешествие Христофор Колумб отправился в поисках прямого морского пути в Индию. Когда его корабли причалили к земле, он решил, что достиг Индии. Из-за этой ошибки за коренными жителями новой страны закрепилось имя «индейцы», то есть «жители Индии». До конца жизни Колумб не знал, что открыл новую часть света, и считал, например, Кубу одним из полуостровов Восточной Азии.

Новый материк получил свое название не по имени Колумба, а по мореплавателю-флорентинцу Америго Веспуччи. Он был участником нескольких путешествий в Новый Свет (как тогда называли Америку). Его письма о путешествиях были опубликованы на нескольких языках и возбудили очень большой интерес к новой стране. Поэтому, когда в 1507 году в Европе вышла книга «Введение в космографию», к которой была приложена карта Вальдзеемюллера, на ней южная часть нового материка была в честь Веспуччи обозначена как Земля Америго Веспуччи. Но вскоре в достоверности описаний Веспуччи возникли сомнения: точных маршрутов он не сообщал, спорны были приписываемые им себе заслуги. Повидимому, поэтому на картах Вальдзеемюллера 1513 и 1516 годов имени Америго уже не было.

Но первая карта была отпечатана значительным по тому времени тиражом, в тысячу экземпляров, и дело было сделано: новое название начало жить.

Интересно, что Америкой называли вначале только южную часть новых земель, а открытые Колумбом Вест-Индские острова и северную часть континента относили к Азии. Только на карте Меркатора 1541 года название Америка было распространено и на северную часть материка.

Не сразу получила нынешнее название и Австралия. Уже в древности полагали, что где-то к юго-востоку от Африки должен существовать обширный материк, который ученые называли по-латыни «терра (земля) инкогнита (неизвестная) австралис (южная)».

Когда был открыт новый материк и в течение XVII века на карту было нанесено почти все побережье его западной части, голландцы назвали эти земли Новой Голландией. Восточная часть была открыта мореплавателем Куком, который назвал ее Новым Южным Уэльсом. Только в 1814 году исследователь Флиндерс предложил присвоить новым землям древнее имя — «Австралия» («Южная»).

И. УРАЗОВ

В этом номере помещены репродукции картин Ю. П. Рейнера «Советская Молдавия» (триптих), Е. И. Табаковой «В час отдыха», А. А. Пластова «Витя подпасок», В. И. Куделькина «Портрет корейской девушки Ким Ден Ок», К. К. Купецио «Анютины глазки», «Пеоны» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана

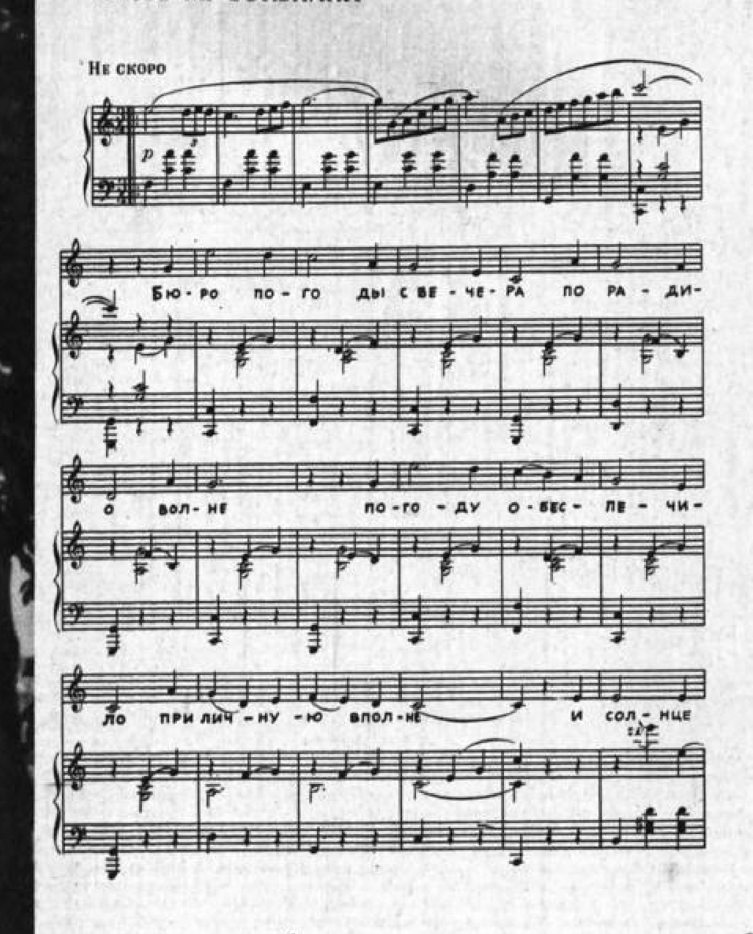
А 01361. Подписано к печати 1/IV 1952 г. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 241. Заказ № 564. **Рукописи не возвращаются**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Слова М. ВОЛЬПИНА

1

Бюро погоды с вечера
По радиоволне
Погоду обеспечило
Приличную вполне.

Солнце разгорается,
Ночной туман гоня,
Во все лучи старается
Для праздничного дня.

2

Тропой, травой поросшею,
Идем в сосновый бор;
Ведем с моей хорошею
Душевный разговор.

О читанном, о виданном,
О том, куда идти,
О том, что все открыты нам
Счастливые пути.

3

Цветущей белой вишнею
Я милую назвал
И даже что-то лишнее,
По-моему, сказал.

Но только слова этого,
Что в сердце берегу,
Теплом души согретого,
Сказать ей не могу.

Цена 3 руб.